

ГРЕБЕНЦЫ
ВЪ
ПѢСНЯХЪ.

СБОРНИКЪ

СТАРИННЫХЪ, БЫТОВЫХЪ, ЛЮБОВНЫХЪ, ОБЯ-
ДОВЫХЪ И СКОМОРОШНЫХЪ ПѢСЕНЪ ГРЕБЕН-
СКИХЪ КАЗАКОВЪ СЪ КРАТКИМЪ ОЧЕРКОМЪ
ГРЕБЕНСКАГО ВОЙСКА И ПРИМѢЧАНІЯМИ.

Собралъ подхорунжій 1-го Кизлярско-Гребенскаго
полка Ф. С. Папкратовъ.

ВЛАДИКАВКАЗЪ

Типо-Литографія В. П. Просвирина.

1895.

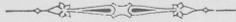
Всего 14ч

ГРЕБЕНЦЫ

ВЪ

ПѢСНЯХЪ.

Fr. R. Kreutzwaldi sim.
Fest. NSV
Riiklik Avalik
Raamatukogu

СБОРНИКЪ

Старинныхъ, Бытовыхъ, Любовныхъ, Обрядовыхъ и Скоморошныхъ пѣсенъ Гребенскихъ казаковъ съ краткимъ очеркомъ Гребенскаго войска и примѣчаніями.

Собралъ подхорунжіі 1-го Кизляро-Гребенскаго полка
Ф. С. Панкратовъ.

ВЛАДИКАВКАЗЪ.

Типо-Литографія В. П. Просвирнина.

1895.

ЕБСТ
RAHVUSRAAMATUKOGU
2-03-09971

ГРЕБЕВЦЫ

ВР

ПЪОНХР

Владикавказ
24 Декабря
1894 года

СВОРНЯР

Печатать дозволено. Владикавказъ, 24 Декабря 1894 года.

Съездъ въ Владикавказъ 24 Декабря 1894 года

Ф. С. Никитинъ

ВЛАДИКАВКАЗЪ

Типографія В. П. Бирюкова

1898

ПОЧЕТНОМУ КАЗАКУ
СТАНИЦЫ КАХАНОВСКОЙ
Его Превосходительству
Начальнику Терской области
и
Наказному Атаману
ТЕРСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА,
Генералъ-Лейтенанту
Семену Васильевичу
КАХАНОВУ.

ПОСВЯЩАЕТЪ СОБИРАТЕЛЬ.

ВВЕДЕНІЕ.

Послѣ татарскаго погрома и въ первыя времена собиранія Руси, восточная часть южно-русскихъ степей представляла изъ себя обширную необитаемую равнину, по которой бродили стада дикихъ животныхъ, а богатые дары природы, этой благословенной Богомъ страны, лежали нетронутыми. Степи давали убѣжище цѣлымъ шайкамъ татаръ, которые безпрепятственно безпокоили окраины многострадальной Руси. Какъ ураганъ, налетали они на села и деревни русскія, и послѣ цѣлаго ряда звѣрскихъ убійствъ и грабежей мирнаго населенія, возвращались къ своимъ кочевьямъ. Русскіе князья, занятые дѣлами въ государствѣ, большею частью не успѣвали во время предупредить степныхъ хищниковъ, которые на своихъ быстрыхъ, низкорослыхъ лошаденкахъ безслѣдно скрывались, распродавая живую добычу на рынкахъ южной Россіи, а также и Турціи. Храброму и многочисленному русскому народу тяжело было переносить все это. Тѣмъ не менѣе нашлось средство противодѣйствовать ему въ случайно образовавшемся на югѣ Руси изъ бѣглыхъ людей, недовольныхъ порядками правительства, сословіи — казаче ствѣ, ставшемъ оплотомъ земли Русской противъ набѣговъ хищныхъ татаръ. Такимъ образомъ, казачество создано и выдвинулось на политическую сцену вслѣдствіе естественныхъ причинъ, вслѣдствіе сложившихся условій даннаго періода времени. Привольныя и богатыя южныя степи

давно манили къ себѣ смѣлыхъ и отважныхъ людей, которые по различнымъ причинамъ не могли усидѣть на родинѣ. Такъ положено было основаніе казачеству на югѣ Руси. Въ первое время мы встрѣчаемъ казаковъ на Дону, на Терекѣ, Яикѣ, въ Запорожьѣ и Сибири. Впослѣдствіи, по инціативѣ правительства, создалось еще нѣсколько казачьихъ войскъ. Въ XVI стол. Рязанскіе казаки Червленнаго Яра, въ какомъ именно году—этого по исторіи не видно, по всей вѣроятности въ началѣ царствованія Іоанна Грознаго, недовольные порядками Московскаго правительства, взбунтовались, чѣмъ вооружили противъ себя Царя. Когда, посланный для умирненія мятежниковъ, воевода Дибичъ пришелъ въ Червленный Яръ, то здѣсь уже никого не было — всѣ покинули родныя пепелища и разбрелись кто куда попало: одни съ семействами спустились на своихъ легкихъ стругахъ внизъ по Дону, завоевавъ Азовъ. О завоеваніи, или по крайней мѣрѣ, о предположеніи завоевать Азовъ, есть пѣсня—

«Какъ у насъ то было на тихомъ Дону,

Во Черкасскомъ славномъ городу».

Другіе казаки разбрелись по окрестнымъ камышамъ, въ изобиліи покрывавшимъ необитаемые берега Дона, а нѣсколько шаекъ подъ командой выборныхъ атамановъ перенбрались на Волгу, а оттуда въ Каспійское море. Пограбивъ хорошо безъ разбору всякіе корабли, шайка *«безначпортныхъ людей»*, была застигнута сильной бурей, разбившей въ щепки ихъ струги и потопившей большинство казаковъ. Небольшая группа въ 250 человекъ благополучно выбралась въ жилое мѣсто, будучи выброшена бурей въ устьѣ Терека. Отсюда голытьба поднялась вверхъ по Тереку и основала четыре городка, юрта, причемъ три изъ нихъ получили названіе по имени атамановъ основа-

телей—Кордюка, Гладкаго и Шадрина, за четвертымъ сохранилось названіе въ память Червленнаго Яра *). Такимъ образомъ, появились — Червленный, Шадринскій, Гладковскій и Кордюковскій городки. Спустя нѣкоторое время отъ Гладковского городка отдѣлилась партія казаковъ, которая поднялась вверхъ по Тереку и въ 12 верстахъ отъ стараго Гладковского городка основала новый Гладковскій городокъ, получившій названіе Новогладковского, а старый городокъ сохранилъ за собой названіе Старогладковского. Бѣглецы ни съ разу утвердились въ основанныхъ ими городкахъ. Сначала они жили при устьѣ Сунжи, противъ станицы Щедринской, а потомъ, перебравшись на лѣвый берегъ Терека, въ 2-хъ верстахъ отъ нынѣшняго стараго Щедрина, сдѣлали себѣ небольшую крѣпостцу, обнеся ее громаднымъ ровомъ. Въ этой то крѣпостцѣ и жили нѣкоторое время казаки. Отсюда они уже разошлись по своимъ новымъ мѣстамъ, на которыхъ и въ настоящее время они находятся. «Городище», убѣжище казаковъ по переправѣ чрезъ Терекъ съ устья Сунжи, существуетъ и въ настоящее время. Валъ и ровъ хорошо сохранились, но они покрыты вѣковыми дубами; у Щедринцевъ это мѣсто теперь называется «Канканчикомъ», и служитъ весною для совершенія различныхъ Гребенскихъ обрядовъ. Тяжело пришлось въ первое время бѣглецамъ: чеченцы и кабардинцы то и дѣло беспокоили ихъ своими набѣгами. Но и Гребенцы **) въ свою очередь не оставляли беспокоившихъ ихъ горцевъ. Особенно увеличались усціхи ихъ съ того времени, какъ кабардинцы изъ вра-

*) Головной уборъ Гребенской женщины—это видоизмѣненный уборъ женщинъ Рязанской губерніи.

**) Названіе Гребенцовъ получили они отъ тянущагося вдоль всего праваго берега Терека гребня.

говъ сдѣлались ихъ друзьями, вслѣдствіе женитьбы Іоанна Грознаго на дочери Кабардинскаго князя Темрюка. Побѣда надъ чеченцами давала массу трофеевъ, состоящихъ какъ изъ стадъ рогатаго скота, лошадей, а также молодыхъ красивыхъ чеченокъ. По прочномъ утверженіи на берегахъ Терека, Гребенцы выбрали со всѣхъ станицъ депутатовъ, которыхъ отправили въ Москву бить челомъ Іоанну Грозному, чтобы простилъ онъ ихъ за побѣгъ. Какъ свидѣтельствуется исторія, а также и пѣсня «Ни сѣры то гуси во полѣ клохчуть» — Іоаннъ Грозный не только простилъ ихъ за побѣгъ, но даже пожаловалъ во всегдашнее владѣніе «Терекомъ Горыньевичемъ со протоками». Такимъ образомъ, если при отчаянной борьбѣ на жизнь и смерть, Гребенцы часто лишались своихъ стадъ, а весьма часто и родныхъ семействъ, то и они въ свою очередь не оставляли въ покоѣ горцевъ. Геройскіе набѣги ихъ то и дѣло сокрушали жилища враговъ-чеченцевъ и нерѣдко съ плѣномъ людей одна и также добыча переходила изъ рукъ казаковъ въ руки горцевъ и обратно. Однакомъ то время давно минуло и даже не достаточно хорошо изслѣдовано исторіей. Не менѣе живой интересъ мы встрѣчаемъ въ рассказахъ, которые относятся къ ближайшему къ намъ времени, концу XVIII и началу XIX столѣтія. Вся тревожная, трехвѣковая, по истинѣ молодецкая жизнь Гребенцовъ нашла себѣ живое отраженіе въ народной поэзи ихъ. Слѣдовательно, имѣя теперь подъ рукою достаточное количество произведеній такого рода, въ которыхъ, какъ въ родниковой водѣ, отражаются — исторія и преданіе, обряды, обычаи, вѣрованія и помышленія Гребенскаго казачества, каждый читающій можетъ составить вполне ясное понятіе о его бытѣ, духѣ, міровоззрѣніи, характерѣ, словомъ, о всѣхъ основахъ его племенной и національ-

ной самобытности. Въ собранныхъ мною пѣсняхъ легко прослѣдить за постепеннымъ развитіемъ Гребенского, а потомъ и Терскаго войска, за колонизаціей первыхъ русскихъ поселенцевъ на Кавказѣ, ставшихъ сильнымъ оплотомъ земли Русской на отдаленной ея окраинѣ, за нравами, языкомъ, религіей, и, вообще за всей жизнью Гребенцовъ. Еще на школьной скамѣ, въ гимназіи, видя, какъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе, благодаря проникновенію цивилизаціи забываются свои родныя пѣсни, я задался мыслью воскресить забываемую народную литературу первыхъ колонизаторовъ Кавказа. Шесть лѣтъ работалъ я надъ сборомъ пѣсенъ по Гребенскимъ станицамъ, ходилъ во «бесѣды» и наконецъ труды мои увѣнчались успѣхомъ, хотя и неполнымъ. Еще тысячи пѣсенъ сохраняются въ устахъ Гребенцовъ, которыя я въ будущемъ постараюсь передать. Пребываніе въ полку и близкое нахожденіе какъ отъ своей станицы, а также вообще отъ Гребенскихъ станицъ, помогло мнѣ. Содѣйствіе и одобреніе Командира полка М. А. Смирницкаго еще болѣе придало мнѣ энергіи и желанія довести начатое дѣло до конца. При соединеніи пѣсенъ въ одно цѣлое, систематически изложенное, мнѣ пришлось столкнуться со многими препятствіями, которыя, при живомъ и сердечномъ участіи Отца-Командира М. А. полковника Смирницкаго, были устранены, и, благодаря лишь ему одному, я получилъ возможность свою завѣтную мечту привести въ исполненіе. Читаящимъ можетъ показаться страннымъ, что въ число Гребенскихъ пѣсенъ попало много Донскихъ и Уральскихъ. Не смущаясь этимъ, нужно припомнить, что Гребенскіе казаки тѣже самые Донцы и Уральцы, а потому и понятно, что съ приходомъ ихъ на Терекъ сюда же были перенесены и ихъ пѣсни, которыя уже можно

считать достояніемъ Гребенцовъ, плодомъ ихъ ума. При записываніи пѣсень я старался строго держаться того языка, которымъ онѣ мнѣ пѣлись, а потому и въ помѣщаемыхъ здѣсь пѣсняхъ — встрѣчается много словъ и выраженій такихъ, которыя понятны однимъ Гребенцамъ; поясненіе къ нимъ прилагаю здѣсь же въ примѣчаніяхъ. Собранныя мною пѣсни раздѣлены на отдѣлы: I — Историческія или старинныя, II — Военно-Бытовыя, III — Любовныя и Обрядовыя и IV — Скоморошныя. Эти послѣднія представляютъ изъ себя веселые пѣсни, которыя необходимо при пѣніи сопровождаются ударами въ латунный тазъ. Поютъ ихъ «при обыгрываніи» молодымъ ребятами, на вечеринкахъ и во мн. др. случаяхъ, о которыхъ буду говорить потомъ. Въ числѣ бытовыхъ пѣсень встрѣчаются двѣ искусственныя, принадлежащія перу полковника станицы Червленной П. Т. Кулебякина. Остановиваясь на пѣснѣ, «я во садикъ собиралась» легко можно видѣть положеніе Гребенской женщины на работѣ за уборкой садовъ въ тревожныя времена, когда Гребенская женщина играла такую же роль какъ и мужчина. Онѣ сѣдлали мужьямъ лошадей, малолѣтняя дочь подавала отцу винтовку, сынъ держалъ подъ уздцы коня, въ то время, какъ глава семьи одѣвался, собираясь на тревогу. Въ самомъ дѣлѣ, нужно было только видѣть, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, какъ жилъ и умиралъ Гребенецъ, съ какимъ смиреніемъ и самоотверженіемъ совершала онъ свои подвиги, и сколько неизвѣстныхъ потомству, героевъ-Гребенцовъ легло молча для защиты долга и чести. Изъ рода въ родъ передаются боевыя историческія воспоминанія Гребенцовъ о подвигахъ предковъ и часто въ веселой компаніи за «чануркой родимаго» они «молятъ Бога» о погибшихъ, давая наставленія молодому поколѣнію*).

Собиратель Ф. С. ПАНКРАТОВЪ.

*) „Терское Казачье Войско“ Полк. Ржевускаго.

*В восточномъ Рубинъ
до журу району том
Александръ Филипповъ*

19-8/11

ОТДѢЛЪ I-й.

ИСТОРИЧЕСКІЯ

(СТАРИННЫЯ).

ОТДѢЛЪ I

Ахъ ты, батюшка, ты нашъ батюшка,
Быстрый Терекъ, ты Горыньевичъ!
Про тебя то лежить слава добрая,
Слава добрая, рѣчь хорошая!
Ты прорыль, прокопаль
Круты горы, лѣса темные;
Ужъ упаль ты Терекъ нашъ
Во сине море, во Хвалынское;
Какъ на устье ты выкатиль
Бѣль горючъ камень!
И тутъ шли прошли Гребенскіе казаки
И что съ той ли со батальицы;
Что съ той ли батальицы со Турецкія;
Не дошли они до бѣла камушка — становилися,
Становившися, они дувань *) дуванили:
Что на каждаго досталось по 500 рублей;
Атаманушкѣ съ есаулушкой по тысячѣ;
Одного то добра-молодца его обдуванили:
Доставалася добру-молодцу красна дѣвица;
Какъ уборь-атъ приборь на ней во 500 рублей;
Коса русая — во всю тысячу,
А самой то красной дѣвицѣ цѣны нѣту-ка.

* * *

*) Дѣлежь.

* * *

Не во славномъ городѣ Вавилонѣ
Тамъ жила красная дѣвица,
Она дочь отецкая.
Прожила она красная дѣвица
Ровно она тридцать лѣтъ.
Пріѣзжали къ ея родимому батюшкѣ
Вотъ изъ горъ они князья.
Пріѣзжалъ къ ея родимому батюшкѣ
Самъ Паша-Турецкій-Султанъ.
Какъ въ его то красу красная дѣвица
Вотъ она перельстилася *),
Во его то лицо красная дѣвица
Она все влюбилася.
Совершила она красная дѣвица
Богу она тяжкій грѣхъ:
Воспородила она *на* красная дѣвица
На младого юношу Александрушку,
Все того-ли сына Македонскаго.
Дознался ее родимый батюшка;
Онъ и сталъ ее журить-бранить.
Что журить-бранить красную дѣвицу,
Со двора ее долой гонить:
— «Ты сойди, сойди, красна дѣвица,
«Со мово ли со двора долой!
«Ты снеси съ меня худу славушку!»
Какъ взяла то взяла она на младого юношу,
Александрушку, сына Македонскаго;
Прижала его красная дѣвица
Къ своему ретивому сердцу,

*) Перельстилася — прельстилася.

И пошла то пошла красная дѣвица
Она все изъ граду вонъ;
Пошла то она тропиною все звѣриною.
Вдругъ на встрѣчу ей красной дѣвицѣ
Идетъ *на* старой казакъ;
На старой казакъ идетъ,
Идетъ Илья Муровичъ:
— «Что Богъ помощь тебѣ, красна дѣвица,
«Куда тебя Господь бѣдну несетъ?»
— «Я иду, иду, красна дѣвица
Что по край моря синяго;
Я хочу то хочу, красна дѣвица,
Построить теплое гнѣздышко;
Я воротичками его во чисто поле,
Окошечками во сине море;
Да тамъ будутъ ходить
На молодые охотнички;
Признавать будутъ въ младомъ юношѣ
Они князя Македонскаго!»
— «Я хочу, хочу, красна дѣвица,
Я тебя еще просить буду:
Не тои на младого юношу,
Сына его Македонскаго!» (1)

* * *

Изъ села было все изъ селочка,
Изъ села было все изъ малаго,
Что изъ малаго Карачаева.
Тутъ вылетывалъ младъ ясенъ соколь,
Тутъ выпархивалъ младъ сизой крѣчать.
Тутъ выѣзживалъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ, Дюкъ Степановичъ,

Дюкъ Степановичъ, сынъ Ивановичъ.
Подъ нимъ добрый конь,
Ровно лютый звѣрь,
Да кунцомъ *) копыта, шея кóлесомъ,
Да и гривушка все на лѣво;
Подъ копытцами все змѣи сопятъ;
Змѣи сопятъ, змѣи лютыя;
Змѣи лютыя, двухголовыя,
Двухголовыя, од шерстныя.
На немъ лукъ-сайдакъ,
Ровно жаръ горить;
Ровно жаръ горить, красно солнышко;
Во камчяхъ **) лежать ровно 30 стрѣль,
Еще три стрѣлы;
Тридцати стрѣламъ цѣна сказана,
Какъ тремъ стрѣлочкамъ цѣны нѣту-ка:
У нихъ ушечки подзлаченныя,
У нихъ перушки все орловыя;
Какъ того орла, орла сизаго,
Орла сизаго, сизокрылаго.
Ужъ днемъ стрѣляль,
Ночью собираль.
Да тутъ ѣхали купцы торговые;
Они сбирали перушки орловыя,
Какъ того орла, орла сизаго,
Орла сизаго, сизокрылаго.

* * *

Тамъ заставушка была не махонькая ***)

*) Кунцовое копыто — старинное выражение — *стаканчиковое*, *торцовое* копыто.

**) Камчи — это тотъ-же самый колчанъ.

***) Махонькая — маленькая.

Она все не большенькая;
Какъ была тамъ заставушка
Она во матушкѣ была во Россіюшкѣ.
Во первыхъ то часахъ, часахъ первыхъ,
Ни ясень соколъ во пролетъ пролеталъ,
То добрый-атъ молодецъ на конѣ проскакалъ.
И кому же изъ насъ во погонь ему гнать?
Гнать то не гнать на старому казаку,
Что тому казаку Ильѣ Муровичу;
Гнать то не гнать все Добрынюшкѣ,
Гнать то не гнать Дюкъ Степановичу;
Гнать то не гнать бѣдному Алешенькѣ Поповичу.
Онъ Алешенекъ умомъ-разумомъ
Да онъ глупешенекъ.
Какъ и есть то у насъ на два бояршечка,
Во пиру ли, во бесѣдѣ люди первые,
А на бою, на дракѣ люди послѣдніе.
Ужъ какъ гнать то не гнать *на* старому казаку,
Гнать то не гнать Ильѣ Муровичу.

* * *

Не далече было далече во чистомъ полѣ.....
Не два сокола они вмѣстѣ изъ дубровушки
Два соколика вмѣстѣ солетались,
Не два бѣгатыря вмѣстѣ соѣзжались;
Не Иванушка онъ съ царемъ позаспоровался *),
Не объ ста рубляхъ, не объ тысячѣ;
Позаспоровались они о своихъ буйныхъ головушкахъ.
Ни по Божеской было по милости,
А по младеческому было по счастьюцу,

*) Позаспороваться—заспорить.

Сбилъ Иванушка царя невѣрнаго,
И садится Иванушка царю на бѣлы груди.
Вынимаетъ Иванушка свой острый кинжалище,
Онъ и хочетъ пороть царю груди бѣлыя,
Груди бѣлыя, груди царскія
И поганый царь испугался,
Онъ взмолился царь къ Настасьюшкѣ,
Что ко дочери ко Митривнѣ.
— «Свороти ка, моя Настасьюшка,
Съ моихъ бѣлыхъ грудей ты Иванушку,
И за это тебя Настасьюшка
Я возьму тебя за себя замужъ;
За мною, Настасьюшка,
Ты будешь царицею,
Будешь царица ты всесвѣтная;
Всѣ цари земные тебѣ поклонятся,
А за Иванушкой будешь холодкою!»

* * *

Что не въ славномъ было градѣ Кіевѣ,
Что у славнаго князя у Владимира,
У Солнышка-Краснаго, сына Всеславича,
Какъ собиралася она тамъ пирь-бесѣдушка,
Честохвальная, да почетная.
Ужъ какъ пьютъ то они гуляютъ
Князья бояре, проклаждаются,
Промежъ собой они похваляются:
Какъ и сильной то хвалится своею силою,
Богатый хвалится своимъ богатствомъ,
А убогий все Божьей милостью.
Лишь Владимиръ князь одинъ не хвалится,
И, какъ солнышко, онъ улыбается,

Ужъ онъ молвить бесѣдѣ таковы слова:
— «Всѣ друзья мои, братья, поженилися,
Вся голутьба *) моя пересватана,
Одинъ я, добрый молодецъ, холость хожу,
Ужъ я холость хожу, незасватанный!» (2)

* * *

Какъ у насъ то было во Калмыкушкахъ.....
Собиралася тутъ соѣзжалася
Вотъ ордычушка, сила невѣрная —
Темергойцы-собаки съ Бессемейцами
Они вмѣстѣ собиралися.
Они думушку думали все единую:
Во которую, братцы, во сторонушку
Да мы на ударъ поидемъ?
Ударимте-ка мы, братцы, во улусушки,
Что во тѣ улусы во Калмыцкіе,
На ту кибиточку бѣлу ханскую.
Молодого хана дома не случилось:
Онъ поѣхалъ во матушку во Россіюшку,
Въ каменную Москву.
Молодая ханша крѣпко испугалася;
Кричитъ-то она, зычитъ своимъ нѣжнымъ голосомъ:
— «Ужъ вы, вояси, мои слуги вѣрные,
Вы дайте, подайте мнѣ, молодой ханшѣ,
Перевезите меня на ту сторону,
Вы возьмите съ меня пятьсотъ рублей,
Коли мало, возьмите всю тысячу,
Коли мало, возьмите вороныхъ коней,

*) Голутьба.

А въ приданное вамъ дарю
Я свой золотой перстень!» (3)

* * *

Не сѣрые гуси въ полѣ гогочуть,
Не сизые орлы клохчуть —
Они пить и ѣсть хотятъ.
Гребенскіе наши казаки
Предъ Царемъ они стоятъ,
Передъ Грознымъ Царемъ,
Предъ Иванъ Васильевичемъ.
Гребенскіе наши казаки
Царю рѣчи говорятъ:
— «Да ты батюшка, ты нашъ надежда,
Православный Государь!
Да и чѣмъ ты насъ подаруешь,
Чѣмъ пожаловаешь? *)
Подарю я васъ, моихъ казаченьковъ,
Рѣкою вольною, Тереккомъ Горыньевичемъ;
Отъ самаго Гребня до синя моря,
До синя моря до Хвалынскаго!»

* * *

Не изъ тучушки вѣтерочки дуютъ,
Не дубровушка во полѣ шумить.
Что ни сизые орлы въ полѣ выются,
По надъ небесью орлы летучи;
Что ни сѣрые гусюшки гогочуть,
По надъ бережкомъ гуси сидючи.
То расплакались младае казаченьки

*) Для склада пѣсни я оставляю это слово такъ, какъ оно поется у Гребенцовъ.

Передъ Бѣлымъ Царемъ стоячи:
— «Ужъ ты батюшка, ты нашъ Царь-надежда,
Православный ты нашъ Государь!
Не позволъ казнить-вѣшать,
Позволъ рѣчи говорить!
Какъ бывалоча ты нашъ Царь-надежда,
Много дарилъ насъ и жаловаль,
А теперь ты нашъ Царь-надежда,
Никого изъ насъ ты не пожаловаль.
Только жаловаль ты нашъ Царь-надежда,
Тихимъ Терекомъ со протоками. (4)

* * *

Не во матушеѣ было во Россіюшкѣ,
Было въ каменной Москвѣ;
Во палатушкахъ было бѣлыхъ каменныхъ.....
Тамъ столы стоять черны дубовые,
А на столахъ скатерти бѣлы шелковыя;
Онѣ того-то шелку Шемахинскаго;
На столахъ-то стоять блюда позлащенные,
А во блюдечкахъ ястеца сладки сахарныя;
На столахъ-то стоять *на* пойлица разнопьяныя.
За столомъ стоять стулечки кленовые;
На стулечкахъ сидятъ они
Воеводушки сидятъ все Московскія,
А по конецъ-то столовъ стоитъ
Ужъ онъ разукрашенный стулъ.
На стулѣ сидитъ батюшка православный Царь;
Православный Царь, православный Государь,
Да Иванъ Васильевичъ.
Онъ не пьетъ-то, не гуляетъ, не прохлаждается;

Призадумался, повѣсилъ свою буйную головушку
На бѣлыя груди.

Онъ думаль думушку ее заединую —
Объ измѣнѣ его-ли князя Курбскаго,
Перебѣжчика къ королю Польскому.

* * *

Не шуми моя зеленая дубровушка да ты надо мной.
Ужъ ты думай, моя буйная головушка, не продумайся.
Собирись ты мѣдъ, головушка съ умомъ-разумомъ.
Какъ со вечера доброму молодцу думушку думати,
Со полуночи доброму молодцу во допросѣ быть.....
Быть доброму молодцу передъ судьей;
Предъ судьей-то доброму молодцу,
Предъ Иваномъ Васильевичемъ.

* * *

Ты Малютка, ты Малютка, Илья Муромецъ-душа.
Выѣзжаетъ ли Малютка изъ того ли города Кіева;
Подъ малюткой конь, ровно лютый звѣрь;
Малютка на конѣ, ровно соколикъ на сѣдлѣ
Подъѣзжаетъ Малютка ко сырому дубу.
На сыромъ-то дубу сидитъ черный воронъ.
Какъ хотить-то Малютка его застрѣлити.
— «Ты застрѣлишь меня, не утѣшишь самъ себя!
Я скажу тебѣ, Малютка, всюю правду:
Обладали васъ татары своей силой невѣрною,
Какъ подѣлали татары завалы высокіе».

* * *

* * *

Не во матушкѣ было, было во Россіюшкѣ.....
Во Россіюшкѣ было, въ каменной Москвѣ,
У крыльца то дворца было Государева;
На часахъ то стоитъ молодой казакъ,
Да онъ слезно плачетъ;
Во слезахъ то онъ словечушко молвить:
—«Вы подуйте, подуйте, вѣтры буйные,
Пошатните вы горы высокія,
Пошатните вы лѣса темные,
Разнесите вы царскую могилушку,
Отверните гробову доску,
Откройте вы золоту парчу:
—Ты встань, нашъ батюшка, Грозный Царь,
Да ты Иванъ Васильевичъ!
Посмотри ты на свою армеюшку—
Стоитъ армеюшка твоя не по прежнему,
Все усы то и бородушки у нихъ поострижены.

* * *

Собирается нашъ православный Царь,
Собирается онъ все на охотушку;
За куницами Царь въ лѣсъ,
На больше того за лисицами,
Да *на* болѣ всего нашъ Царь
Ужъ онъ за чернымъ соболемъ.
Какъ наѣзживаль нашъ Грозный царь
Во лѣсу то онъ на махоньку избушку;
Хорошо та избушка она построена:
Все изъ лѣсу ли краснаго, лѣсу волжскаго;
А покрыта та избушка чернымъ бархатомъ,

Ужъ усыпана та избушка мелкимъ земчугомъ,
Изнутри она украшена парчей съ золотомъ:
— Да и кто-жь въ этой избѣ, выходи сюда!
Какъ выходить онъ разудалый молодець,
Что *на* молодой ли Курбскій, сынъ княжескій;
Онъ въ коричневой черкескѣ на распашечку,
А сафьянны его сапожки на босу ногу.
— «Не ты ли здѣсь, добрый молодець,
Царя Польскаго за красный столъ сажаль?
Не ты ли съ нимъ пилъ, ѣлъ, пироваль?»
— «То не я, батюшка, Грозный Царь,
Крѣля Польскаго за дубовый столъ сажаль,
Вся вина моя—что я сынъ того,
Того князя ли, князя Курбскаго!» (5)

* * *

Нашъ Православный Царь стоялъ у заутрени,
Со князьями онъ стоялъ, стоялъ со боярами.
Какъ на всѣхъ то князьяхъ, на всѣхъ бѣярахъ
На нихъ платья все цвѣтныя, сукномъ кармазиныя,
На самомъ то царѣ на батюшкѣ на немъ платье черное.
Какъ и всѣ князья-бѣяре, они веселы стоятъ:
Нашъ православный Царь не веселый стоитъ:
Онъ повѣсилъ свою буйную головушку
На могучія свои плечи,
Онъ потушилъ очи ясныя во сыру землю.
Пріутихло наше войско Донское
Безъ своего то ли безъ служителя,
Безъ Ивана ли сына Матвѣевича.
Какъ разбили то его славную армеюшку,
Ее нѣмцы ли мудрые;
Взяли то они *на* младѣго хорунжаго,

Молодого его племянничка;
Связали они ему руки бѣлыя,
Сковали ему ноги рѣзвыя,
Повели то его къ нѣмцу мудрому.
Ужъ какъ сталъ то нѣмецъ его спрашивати:
— «Ты скажи, скажи, добрый молодець,
Ты скажи, чѣмъ Царю служилъ?»
— «Я не сотникомъ служилъ, не полковникомъ,
А служилъ то *на* младымъ казаченькомъ;
Если бѣ была бѣ у меня сабля острая,
Ужъ я снялъ бы свою буйну голову!»

* * *

Какъ на рѣчкѣ на рѣкѣ, братцы, было на Камышинкѣ,
Собиралися, соѣзжались они люди вольные.
Люди вольные собиралися, они безначпортные:
То Донскіе, Гребенскіе казаки они со Яицкими.
Атаманомъ былъ у нихъ Ермакъ Тимофѣевичъ.
Ужъ онъ рѣчи говорилъ Ермакъ
Ровно, какъ въ трубу трубиль:
— «Ужъ вы думайте, только подумайте,
Да меня Ермака ли казака,
Вы меня послушайте:
Вотъ проходитъ у насъ, братцы,
Все лѣтушко теплое,
Наступаетъ вотъ у насъ, братцы,
Зимушка холодная.
Да и гдѣ же мы эту зимушку
Ее зимовать будемъ?
На Яикъ рѣку итти,
Да онъ переходъ великъ,
А на волгѣ быть, намъ ворами слыть,

Подъ Казань городъ итить,
Ужъ тамъ Грозный Царь стоитъ, (6)
Ужъ онъ Грозный Царь, самъ Иванъ Васильевичъ».

* * *

Не во матушѣ было, было во Россіюшкѣ,
Во Россіюшеѣ было въ Кремлѣ городѣ,
На зарѣ было на зорюшкѣ, на зарѣ было на утреней,
Со восхода солнца краснаго
Не сизые орлы изъ дубровушки орлы солеталися,
Не стрѣльцы то бойцы, раздобрые молодцы
Вокругъ они соѣзжались.....
Они ожидаютъ то къ себѣ стрѣльцы то бойцы
Къ себѣ они атаманушку.
Не ясенъ соколъ по подѣ небесью
Соколъ во пролетѣ пролетѣлъ.
Нашъ стрѣлецкій атаманушка
Онъ во кругъ то къ намъ идетъ.
Онъ идетъ нашъ атаманушка
Онъ идетъ все не тряхнется,
Черны кудерцы они на головушкѣ
Они не шелохнутся;
Входитъ нашъ атаманушка во казачій кругъ,
На всѣ четыре онъ на сторонушки
Ужъ низго кланяется:
— «Здоровы ли вы мои стрѣльцы-бойцы,
Здоровы ли вы мои молодцы?
Ничегошенько вы не знаете,
Ничего то вы не вѣдаете:
Какъ на насъ то Грозный Царь
На насъ распрогнѣвался:
Черезъ пятаго на десятаго хочетъ казнить-вѣшать,

А меня то, вашего атаманушку,
На кострѣ онъ хочетъ меня сжечь!»

* * *

Ни туманушка онъ по балочкамъ,
Туманъ, братцы, разстиляется;
Двѣ армеюшки Царя Ѳедора
На дорогахъ онѣ собиралися.
Не ясенъ соколъ по подь небесью,
Высоко ясный летаетъ,
То добрый молодецъ по армеюшкѣ
Да онъ разѣзжаетъ.
Ужъ онъ ищетъ то себѣ нѣмца мудраго:
— «Да кто бы могъ со дна моря достать песку желтаго,
Да и кто бы могъ изъ моихъ ноженъ
Вынуть саблю ее острую?
Кто бы могъ изъ этой саблюшки
Вывести изъ нея всю эту ржавчину?
Еще кто бы могъ этой саблюшкой
Вскрыть мои груди бѣлыя?
Еще кто бы могъ изъ грудей моихъ
Вынуть сердце ретивое?
Поглядѣль бы я на свое сердечушко,
Отчего во мнѣ оно изныло?
Ужъ болить оно, мое сердечушко,
Болить оно не по царски,
Поетъ мое сердечушко,
Поетъ оно не по боярски!»

* * *

* * *

Не на тихомъ было Дону,
Во Черкасскомъ было городу.
Тамъ бесѣдушка она сидѣла:
На старые старики, атаманы-казаки.
Они пьютъ то ѣдятъ, гуляютъ,
Про Азовъ *) городъ говорятъ:
— «Не дай, не дай Боже, уму-разуму
Въ Азовѣ славномъ городу
На турецкому славному пашѣ—
Не построилъ бы онъ своей башни
На устьѣ быстромъ славномъ Калачѣ,
Не перекинулъ бы свои онъ цѣпи
Черезъ батюшку славный тихій Донъ.
Нельзя то будетъ намъ бравымъ казаченькамъ
По тихому намъ Дону гулять,
Что ни лодкою, ни карабликомъ,
Ни сухимъ путемъ, ни водой!» (7)

* * *

У насъ то было, братцы, на тихомъ Дону.....
Породилъ удалъ добрый молодець,
По имени Стенька Разинъ Тимофѣевичъ;
Во казачій кругъ Степанушка не хаживаль,
Съ нами молодцами онъ думу не думываль,
Ходиль-гуляль. Степанушка во царевъ кабакъ,
Онъ крѣпкую думаль думушку съ голутьбой:
— «Ой, ребята, братцы, голь кабацкая!
Пойдемте-ка мы, братцы, во сине море гулять,

*) Обыкновенно вмѣсто „Азовъ“ городъ, въ нѣкоторыхъ станицахъ говорятъ „Азовый“ городъ.

Разобьемъ мы, братцы, басурманскіе корабли,
Возьмемъ мы казны сколько надо намъ!»

* * *

Не во матушкѣ было во Россіюшеѣ,
Во Россіюшкѣ было въ Каменной Москвѣ.
Мимо крыльчиѣа, дворечика было Государева,
Что ведутъ-то его, ведутъ князя Долгорукаго,
Что ведутъ-то его — его ручки связаны,
Они все связаны, да и крѣпко спутаны,
Крѣпко спутаны они, его ноги скованы;
Что ведутъ то его *ни* 500 солдатъ;
Впереди идутъ музыкантушки,
Во ряду то съ нимъ — отецъ съ матушкой,
Позади идетъ молодая жена
Съ чадушками малыми.
Ужъ отецъ-то плачетъ, ровно рѣка льетъ,
Что мать-то плачетъ, въ морѣ вода бьетъ,
Чады малыя плачутъ — сильный дождь идетъ,
А жена плачетъ — роса утренняя падаетъ.

* * *

Не далѣче было было далѣче,
Во чистомъ полѣ было;
Какъ далѣе было во синемъ морѣ,
Во синемъ морѣ, во Хвалынскомъ,
Что на славномъ островѣ персидскомъ,
Тамъ собиралися они музуры, люди вольные,
Они думушку думали все единую:
— Кому изъ насъ, ребята, атаманомъ быть?
Кому изъ насъ, ребята, есауломъ быть?
Есауломъ быть Василию Никитичу.

Атаманомъ быть Степану Тимофѣевичу.

Атаманъ рѣчь возговорить, какъ въ трубу трубить,
Есауль-то рѣчь говоритъ, ровно какъ въ свирѣль
играеть;

— «Не пора-ли намъ, братцы, со синя моря,
Что на матушку на Волгу быстру рѣку!»

* * *

Какъ во городѣ Черкасскомъ ни со вечера у насъ, у
казаченьковъ

Есауль то Донской рано кличь закликаль:

— Ужъ вы други мои, дружечки,

Вы не пейте-ка дарового вина,

Пойлица некупленного!

По утру то у насъ, у казаченьковъ

Будеть то у насъ воспаляльнй кругъ!

Во кругу то стоитъ золотой бунчукъ,

У стѣны стоитъ раскрашенный стуль,

На стуль то сидитъ войсковой атаманъ,

Передъ нимъ то стоитъ войсковой писарь,

Во рукахъ то онъ держитъ три указушка,

Они все скоро написанные,

Они переписанные все про Стеньку Разина,

Чтобы выслать его въ каменну Москву!

Никогда то у насъ Стенька Разинъ

Да онъ въ кругъ не хаживаль,

А теперь то онъ во кругу стоитъ.

На немъ сапожки козловые на босу ногу,

Зеленый его кафтанчикъ на распашечку,

Свою шапочку кабардиночку держитъ во подмышечкѣ;

Возговорилъ онъ таковы рѣчи —

— «Не умыслы царскіе, умыслы боярскіе!»
Повернулея Стенька Разинъ, изъ круга вонъ пошемъ. (2)

* * *

Что ни по морю по морюшку
По синю морю по Хвалынскому
Тамъ плыветь на Соколикъ корабль.
Двадцать лѣтъ корабль на якорѣ не стаиваль,
Къ бережку круту не причаливаль,
И онъ желтаго песку въ глаза не видываль.
Что бока то его сведены по туриному,
А носъ да корма—они по змѣиному.
Атаманомъ былъ на немъ
Стенька Разинъ онъ сынъ,
Есауломъ былъ Илья Муровичъ-душа;
На Илюшинькѣ кафтанъ бѣлый бархатный,
На кафтанѣ пуговики онѣ злаченыя,
А на каждой-то пуговкѣ по лютому льву.
Напали на корабль они разбойнички,
Что и тѣ то они татары съ персіанами.
Какъ хотятъ то они этотъ корабль
Все разбить его разгромить,
Илью Муровича во полонъ его взять.
Какъ нашъ Муровичъ по кораблику похаживаетъ,
Свои пуговицы злаченныя поглаживаетъ,
Его пуговики злачены разгорѣлися,
Его лютые то львы разревѣлися,
Ужъ злые то татары испугалися,
Во сине море они побросалися.

* * *

* * *

Ужь вы горы, мои горы!
Прикажете-ка вы горы
Подъ собой намъ постояти!
Намъ не годъ годовати,
Ни недѣлюшку стояти,
Одну ночку ночевати,
И тою намъ всю не спати,
Легко ружья заряжати,
Чтобы Астрахань намъ городъ
Въ глуху полночь проѣхать;
Чтобъ никто насъ не увидѣль,
Чтобъ никто насъ не услышалъ.
Насъ увидѣль и услышалъ
Астраханскій воевода.
Приказалъ же воевода
Сорокъ пушекъ заряжати,
Въ Стеньку Разина стрѣляти.
Ваши пушки меня не возьмутъ,
Легки ружьица не проймутъ,
Ужь возьметъ ли не возьметъ
Астраханска дѣвка Маша.
По бережку Маша ходитъ,
Платкомъ шелковымъ все машеть.
Шелковымъ платкомъ махала,
Стеньку Разина перельщала.
Стеньку Разина перельстила,
Къ себѣ въ гости заманила,
За убранный столъ посадила,
Пивомъ-медомъ угостила
И до пьяна напоила,

На кровать спать положила
И начальству объявила.
Какъ пришли къ нему солдаты,
Солдатушки молодые;
Что сковали руки, ноги
Желѣзными кандалами.
Посадили потомъ Стеньку
Во желѣзную во клѣтку;
Три дня по городу возили,
Три дня голодомъ морили.
Попросилъ же у нихъ Стенька
Хоть одинъ стаканъ напиться
И во клѣткѣ окатиться.
Онъ во клѣткѣ окатился
И на Волгѣ очутился.

* * *

Еще мнѣ вечеръ то вечеръ мало спалось
Во снѣ много видѣлось:
Будто конь мой вороной
Разыгрался подо мной;
Разыгрался, расплясался
Подъ удалымъ добрымъ молодцомъ.
Какъ подули вѣтры буйны
Со восточной стороны,
Сорывали черну шапку
Съ моей буйной головы.
Оторвался лукъ звончатый
Все со лѣваго мово плеча,
Разсыпались каленныя стрѣльи
Врозь по матушкѣ сырой землѣ.
Да кто же этотъ сонъ

Разгадать бы его могъ?
Да на что его гадать,
На словахъ его можно сказать.
Разгадала этотъ сонъ
Родна матушка душа его:
--Какъ тебѣ то добру-молодцу
Быть убитому;
Вороному твоему коню
Быть затрѣленну;
Молодой твоей женѣ
Быть вдовушкою;
Малымъ дѣтушкамъ твоимъ
Быть сиротушками.
Не въ Саратовѣ то было
Было въ Астрахани,
Тамъ прослышался, проявился
Все незнамый человѣкъ;
Онъ незнамый, незнакомый —
Стенька, Разина онъ сынъ.
Онъ по городу шинехонько похаживаетъ,
Въ одной тоненькой рубашкѣ,
Да въ нанковомъ халатѣ на распашечку.
Господамъ ли да боярамъ
Онъ челомъ имъ не бьетъ,
Купчикамъ, дворянчикамъ не кланяется,
Астраханскому воеводѣ онъ почтенья не даетъ.
Увидалъ же воевода со параднаго крыльца,
Приказалъ же воевода ко себѣ его привести:
— «Ужъ вы слуги мои слуги, слуги вѣрные мои!
Вы пойдите приведите удалова молодца!»
Какъ поймали, соковали удалого молодца,
Привели къ воеводѣ незнамага на глаза.

Какъ и сталь же воевода

Сталь онъ спрашивати:

— «Ты какого поведенья, чьей матери, отца?

Не со города-ль Казани,

Съ славной каменной Москвы?

Или съ Дону ты казакъ,

Иль купеческій ты сынъ?»

— «Я не съ города Казани,

Не со каменной Москвы,

Не купеческій я сынъ,

Я со матушки со волги

Стенька, Разина сынокъ!»

* * *

Не во матушкѣ было во Россіюшкѣ,

Во Россіюшкѣ было въ каменной Москвѣ.

Среди города было среди стараго,

Среди Кремля то было города.

На широкой было на площади

Собирался тутъ стрѣлецкій кругъ.

На зарѣ было на зорюшкѣ,

На зарѣ было на утренней,

Ни ясенъ соколъ во пролетъ летить,

Нашъ стрѣлецкій атаманъ въ кругъ идетъ.

Онъ идетъ атаманъ не шелохнется,

Кудри черныя его развѣваются.

Подошелъ онъ къ кругу ко стрѣлцу,

Онъ снялъ шапку и поклонъ отдалъ,

Онъ поклонъ отдалъ, рѣчь возговорилъ:

— «Да и кто же изъ васъ къ Царю пойдетъ?

Что съ повинною пойдетъ, онъ съ покорною?

Ужъ я самъ не самъ ко Царю пойду

И съ повинною и съ покорною;
Я скажу ему самому Царю:
— «Не вели ты насъ, православный Царь,
Во тюрьму сажать, казнить-вѣшать,
А вели ты мнѣ слово молвити,
Прикажи ты намъ любой городъ взять
Безъ свинцу твою, безъ пороху!»

* * *

Какъ по матушкѣ по Волгѣ
Легка лодочка плыветь;
Какъ во лодочкѣ гребцовъ
Ровно тридцать молодцовъ.
Посередь лодки сидить
Стенька, Разина онъ сынъ.
Какъ возговорилъ Стенька
Ко товарищамъ своимъ:
— «Ужъ и что-то мнѣ, братцы,
Все тошнымъ-то мнѣ тошно?
Мнѣ сегодняшній денечекъ
Да грустнешенько?
Какъ и знать-то мой сынокъ
Во неволюшку попалъ.
Ужъ я въ Астрахань зайду,
Выжгу вырублю,
Астраханскаго воеводу
Я подъ судъ его возьму!»

* * *

Еще ужъ куда ты нашъ Салтыкъ-князь,
Куда еще князь убираешься?
Черезъ рѣчку Кубанушку

Ты князюшекъ перправляешься?
Переправясь Кубань рѣчушку,
Ты тамъ становишься,
Занимать себѣ лагерь на двѣнадцать верстъ,
Со пикетами, со разѣздами ровно на 20.
Вотъ не грозная она туча грозная,
Она грозная туча подымалася,
Подымалися въ горахъ собаки
Темергойцы-шельмы съ Бессемейцами.

* * *

Не во матушекѣ было во Россіюшекѣ,
Во Россіюшекѣ было въ каменной Москвѣ.
Ни стрѣльцы то бойцы собиралися,
Они думали крѣпкую думушку съ атаманушкой:
— «Ничего то вы, братцы, не знаете,
Ничего то вы не вѣдаете!
Православный Царь на насъ распрогнѣвался,
Онъ хотить черезъ пять—десять кнутомъ пройти,
А меня есаулушку во кострѣ сжечь!»
Есаулушка зашелъ во казачій бругъ,
На немъ кафтанчикъ на распашечку,
Шапку плицеву держать во подмышечкѣ.
Онъ вошелъ во кругъ, низко кланялся,
Со младыми со бойцами онъ прощался;
И простившись съ ними, онъ покинулъ градъ,
Градъ великій Москву каменну;
Убѣжалъ то онъ на быстрѣй Терекъ,
На Терекъ рѣку во Червленый градъ,
Ко казаченькамъ Гребенскимъ.

* * *

* * *

Еще какъ бы намъ ребята пройти?
Астраханское славное царство пройдемъ со вечера,
Саратовску губерню *) по бѣлой зарѣ;
Мы Самарѣ городочку не поклонимся,
Въ Жегулевскихъ горахъ мы остановимся,
Вотъ чалочки причалимъ все шелковыя,
Вотъ мы сходоньки положимъ все кедровыя,
Атаманушку сведемъ двое подъ руки,
Есаулушка ужъ онъ и самъ сойдетъ.
Тутъ возговорилъ нашъ батюшка атаманушка:
— «Еще какъ бы намъ, ребята, Казань городъ взять?»

* * *

Вы туманы, мои туманушки,
Вы туманы мои непроглядные,
Какъ печаль-тоска ненавистные!
Не подняться вамъ туманушки съ синя моря долой,
Не отстать кручинѣ отъ ретиваго сердца прочь.
Ты возмой, возмой, туча грозная,
Ты пролей, пролей, чистъ-крупень дождикъ,
Ты размой, размой, земляную тюрьму,
Чтобъ тюремщики, братцы, разбѣжались,
Во темномъ бы лѣсу собирались.
Во дубровушкѣ во зеленой тутъ ночевали добрые
молодцы:
Подъ березонькой они становилися,
На восходѣ **) Богу молилися,
Красну солнышку поклонилися:

*) Саратовску губерню—анахронизмъ. Подобныя выраженія часто встрѣчаются въ сборникѣ.

**) На востокъ.

— «Ты взойди, взойди, красное солнышко,
Надъ горой взойди, надъ высокою,
Надъ дубровушкой, надъ зеленою,
Надъ пристанищемъ добра молодца,
Что Степана-свѣтъ Тимофѣевича,
По прозванію Стеньки Разина!
Ты взойди, взойди, красно солнышко!
Обогрѣй ты насъ людей бѣдныхъ,
Добрыхъ молодцевъ, людей бѣглыхъ!
Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина мы охотнички,
Есауловы все помощнички,
Мы весломъ махнемъ, корабль возьмемъ,
Кистенемъ махнемъ, корабль собьемъ,
Мы рукой махнемъ, дѣвицу возьмемъ!»

* * *

Еще ты взойди-ка, взойди, красное солнышко!
Взойди надъ горою, взойди надъ высокою,
Взойди надъ ущельями, взойди надъ глубокими,
Взойди надъ лѣсами, взойди надъ дремучими,
Взойди надъ долинами, взойди надъ зелеными,
Взойди надъ родимою, взойди надъ сторонущкой.
Сторона-ли моя сторонущка, сторона незнамая,
Незнамая сторона, сторона невеселая!
Ужь я не самъ то не самъ добрый молодець
Ужь я не самъ зашелъ-заѣхалъ:
Занесла то меня нужда крайняя,
Она службица государева.

* * *

* * *

Какъ ни по морю было по моречку,
Было по морю только синему,
По синему было, по Хвалынскому.
Тамъ плыли всплывали 30 они кораблей.
Одинъ изъ корабликовъ—Чермень корабъ *)
Напредъ то все онъ бѣжитъ, какъ соколъ ясный летить.
Какъ хоботь—корму держить по змѣиному,
А самъ глядитъ то онъ по звѣриному.
Хорошо корабъ изукрашень:
Бѣлымъ серебромъ корабль изукованъ,
Желтымъ золотомъ корабль изусѣченъ,
Бѣлымъ жемчугомъ корабль изувѣшанъ.
На корабликѣ бесѣдушка она вновь построена.
Какъ во ней то сидятъ люди вольные,
Люди вольные сидѣли они торговые,
То армяне сидѣли съ казилбашами,
Съ казилбашами, съ татарами невѣрными.
Они въ шашечки играли туалторовыя,
Ни о ста рубляхъ играли, ни о тысячѣ,
О своихъ головушкахъ буйныхъ играли они.
Что ни грозная туча подымалась,
Потопляла она корабли торговые.

* * *

Какъ ни по морю было по морюшку,
Было морю синему;
Какъ по синему было по морюшку
Было по Хвалынскому.

*) Въ этомъ мѣстѣ для склада пѣсни я пишу не измѣня слова.

Тутъ бѣжали они возбѣгали
Ровно тридцать они кораблей.
Какъ одинъ то изъ нихъ Червонъ корабль
Напередъ рѣзво бѣжить;
Напередъ бѣжить этотъ Червонъ корабль,
Какъ соколъ ясный летить;
Ужъ онъ хоботомъ бьетъ этотъ Червонъ корабль,
Ровно по звѣриному;
Носъ-ать держитъ этотъ Червонъ корабль
Держитъ по змѣиному.
Хорошо этотъ Червонъ корабль изукрашень:
Златомъ, серебромъ Червонъ корабль изукрашень,
Мелкимъ жемчугомъ *) этотъ Червонъ корабль
Да онъ изувѣшанъ.
Хорошо на немъ только бесѣдушка,
На немъ она построена;
Какъ во той было во бесѣдѣ —
Сидятъ люди они вольные;
Люди вольные сидятъ, братцы,
Толичко **) они купцы торговые:
Вотъ армяне, вотъ дворяне,
Сидятъ они съ казилбашами;
Что ни вдругъ то бѣда случилася ***)—
Съ горь погодушка полуденная.
Она чуть потягивала;
Легки мачушки ****) ломала,
Тонкіе парусы она рвала.
Заносила она Червонъ корабль

*) Жемчугомъ.

**) Только.

***) Случилася.

****) Мачты.

Во иную его землю;
Во иную землю вотъ Червонъ корабль
Во дѣвичье его царство;
Во томъ царствѣ нѣтъ ни царя, ни короля —
Тамъ царюеть, королуюеть, красна дѣвица. (☆)

* * *

Что не выше то было города Саратова,
Чуть пониже было города Камышина.....
Тамъ текла протекала Камышущка рѣка,
За собой рѣчущка вела красненькія берега,
Все по нимъ то зеленые луга.
Что на устьищемъ вливались въ Волгу рѣчущку.
Не по славной было Камышущкѣ рѣкѣ,
Тамъ плыли то всплывали нарядные струги,
Что на тѣхъ ли на стружочкахъ удалые молодцы,
Удалые молодцы, Гребенскіе казаки.
На нихъ шапочки бобровы, верхи бархатные,
На нихъ бѣлые чулочки, сафьяновы сапожки,
На нихъ штаники червленны, ровно градъ
Червленный ихъ.....
На нихъ тонкія рубахи съ золотымъ галуномъ.
Они ѣдутъ, воспѣвають,
Рѣку Терекъ воспоминають!
Когда бъ если не батюшка Разинъ,
Давно-бъ гуливали-бы на рѣкѣ,
На славной быстрой Гребенской.

* * *

Ни во матущкѣ было во Россіюшкѣ,
Ни въ Россіюшкѣ было, въ землѣ Крымской.

Какъ по край было моря синяго,
Что на устьѣ было Дона тихаго,
На крутомъ красномъ берегу,
На желтыхъ разсыпныхъ пескахъ,
Тамъ стоитъ городъ крѣпкій Азовъ,
Со стѣной бѣлокаменной стоитъ,
Съ земляными раскатами, рвами глубокими,
Со башнями высокими, караульными.
Среди Азова города стоитъ темница темная,
Что злодѣйка — земляная тюрьма.
Что во той-ли во темной темницѣ
Засаженъ сидитъ Донской казакъ,
Донской казакъ Степанъ Тимофѣевичъ.
Случилось царю мимо темницы ѣхати,
Самому царю, Салтану Салтановичу.
И кричитъ Донской казакъ Степанъ Тимофѣевичъ:
— «Эй, ты, гой еси, турецкій царь, Салтанъ Салтановичъ,
Прикажи ты меня поить-кормить,
Либо казнить, либо на волю выпустить!»
Постоялъ турецкій царь Салтанъ Салтановичъ:
— «Эй, вы мурзы, улановья, да вы старкайте изъ
темницы
Что того ли тюремнаго старосту!»
Мурзы, улановья метались черезъ головы,
Привели его улановья старосту тюремнаго;
Ужь и сталь турецкій царь у старосты выпрашивати:
— «Еще что это за человѣкъ сидитъ?»....
— «Эй, ты, гой еси, турецкій царь,
Что сидитъ то у насъ на Донской казакъ,
Что Донской казакъ Степанъ Тимофѣевичъ!»
И приказалъ скоро турецкій царь:

— «Эй вы, мурзы, улановья!
Вы ведите Донскаго казака къ палатамъ моимъ!»
Еще втупоры *) турецкій царь накормилъ-напоилъ
Добра молодца, Степана Тимофѣевича;
И тошнымъ тошó сталь его спрашивати:

— «Ой, ты, гой еси, ты Донской казакъ!...
Еще какъ ты къ намъ въ Азовъ попалъ?»
Разказалъ ему *ни* Донской казакъ:

— «Да я посланъ изъ каменной Москвы,
Ко тебѣ царю во Азовъ городъ!

Ужъ я посланъ былъ посломъ скорымъ,
И гостинцы тебѣ дорогіе везъ!

На заставахъ твоихъ меня всего ограбили
Мурзы, улановья, а моихъ товарищей —

Добрыхъ молодцевъ разсадили по темнымъ темницамъ».

Еще втупоры турецкій царь приказалъ мурзамъ

улановьямъ

Собрать добрыхъ молодцевъ, Стеньки Разина товарищей;

Отпускаетъ добрыхъ молодцевъ, Стеньку Разина въ

каменну Москву,

Снарядилъ добра молодца Степана Тимофѣевича,

Наградилъ златомъ, серебромъ, еще питьями замор-

скими.

Отлучился Донской казакъ отъ Азова города,

Загулялся Донской казакъ по матушкѣ Волгѣ рѣкѣ,

Не явился онъ въ каменну Москву.

* * *

Что ни время то было ясному соколику.....

Онъ леталъ соколъ по подь небесью;

*) Старинное, особенно любимое Гребенцами, выраженіе — *въ то время*.

Ужъ онъ билъ побиваль гусей, лебедей,
На больше того мелку пташечку....
Бывалоча мелкой пташкѣ пролету не было,
А нонче мнѣ ясну соколу время нѣту,
Сижу я яснѣй соколъ во пойманѣ,
Что во той ли золотой клѣткѣ,
Во клѣткѣ, на жестяной на шесточкѣ;
У соколика ножки спутаны,
На ноженъкахъ пучочки шелковыя.
Что ни время то было добру молодцу,
Я ходилъ то гулялъ по синю морю Хвалынскому;
Ужъ билъ разбиваль суда-корабли,
Что татарскіе билъ, я персидскіе,
Еще билъ побиваль струги легкіе.....
Что не было проходу легкимъ лодочкамъ,
А теперь мнѣ добру молодцу воли нѣту.....
Я сижу младець въ неволюшкѣ,
Во злѣдѣюшкѣ сижу въ земляной тюръмѣ.....
У добра молодца ноги спутаны.....
Ни по волѣ царской сижу младець,
По младеческому несмышленію;
Положу я младець, Тимофѣевичъ сынъ,
На плаху свою буйну голову.

* * *

На зарѣ было на зоринкѣ,
На зарѣ было на утренней,
На восходѣ солнца краснаго,
Все денечка его прекраснаго;
Выкаталось солнце высоко,
Выше лѣсу, выше темнаго,
Выше садика зеленаго.

Во турецкой дальней области,
За султанскими воротами,
Тамъ стояла она темна темница.
Во темницѣ двери мѣдныя,
Все запорочки желѣзныя,
Замочки все полтора пуда,
А ключи въ тридцать шесть фунтовъ.
Въ той темницѣ за рѣшеткою
Тамъ сидѣлъ добрый молодець,
Все Ермакъ ли онъ Тимофѣевичъ.
Онъ сидѣлъ то тамъ ни годъ, ни два,
Просидѣлъ онъ тамъ тридцать три года;
Запустилъ онъ свою бородушку ниже пояса
шелкового,
Русы кудри свои по могучимъ плечамъ:
— «Ты Султанъ-ли наша, Султанушка,
Ты Султанское величество!
Ты пой меня, корми меня,
Ты позволь меня на волю выпустить!
Напишу я на Донъ грамату,
Собиру то я всѣхъ казаченьковъ,
Ужъ я Турцію всю повырублю,
А тебя, Султанъ, во полонъ возьму!»

* * *

Ни у моря было синяго, неугасимаго,
Что у пристаньница корабельнаго,
То ни кони ли стоятъ они переузданы,
Переузданы кони стоятъ, пересѣдланы.
Нашъ Алексѣюшка Царь на войну пошелъ,
Воевать пошелъ, города разбивать.
Вотъ за нимъ бѣжать изъ Москвы стрѣльцы,

Что и тѣ ли молодцы, они храбрые бойцы:
— «Воротись назадъ, Царь, жена дочь родила!»
— «Не для дочери я вернусь домой —
Дочь не скорѣй мнѣ посоль,
Я для сына домой возвернусь —
Онъ посоль мнѣ скорѣй — перемѣнушка!»

* * *

Помутился славный тихій Донъ
Ота Черкасска до Черно́го моря.
Помѣшался нашъ казачій кругъ:
— «Атаманушки больше нѣтъ у насъ,
Нѣтъ Степана у насъ Тимофѣевича,
По прозванію Стеньки Разина!
Поймали добра молодца,
Связали ему руки бѣлыя,
Повезли его въ каменну Москву,
А на славной Красной площади
Отрубили ему буйну голову!»

* * *

Ни со вечера у насъ у казаченьковъ приказъ изданъ былъ,
Чтобъ были у насъ у казаченьковъ ружья чистыя,
Чтобъ были у насъ у казаченьковъ кремни новые,
Чтобы были у насъ у казаченьковъ шашки вострыя,
Чтобы были у насъ у казаченьковъ кони сѣдланы:
Поутру то намъ бравымъ казаченькамъ
Во походъ рано итти.
Вдругъ несчастъице въ нашей армеюшкѣ,
Бѣда у насъ солучилася:
Убивали у насъ, въ нашей армеюшкѣ
Молодого его хорунжаго,

Попадали его добра молодца во бѣлыя груди,
Собивали добра молодца съ сѣдельца черкесскаго.

* * *

Ни со вечеру у насъ у казаченьковъ
Есауль Донской рано кличь закликаль:
Поутру то рано у насъ у казаченьковъ
Будеть воснавальный кругъ.
Среди круга среди казачьяго указъ прочитали;
Доставалось моему дружкку милому
Во дальнюю ему службицу;
Что во дальнюю службицу
Во Прусскую ему землю.
Ни со вечера добрый молодець
Самъ коня онъ хватаетъ,
Со полуночи коня своего сѣдлаетъ,
Ко бѣлой зарѣ добрый молодець
Со двора своего съѣзжаетъ,
Что никто то его добра молодца
Никто то его не проводить. (9)

* * *

По славному Дону тихому
Изволилъ нашъ Долгорукій князь гулять;
Повстрѣчали Долгорукаго князя
Со тихого Дона его казаки;
Подхватили князя Долгорукаго
Подъ бѣлыя руки его, подъ пышныя,
Повели Долгорукаго князя во станичную избу,
Посадили его князя на «*большое мѣсто*», подъ образа,
Стали князя Долгорукаго крѣпко спрашивати:

— «Ты скажи, скажи, нашъ Долгорукій князь,
Скажи ты намъ всю правдицу:
Еще сколько на тихомъ Дону славныхъ казаковъ?»
Тутъ возговорилъ Долгорукій князь:
— «На всякаго казака по десять струговъ,
А на князя меня еще *на* одинъ десяточекъ!»

* * *

Во криму было, во славномъ было городѣ,
На широкой то было на ровной площади;
Тамъ пристроена злодѣюшкой тюрьма темная,
Что безъ оконъ, безъ дверей, тюрьма безъ дверюшекъ,
Что была то тюрьма съ одной дымной трубой.
Во тюрьмѣ то сидѣлъ тридцать три года;
Съ быстра Терека сидѣлъ Гребенской казакъ;
Довелось то Царю мимо тюрьмы ѣхать,
Довелось молодцу въ щелку глянуть ему:
— «Ужъ ты, батюшка, нашъ православный Царь,
Ты Алексѣй ли Михайловичъ!
Про тебя лежитъ на Гребнѣ у насъ
Слава добрая, Михайлычъ, рѣчь хорошая!
Ты спроси скорѣй Султанское величество,
Когда пустить онъ меня на волюшку?»

* * *

Не изъ славненькаго было изъ Московскаго,
Изъ славнаго было городочка.....
Генералушки они толичко ко фельдмаршалу
Ранешенько они соѣзжались;
Они думали вотъ крѣпкую думушку,
Они думали ее только заединую:
— «Во которую во сторонушку мы на ударъ поидемъ?»

Мы ударимся во Прутскую землю.
Ни Прутской король по своей армеюшкѣ,
Король ѣздитъ-разѣзжаетъ,
Еще онъ господушекъ своихъ собираетъ:
—Господа-ли вы мои, господушки,
Думчатые мои сенаторушки!»

* * *

Не косицами сине море взволновалось,
Ни два сокола они изъ дубровушки,
Два соколика они вылетали.
Какъ два корабличка изъ Царя-града,
Изъ Царя-града кораблики вышывали.
На корабликахъ сидятъ мазурушки,
Вотъ мазурушки прихрабрые злые турки.
Покрашенными веселочками они загребаютъ,
Позлащенными рулечками управляютъ.
На носу то корабля тамъ стояло знамечко,
Стояло знамя оно распущенное.
На кормѣ то сидитъ нашъ батюшка,
Да онъ стрѣлецкій атаманъ.
Ужъ рѣчь то онъ говоритъ,
Ровно какъ въ трубу трубить,
Во трубу трубить, трубу золоченую.

* * *

Еще *на* два сокола они изъ дубровушки,
Соколики они вылетали;
Еще изъ Черно́го-то изъ моря
Кораблики вышывали;
Изъ Царя-града два молодца выѣзжали.

На кораблицахъ сидятъ два мазурушка,
Мазурушки злые турушки.
Покрашенными своими веселочками
Кораблики погребаютъ;
Позлаченными своими рулечками
Кораблики управляютъ.
На кораблицахъ стоятъ два знаменушка,
Знаменушки распущенныея.
Не косицами вотъ эти знаменушки
Сине море покрываютъ;
Подъ знаменушками стояли тамъ стулечки,
Стулечки они дубовые;
Два стулика точеные, два злаченые.
Во стулу сидѣлъ самъ наша турецкій Султанъ.
Предъ нимъ-то ли стоятъ два писаря молодые;
Во рукахъ то держутъ по перышку по орлиному,
Что по орлиному перышку, лебединому.
Они ждуть не дождутся повелѣнія государева. (☆☆)

* * *

Изъ горъ высокихъ, изъ ущелій глубокихъ
Ни бѣлая заря она занималася,
Ни красное солнышко выкаталося
Выше лѣсу. выше темнаго,
Выше лѣсу Бѣломчевскаго.
Выходила наша армеюшка Царя Бѣлаго,
Царя Бѣлаго Петра Перваго.
Напередъ то идетъ князь Мансуровъ *).
Подъ нимъ душечка, душа добрый конь,
Ужъ онъ ровно лютый звѣрь;

*) Въ Кубанской области, около станицы Отрадной, есть аулъ потомковъ этого князя.

А уборъ то приборъ на немъ, ровно жаръ горить,
На немъ шапочка-кабардиночка
Какъ на немъ сидить, ровно звѣздочка;
Наголо онъ несетъ саблю острую,
Какъ и шла наша армеюшка съ утра день,
Что со утра день до самаго вечера.
Подходила наша армеюшка къ силѣ вражьей,
Къ силѣ вражьей мусульманской,
Къ Темергойцамъ — собакамъ Бессемейцамъ.

* * *

Что сидить король на крутой горѣ.....

Сидючи то крѣпко призадумалось:

— «Ты кому, кому славный Берлинъ градъ достанешься?

Мнѣ не жаль то не жаль града Берлина.

Только жалко во градѣ три палатушки:

Что во первѳой палатушкѣ мой родимый батюшка,

А въ другой палатушкѣ родимая матушка,

А во третѳей палатушкѣ — молодая жена,

Молодая жена съ малыми дѣтушками!»

Доставался Берлинъ градъ Царю Бѣлому,

Царю Бѣлому — Петру Первому.

* * *

Не далече было, было далече,

Во чистомъ полѣ было.

Тамъ ходилъ то гулялъ *на* молодой охотничекъ,

На младѳой гулешенекъ.

Захватили младца его жары жаркїя,

Жары жаркїя молодца, Петровскїя.

Захватили младца дождички сильныя,

Дожди сильныя молодца, Покровскїя.

Захватили молодца морозушки лютые,
Снѣгушки глубокіе Рождественскіе,
Что морозушки лютые Крещенскіе.
Призамокъ то младець да онъ призаинеель,
Что *на* больше того младець приморозился.
Какъ ходилъ младець ко городу Муру.
Онъ кричалъ то своимъ громкимъ голосомъ —
Младець не докликался;
Часовые то снять все не проснутся;
Ужъ онъ свистомъ свистѣлъ — не досвистался,
А ретивымъ сердцемъ вздохнулъ — услышала красная дѣвица,
Княжеская прежняя полюбовница;
Она будила побуживала своихъ нянюшекъ:
-- «Вы вставайте мои нянюшки, вставайте, мамушки,
Вы вставайте-ка мои слуги вѣрные,
Принимайте дружка мово за бѣлы руки,
Вы сажайте-ка его за бранный столъ;
Ты свѣти заря передъ мѣсяцемъ!»
Стояла красная дѣвица передъ молодцемъ,
Во правой то рукѣ она держитъ вина склянницу,
Во лѣвой то держитъ золотую чару;
Наливала она зеленого вина,
Подносила его дружку милому:
— «Выпей-ка, выпей-ка, дружочекъ мой милый,
Выкушай, ты моя зазнобушка!
Когда то когда меня замужъ возьмешь?
Когда мы съ тобой совѣнчаемся?»
— «Я тогда тебя замужъ возьму,
Когда выхожу поле чистое,
Когда выѣзжу лѣсушки дремучіе,
Тогда съ тобой совѣнчаемся!»

*
* *

Не дáлече было вотъ было дáлече,
Было во чистóмъ полѣ.
Тамъ пролегивала не широкая
Новая она дороженька.
Не широкая она новая дороженька,
Только чуть пробойная.
Никто то никто по этой дороженькѣ,
Никто по ней не проѣзживаль.
Какъ проѣзживаль по ней по этой дороженькѣ
Удалъ добрый молодець.
Что лошадушка подѣ нимъ, подѣ добрымъ молодцемъ,
Лошадушка подѣ нимъ худымъ худа;
Что худымъ те худа подѣ добрымъ молодцемъ,
Крѣпко она приморенная, она притомленая.
Захватила то младца темная ноченька,
Темная она полуночная;
Подѣзжаетъ младець ко горькому кустику,
Ко горькому ему полночку:
— «Богъ помощь тебѣ, горькѣй кустичекъ,
Ты горькѣй-ли мой полночекъ!
Еще ты позволъ-ка, позволъ, горькѣй кустикъ,
Позволъ ночку ночевати!»
— «Ты ночуй-переночуй, добрый молодець,
Ночуй ночку — не убойся!
На меня-то на меня, на горькаго кустика,
На меня ты не надѣйся!
Каѣъ постелюшка тебѣ ковыль-травушка,
Изголовьице тебѣ — бѣль горючь камень,
Одѣяльице тебѣ — темная ноченька,
Часовые тебѣ — *на* частыя звѣздочки,

Атаманушка тебѣ — свѣтель мѣсяць,
Путь-дороженька тебѣ — красное солнышко!»

* * *

Года было тысяча семьсотъ пятого *),
Во тѣхъ числахъ іюня двадцать пятыхъ.....
Хвалился собака король Шведскій,
Хвалился онъ похвалялся,
Со мною силою собирался,
Хотѣлъ онъ двинуться въ Россію,
Подъ славный городъ подъ Платовъ.
Подкупалъ онъ себѣ русскаго Мазепу;
Русскій Мазепа ему не попрочилъ:
Повель его ни путемъ, ни дорогой,
Повель его топами да водами,
Морскимъ флотомъ, быстрыми рѣками.
Подходятъ они ко рѣчущкѣ ко Морзѣ,
Стали рѣчку Морзу перправлятися;
Переправившись, становилися;
Шанцы-батареи повытаскивали.
Секреты, бикеты **) въ полѣ ставили.
Что не далече было далече,
Тамъ пролегивала новая дороженька;
Какъ никто-то по ней не хаживаль,
Никто по широкой не проѣзживаль;
Только шелъ по ней бояринъ большой,
Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ;
Онъ и шелъ-то съ полками Московскими.
Какъ поймали то они на Шведскаго маіора,
Поймавши, его шельму связали;

*) Исторически не вѣрно—1709.

**) Пикеты.

Да связавши то его, они все спросили:
— «Ты скажи, маіоръ, всю правдицу,
Ты скажи, маіоръ, не утойся,
Много-ль у васъ во корпусѣ силушки?»
— «Во корпусѣ силушки четыре тысячи,
А во городѣ Платовѣ смѣты нѣту-ка!»

* * *

Какъ не на морѣ было на морюшкѣ,
На морѣ было на синемъ.
Не бѣлой то лебедь по синю морю всплавывалъ,
Во темномъ то лѣсу самъ черной воронъ воскаркнулъ,
Въ зеленомъ то саду горькая кукушечка
Жалобнешенько она кукуетъ;
Не во теремѣ было — родимая маменька,
Мать по сыну слезно плагала:
— «Ой, да ты, дитя мое, мое дитятко,
Чадушко ты мое милое!
Почему же ты дитя, мое дитятко,
Почему ты рано состарилось?»
— «Какъ состарила меня, родимая маменька,
Молодая жена;
Состарили меня малыя дѣтушки,
Состарила меня служба царская,
Состарили меня частые походушки,
Все рѣдкія перемѣнушки!»

* * *

Разбезсчастненькій служилъ король Прусскій;
На ворономъ конѣ король разѣвзжаетъ,
Ничегохонько про свою армеюшку, ничего король не вѣдаетъ:
Какъ разбили его славную армеюшку французы;

Во полонъ то взяли *на* славную его армеюшку;
Еще двухъ взяли думчатыхъ сенаторушекъ.
Ужь повѣсилъ то король свою буйную головушку,
Все на правую ее на сторонушку;
Онъ потупилъ, король, свои очи ясные
Во матушку, король, во сырую землю.
Ужь сталъ просить король Француза:
— «Вы дайте подайте мнѣ думчатыхъ сенаторушекъ.
На третьяго выдайте племянничка!»

* * *

Не за моремъ было за морюшкомъ,
За моремъ было за Чернымъ,
Во славномъ было во городѣ,
Было во Царѣ-градѣ.....
Построенна тамъ новая высокая,
Новая она батареюшка;
На батареюшкѣ стоитъ вотъ черное знамечко,
Черное знамя оно турецкое;
Подъ знамечкомъ стоитъ раскрашенный стулъ.
На стулу сидитъ самъ наша турецкій Султанъ.
Передъ нимъ то стоитъ, стоитъ завоеванный
Что молодой Гребенской казакъ;
Онъ не такъ-то стоитъ, самъ слезно плачетъ,
И просится онъ на родную свою сторонушку,
Во матушку во Россіюшку, на Терекъ Горыньевичъ.

* * *

Изъ горъ высокихъ не черныя тучи
Онѣ изъ горъ то подымались;
Не грозные громы изъ тучъ пріударили.
Князь Воронцовъ по своей армеюшкѣ развѣзжаетъ,

Своихъ казаченьковъ князь увѣщаетъ:

— «Кзаки мои, казаченьки! Послужите вы, мои ка-
заченьки,

Послужите вы Царю Бѣлому, Петру Первому,

Вы поймите-ка того князя турецкаго,

Вы вяжите, свяжите ему руки бѣлыя,

Вы закуйте ему ноги рѣзвыя,

Приведите его къ Царю Бѣлому, Петру Первому.

* * *

Не за славною было за рѣчущкой, было за Ефратъ рѣкой,

На широкой то было на широкой площади,

Собиралися, соѣзжалися Гребенскіе славные казаки;

Они билися рубилися съ турками храбрыми.

Они билися рубилися день съ утра они до вечера,

Что осеннюю темную ноченьку ее до бѣлой зари.

Солучилось *) въ нашей армеюшкѣ, солучилось несчастье—

Убивали въ нашей армеюшкѣ двухъ лучшихъ нашихъ

генералушекъ,

Какъ и третьяго убили въ нашей армеюшкѣ

Молодого-душу его хорунжаго.

Попадали его молодого хорунжаго прямо въ ретивое

сердце,

Что его то добраго коня, черногриваго,

Его насквозь прострѣлили.

Его душечка-душа добрый конь

Бѣжалъ конь да онъ по армеюшкѣ.

Что у добра то коня кровь горячая

Она бѣжала все по копыточкамъ.

* * *

*) Солучилось — случилось.

* * *

Во Крыму то было, было во Туречинѣ,
Во Стамбулѣ было во славномъ городѣ,
На широкой было на ровной площади,
Тамъ построена злодѣюшкой темна темница;
Безъ дверей тюрьма безъ окошекъ она,
Съ одной трубой дымчатой.
Засаженъ то въ тюрьмѣ разудалый добрый молодець,
Съ быстрого Терека Гребенской казакъ;
Онъ сидитъ то сидитъ ровно тридцать лѣтъ.
Случилось то Царю мимо тюрьмы ѣхати,
Удалось то младцу въ окно выглянуть:
— «Ой, ты батюшка, нашъ православный Царь!
Хочешь поить-кормить, батюшка,
Пой-корми меня;
А не хочешь поить-кормить,
Выпусти меня на волюшку,
Во матушку во Россіюшку,
На родимую мою сторонушку,
На Терекъ меня на Горыньевичъ!» *)).

* * *

Ужъ вы вѣтры, вѣтерочки, вы не дуйте, не бушуйте,
Сине море да вы не колышьте!
Сине море колышливо, бѣла рыбаца роблива,
Красная дѣвица она тосклива.
Что за горе, что за скука —
Со милымъ дружкомъ разлука;

*) Въ предлагаемомъ сборникѣ помѣщено нѣсколько пѣсенъ, подобныхъ этой. Но онѣ далеко ни однѣ и тѣ-же. Мотивы у нихъ разные и въ различныхъ Гребенскихъ станицахъ поются онѣ различно.

Разлучаетъ насъ неволя — Петербургская сторона,
Московская она не широкая.

* * *

Не ясенъ-то соколъ, высоко соколъ летаетъ,
То Прутской король по своей арменюшкѣ,
Король ѣздитъ разъѣзжаетъ.

Господушекъ своихъ король собираетъ:

— «Господа-ли вы, мои господушки!

Ничегохонько то вы, мои господушки,

Ничего то вы не знаете!

Какъ у насъ будетъ завтра большой праздничекъ,
Батюшка у насъ Петровъ день!

Все наши царскія знаменушки

Будутъ они распущенны,

Все духанушки наши будутъ растворены,

Все наши казаченьки будутъ напоены,

Будутъ они домой распущены!»

* * *

Не во пору порошица выпадала,

Ко бѣлой зарѣ порошица пропадала.

Не ржавчина это булатъеце выѣдала,

Не кручинушка-горе добраго молодца сокрушала;

Что сушить-то крушить добра молодца печаль-горе,

Что печаль-горе молодца, худа славушка;

Со худой-то славушки добрый молодецъ пропадаю *).

* * *

Во святой-ли во Руси, въ кременной Москвѣ,

На часахъ-ли онъ стоялъ Гребенской казакъ;

*) Эта, едва-ли не самая старая, пѣсня, поется только въ Старогладковской станицѣ.

Крѣпко призадумался да онъ призаплакался.
Во правой его рукѣ — шашка острая,
Во лѣвой во рукѣ — строево ружье.
Какъ ударилъ то онъ ударилъ мать-сыру землю:
— «Разступись, разступись, матушка сыра земля,
Расколись да ты раздайся грובהа доска,
Ужъ ты встань, подымись,
Родна матушка, наша Катеринушка,
У насъ то безъ тебя жить похужило;—
Всѣ казачьи полки на сраженье пошли,
Одинъ то полкъ караулъ занялъ.
Царя Бѣлаго полкъ, Петра Перваго». (10).

* * *

Кто-бы, братцы, намъ сказалъ про бѣтюшку тихій Донъ,
Про Игнатушку, шельму измѣнщика? *).
На часахъ то онъ стоялъ, сдѣлалъ шельма измѣнушку:
Онъ укралъ то унесъ у Царя знамя бѣлое,
Онъ залѣзъ взобрался на вышку высокую,
Собралъ себѣ казачковъ со всѣхъ малыхъ лѣточекъ,
Перевозилъ переправлялся черезъ тихій Донъ.
На крутомъ бережочкѣ становились всѣ вокругъ него.
Наливалъ то онъ наливалъ своего вина лютаго,
Подносилъ то его всѣмъ своимъ казаченькамъ,
И повелъ то онъ ихъ на славу рѣку Дунай.

* * *

Не подъ славнымъ было подъ городомъ,
Подъ городомъ было подъ Винтеромъ.....
Собиралися соѣзжались Гребенскіе казаки.

*) Игнатушка — Некрасовъ.

Они билися рублилися съ утра день до вечера,
Не осеннюю ее темную ноченьку до бѣлой зари.

Какъ у насъ то, въ нашей армеюшкѣ

Случилось оно несчастье:

Убили въ нашей армеюшкѣ младого урядника,

Понадали то его въ бѣлую грудь,

Добраго коня удалого молодца въ черну гриву.

Бѣжить то бѣжить она лошадушка по армеюшкѣ,

Что и кровь-то бѣжить у этой лошадушки,

Бѣжить она по копыточкамъ.

* * *

Не сизые орлы ко ясному соколу солеталися,

Узденья-то князья ко Мисостову сыну соѣзжались.

Выѣзжали то они узденья-князья на высокій курганъ,

Свои шапочки-кабардиночки всѣ долой поскидывали.

Какъ садилися то мои узденья-князья на черныя стулья—
ЮХТОВЫЯ;

Надѣвали узденья-князья панцыри трехколечные,

Съ налокотниками позлащенными.

Они думали думу крѣпкую ее заединую:

Во которую во сторонушку на ударъ пойдёмъ?

Какъ пойдёмъ-ка мы, братцы, узденья-князья

Подъ Бѣль-городъ мы!

Какъ пойдёмъ то и возьмемъ, узденья-князья,

Силу Марьевскую,

Возьмемъ-то ее, братцы, безъ свинцу, безъ пороху,

Безъ пушекъ безъ мартелушекъ;

Командирушекъ, бомбардирушекъ мы всѣхъ повырубимъ,

А пушечки-мартелушки *) во полонъ возьмемъ. (11).

* * *

*) Пушечки-мартелушки — мартыры.

* * *

Не подь городомъ было подь Орѣховымъ,
Что не на морѣ было на синемъ морѣ,
Нагружались тамъ три кораблика —
Они фуражемъ, сѣномъ, овеомъ, порохомъ.
Они день стоятъ и другой стоятъ,
Дожидаются себѣ повелѣнница государева.
Не дождавшись повелѣнница, во походъ пошли.

* * *

Какъ по морю морю синему
Взволновались, всколыхнулись
Во берегахъ крутыхъ волны быстрыя.
По волнамъ плыветъ, какъ стрѣла летитъ,
Золотой корабль съ бѣлымъ парусомъ.
На кормѣ то сидитъ, въ даль туману глядитъ,
Призадумался добрый молодецъ;
Правя лодкою, говоритъ — говоритъ-рѣчь:
— «Понесите вы, волны бурныя
Мой корабль-лодку къ сторонѣ родной,
Къ отцу, матери родной, молодой женѣ!»
Вотъ пріѣхалъ онъ въ сторону родну,
И на радости они обнимались,
Обнимались, цѣловались.
— «И зачѣмъ же ты по морю гулялъ,
Что кручина-тоска тебя носить тамъ?»
— «Я не самъ пошелъ и не самъ полетѣлъ,
Погнала то меня царска службица,
Что царя то службица Петра Третьяго».

* * *

* * *

Ты собака, ты собака, новый царевъ кабакъ!
Ты кружалище мое кружалище, ново государево!
Изводился добрый молодець ходить во царевъ кабакъ;
Онъ прошилъ-промоталъ все свое житье-бытье,
И еще болѣе того — богачество.
Какъ отецъ-то съ матерью отъ него отступился,
И родъ и племень отъ него отклонилися,
Друзья, братья, товарищи все отказалися,
Не отказалась отъ него отъ добраго молодца
Одна молодая его жена.
Какъ взяла она взяла свое малое дитяtko,
Взяла то его за правую руку;
Повела его дитяtko во царевъ кабакъ;
Закладывала его, малое дитяtko за 500 рублей,
Выкупала его молодая жена,
Она сбрую его ратную,

* * *

Отчего это въ полѣ ковыль-травушка загоралася?
Не отъ тучи, не отъ грома, не отъ вихорю,
Загоралася ковыль-травушка отъ солнышка.
Добиралась до бѣлаго камешка;
Что на камешкѣ сидитъ младъ ясенъ соколъ;
Попалилъ онъ свои быстры крылышки,
Обжегъ то онъ свои рѣзвы ноженъки.
Прилетало къ соколу стадо вороновъ,
Что сядились черны вороны вокругъ него,
Во глаза ему стали насмѣхаться:
Одѣвали они сокола вороною.
Какъ возговорить во кручинѣ
Младъ ясенъ то соколъ:

— «Какъ пройдетъ моя бѣда со кручиною,
Отрощу я свои крылья быстрыя,
Оживлю я свои ноги скорыя,
Я взовьюсь младъ ясенъ соколъ выше облака,
Я спущусь въ ваше стадо быстрѣй стрѣлы,
Перебью черныхъ я вороновъ до единаго.
Когда былъ Краснощековъ во невольницѣ —
Онъ вскричалъ-ли возопилъ громкимъ голосомъ:
— «Ой, вы, гой еси, друзья товарищи!
Не покиньте добра молодца при бѣдности!
Что ужъ скоро я прилечу то къ вамъ,
Замѣню я вашу смерть животомъ своимъ,
Животомъ своимъ, грудью бѣлою!»

* * *

Славный мой Дунаюшка, славный тихенькій Дунай.
Да сказали про тебя, славный мой Дунаюшекъ,
Ты свѣтлешенекъ, Дунай течешь!
А мутнѣе тебя во всемъ свѣтѣ нѣтъ.
Да отвѣтъ держалъ славный мой Дунай
Человѣческимъ громкимъ голосомъ,
Молодеческимъ умомъ-разумомъ:
— «Какъ же мнѣ славному Дунаюшку,
Мнѣ свѣтлешеньку то быть?
Съиспода меня земленые ключи бьютъ,
А посредь меня бѣла рыбица воду мутить,
А поверхъ меня три партіи перешли:
Первая партія — сила батюшки Царя,
Другая партія — Прутского сила короля,
Третья партія — парень дѣвицу перевезъ,
Соблазнилъ уговорилъ со тихаго Дона на Терекъ».

* * *

Не во матушкѣ было во Россіюшкѣ,
Во Россіюшкѣ было въ каменной Москвѣ.
Тутъ прослылись проявились два названные брата;
Они сковскіе *), все Московскіе два полковничка.
Со господами два полковничка они не знаются,
Съ генералушками крѣпкую думушку думали,
Они думали крѣпкую думушку со голутьбою:
— «Ты голутьба моя, голутьбица, голь несчастная!
Ты хватай-ка, моя голутьбица, коней добрыхъ своихъ,
Ты сѣдай-ка ихъ, моя голутьбица, сѣдомъ черкесскимъ,
Мы поѣдемъ-ка, моя голутьбица, во чисто поле гулять,
Мы заѣдемъ-ка, моя голутьбица, на Куру рѣку!
Мы бывалоча на Куру рѣку часто ѣзживали,
Мы бывалоча на Курѣ рѣкѣ много ясыру брали,
Да того-ли было *на* ясыру *на* дѣвичьяго!»

* * *

Не далече было было далече,
Во чистомъ полѣ было.
Тамъ ходилъ то гулялъ добрый молодець,
Младъ Донской казакъ, младъ охотничекъ.
За плечами онъ носить винтовочку,
Долгомѣрную, семипядную, восьмибляшную;
Вмѣсто цѣлика у ней — бриллиантъ камень,
А насѣчка у ней — позлаченная,
А подсошечка у ней — кизилова.
На винтовочкѣ написано, ровно напечатано:
На Иванъ то сударь Краснощекоевъ сынъ.
Онъ ни стежкой шель, ни дорожкой,
А тропиною все звѣриною.

*) Щеголеватые.

Вот навстрѣчу ему мать сѣра ланья со ланятами.
Какъ раскидываетъ онъ свою подсошечку,
Что подсошечку свою ее кизилковую:
— «Ты позволъ-ка позволъ, мать сѣра ланья,
По тебѣ стрѣлять и по дѣточкамъ!»
— «Ты меня убьешь, не шубу сошьешь,
А ланяты моихъ убьешь, не опушишься!
Ужъ пойдѣ-ка ты, пойдѣ младъ Донской казакъ,
Младъ Донской казакъ, младъ охотничекъ,
Во зеленые луга, лѣса заповѣдныя;
Тамъ ходитъ турчинъ со турчанкой;
Онъ ублажаетъ младую турчаночку,
Забавляетъ ее въ звонки гусельки;
Турчина ты изъ винтовки убьешь,
Младу турчанку за себя возьмешь!»

* * *

Туманушки, вы мои туманушки!
Вы откройтеся, вы мои туманушки,
Вы отъ синяго моря.
Еще откачнися-ка моя грусть-тоска и печаль
Отъ ретиваго сердца моего.
Мнѣ вечеръ то вечеръ доброму молодцу
Еще мнѣ малымъ малешенько спалось;
Во снѣ видѣлось доброму молодцу,
Во снѣ видѣлось мнѣ не хорошо:
Еще будто я то лежу раздобрый молодець,
Еще на чужой на дальней сторонѣ,
На чужой на дальней сторонущѣ,
На Дунайской на дикой стени.
Еще почернѣло-то мое тѣло бѣлое
Чернѣе матушки, мать-сырой земли;

Сквозь частыхъ то моихъ ребрушекъ
Шелковая трава поросла;
Въ изголовьицѣ у добраго молодца
Чисть-ракитовой кустикъ выросталъ;
Какъ на этомъ на кустигѣ
Молодой соловьюшекъ гнѣздо совивалъ;
Совивавши гнѣздо, дѣтей выводилъ.

* * *

Ты змѣя то моя, змѣюшка,
Ты змѣя моя лютая!
По травѣ ползешь — подѣ тобой близъ травка горить,
По водѣ плывешь — подѣ тобой вода мутится.
Ты змѣя моя, красная дѣвица,
Довела ты меня добраго молодца до худой славы:
Какъ ведутъ то ведутъ раздобраго молодца,
Ведутъ его все наказывать;
Впереди идетъ сперва молодой палачъ,
По бокамъ идутъ друзья-товарищи,
Позади идетъ красна дѣвица.
— «Ты постой, подожди, шельма молодой палачъ,
Постой, шельма, меня не наказывай!
Ты возьми съ меня, шельма, молодой палачъ,
Возьми съ меня хоть 500 рублей,
Если мало тебѣ, возьми съ меня тысячу!»

* * *

Не во матушкѣ было во Россіюшкѣ,
Во Россіюшкѣ было въ Тулѣ городѣ,
Жила то она красная дѣвица красивая,
Сама-то она чиреватая *).

*) Чиреватая — въ интересномъ положеніи.

Ты не смѣйся, батюшка, Волконскій князь!
Пьешь то ты гуляешь, ничего не знаешь и не вѣ-
даешь:

Молода твоя княгиня со ключникомъ живетъ.
Взяла то его Волконскаго князя *за* *) кручинушка;
Выходитъ то онъ на высокій балконъ,
Кричитъ то звенитъ громкимъ голосомъ:
— «Ужъ вы слуги мои, слуги вѣрныя,
Приведите вы его молодого ключника,
Ни честію, ни славою, за черныя кудерцы!»

* * *

Сторона моя, сторонуншка, сторона моя чужа, неве-
селяя.

Я не самъ зашелъ въ тебя, заѣхалъ,
Занесла меня сюда нужда крайняя,
Служба царская, она государева,
Государева — Александра Павловича.
Александръ Павловичъ во гробу лежитъ,
Передъ нимъ стоитъ казакъ часовой,
А въ ногахъ его красная дѣвица;
Она стоитъ — Царю рѣчи говорить:
— «Ты встань, возстань, Александръ Павловичъ,
Ты встань, посмотри на свою армію:
Твоя армія стоитъ приубраная,
Приубраная она, славно приукрашенная —
Во парадахъ всѣ стоятъ!»

* * *

Не ясенъ соколъ по поднебесью летаетъ,
Добрый молодецъ по табору разѣзжаетъ,

*) Частица «за», какъ и «на» употребляется для приданія большаго эффекта пѣснѣ.

Наго́ло то онъ возить свою остру саблю,

Острую ее булатную;

Онъ ищетъ себѣ такого человѣка,

Кто бы могъ достать со дна моря

Желтаго его песку.

Кто бы могъ вывести изъ моей острой сабли

Эту ржавчину?

Кто бы могъ выгнуть мое острое кинжалище,

Острое мое булатное?

Кто бы могъ вскрыть мои груди бѣлыя,

Груди мои молодецкія?

Кто бы могъ вынуть изъ моихъ бѣлыхъ грудей

Сердце его со печенью?

Кто бы могъ узнать въ моемъ ретивомъ сердцѣ

Мою кручину?

* * *

Не бѣда ли на меня на яснаго сокола

Безъ временницы ко мнѣ пришла великая.

Полетѣлъ бы я соколъ, полетѣлъ бы младъ ясенъ,

На морскія на теплыя воды;

Сѣлъ бы я соколъ, сѣлъ бы я младъ ясенъ

Среди моря на бѣломъ горючемъ камешкѣ;

Какъ завидѣлъ-бы я соколъ, какъ завидѣлъ-бы младъ
ясенъ

Среди моря стадо лебединое;

Какъ убилъ-бы я соколъ, убилъ-бы младъ ясенъ

Я изъ стадушка бѣлую лебедушку;

Наѣлся-бы я соколъ, наклевался бы младъ ясенъ

Лебединого бы сладкаго мяса.

Не бѣда бы на меня на добраго молодца,

Не кандалецы на меня булатные,

Пошелъ бы я молодецъ пошелъ бы я удалецъ
Я во чистое поле, поле широкое;
Поймалъ бы я молодецъ, поймалъ бы я удалецъ
Я своего душечку коня добраго;
Какъ ввнудалъ бы я молодецъ,
Какъ ввнудалъ бы удалецъ,
Я уздой новой тесмянной;
Осѣдлалъ бы я молодецъ, осѣдлалъ бы удалецъ
Я сѣдельцемъ новымъ черкесскимъ;
Ужь я сѣлъ бы молодецъ, да я сѣлъ бы удалецъ,
Я-бъ поѣхалъ молодецъ въ Питеръ славный городочекъ;
Я подѣхалъ бы молодецъ, я подѣхалъ бы удалецъ
Къ чернушечкѣ подъ красное огошко;
Разспросилъ я молодецъ, разспросилъ бы удалецъ
Про ее здоровье;
Разсказалъ бы я молодецъ, разсказалъ бы удалецъ
Про свое горе-несчастье. (12).

* * *

Ты Россія, ты Россія, ты Россійская земля!
Много нужды, много горя ты Россія приняла.
Какъ Платовъ господинъ по армеюшкѣ разѣвзжалъ.
Ко Французу въ гости Платовъ заѣвзжалъ;
Безъ допросу, безъ доклада во палатушки зашелъ.
Французъ на ноги вставалъ, Платова въ гости принималъ,
Во горницу провожалъ, за дубовые столы сажалъ,
Рюмку вина наливалъ, питей-ѣдерь становилъ,
Все Платова угощалъ, изъ ума его повелъ:
— «Гдѣ бы мнѣ увидать Платова казака?
Каксей воинъ, какой хитрый, всѣхъ французовъ побѣдилъ!

Платовъ отвѣтъ держалъ:

— «Платовъ казакъ точно я родимый его братъ!»

* * *

Какъ поѣхалъ нашъ Александръ свою армію смотрѣть,
Обѣщался нашъ Александръ къ Рождеству домой прибыть.
Ужъ веѣ празднички проходятъ, Александра дома нѣтъ,
Его маменька родная день заднюетъ, ночь не спитъ.

— «Ужъ я выйду на ту башню, которая выше веѣхъ,
Посмотрю я въ ту сторонку, гдѣ Александръ проѣзжалъ;
Гдѣ Александръ проѣзжалъ, тамъ и пылъ столбомъ пылить.
Вотъ по бительской дорожкѣ молодой курьеръ бѣжитъ;
Я пойду и спрошу, ты отколь курьеръ бѣжишь?»

Я спѣшу бѣжу, Александра я посоль;

Александръ новый царь Аршавъ *) городъ проигралъ,
Тамъ и жизнь свою кончалъ.

Померъ, померъ нашъ Александръ

Въ каменной бѣлой Москвѣ во двѣнадцатомъ часу.

Вотъ двѣнадцать архіереевъ провожать его идуть,

Попередъ его поютъ;

Какъ двѣнадцать генераловъ по бокамъ его идуть,

Какъ двѣнадцать полковниковъ на плечахъ его несутъ,

Какъ двѣнадцать офицеровъ позади его идуть,

Какъ двѣнадцать урядниковъ позади ихъ веѣхъ идуть,

А двѣнадцать казаченьковъ позади коней ведуть.

* * *

Какъ не сизые орлы ко ясному соколу солеталися,
Солеталися соѣзжались князья-генералушки,
Соѣзжались они только ко фельдмаршалу;
Они думали, братцы, крѣпкую думушку,

*) Варшава.

Они думали ее только заединую:
Какъ сочли то они сочли казачью службу,
Сочли то они ее за измѣнушку;
Какъ легка то легка казачія служба,
Легче ея во всѣмъ свѣтѣ нѣтъ;
Какъ никто за насъ за казаченьковъ,
Никто за насъ слова не замолвить.
Замолвилъ за насъ за казаченьковъ
Что одинъ ли князь онъ Тотлебенъ:
— «Господа ли вы, мои господушки,
Что и глупое ваше разсужденъице!
Я и самъ то служилъ съ Гребенскими со казаченьками,
Никакой то я отъ нихъ измѣнушки не видываль.
Казачи молодцы — они темную ноченьку
Напролетъ ее всю не спали,
До бѣлой до зориньки секретушки занимами!»

* * *

Во Турецкой во невѣрной во сторонушекѣ
Не сизые орлы ко ясному соколу солеталися,
Генералушки ко фельдмаршалу они соѣзжались,
Они думали крѣпкую думушку,
Крѣпкую ее заединую,
И Турецкую эту земелюшку они межевали;
Перемежевывали эту земелюшку не хвалили:
— «Не хорошая ты земелюшка, земля Турецкая,
Перевела ты, Турецкая земелюшка, лучшихъ нашихъ
На буйныхъ головушекъ,
Лучшихъ головушекъ нашихъ казачіихъ,
А *на* больше ты перевела буйныхъ головушекъ
Голушекъ нашихъ солдатскихъ.

* * *

* * *

Подъ городомъ было подъ Одессой,
Подъ стѣной было стѣной земляной.
Тамъ служили они царю два брата родимые:
Что и сотникъ служилъ служилъ съ есауломъ;
Какъ подъ городъ они подступали,
Земляную стѣну разбивали,
Молодую панню, шведскую княгиню,
Ее во полонъ брали;
Туть восплакалась молодая пання,
Ни шведская она княгиня.
Тогда братъ брату рѣчи говорилъ онъ:
— «Пріутѣшь, братъ, *ни* шведскую панню,
Шведскую ее княгиню!»
— «Не плачь, не плачь, шведская пання,
Шведская княгиня;
Мы возьмемъ то тебя за братца родимаго,
Что за сродничка возьмемъ дорогого,
Назовемъ мы тебя сестрицей родимою!»

* * *

Ни по морю по морю синему,
По синю морю по Хвалынскому,
Какъ бѣжали они возбѣгивали три стружечка:
Первый бѣжить стружечекъ, бѣжить атаманскій,
Второй то бѣжить стружечекъ — есаульскій,
Третій стружечекъ — веселый казачій.
Подбѣгивали эти стружечки до горы Змѣвой:
— «Богъ помощь тебѣ, крутая гора, горушка Змѣвая!
Ты позволъ-ка, горушка Змѣвая, одну ночь почевать,
Позволь молодцамъ осеннюю ее коротать!»

— «Вы ночуйте, ночуйте, добрые молодцы, не убойтесь,
На меня на крутую горушку не надѣйтесь,
Постелюшка вамъ, добрымъ молодцамъ, ковыль-трава,
Изголовьице вамъ, добрымъ молодцамъ, бѣль горючь ка-
мень,
Одѣялице вамъ, добрымъ молодцамъ, темная ноченька,
Часовые-то вамъ, добрымъ молодцамъ, часты звѣздочки,
Атаманушка вамъ — батюшка свѣтель мѣсячь!»

* * *

Не батюшка своего сына журить-бранить,
Со двора его долой гонить:
— «Сойди, сойди, мой невѣжій сынъ,
Сойди со двора мово долой!
Я за то тебя гоню, мой невѣжій сынъ,
Что ты отца не слушаешься».
Государыня родимая матушка
Она слезно плакала:
— «Ты дитя мое дитятко, чадо милое,
Ты скажи, скажи, мое дитятко,
Ты скажи, когда домой придешь,
А меня мать навѣдаешь?»
— «Государыня, родимая матушка,
Ты пойди по край моря синяго,
Что по край Хвалынскаго,
Ты возьми, возьми, родимая матушка,
Желтаго песку во всю горсточку;
Ты поѣй-ка его, родимая матушка
Среди-ли своего двора;
Поливай ты его ни росой, ни водой,
А поливай ты его горючими слезами.

И когда этотъ песочекъ выростеть,
Тогда я къ тебѣ, родимая матушка,
Домой приду, тебя мать навѣдаю».

* * *

Подымались гуси-лебеди;
За гусюшками летять
Сѣрыя утушки;
За утушками летить
Младъ сизой орель;
Кричитъ то орель зычить
Своимъ громкимъ голосомъ;
Во когтяхъ то орель несетъ
Тѣло бѣлое, молодецкое —
Руку правую съ дорогимъ перстеномъ,
Съ драгоценнымъ камешкомъ.
За орломъ то гонить
Младъ ясенъ соколь;
Еще кричитъ соколь зычить
Громкимъ своимъ голосомъ:
— «Ты постой-ка, орель,
Меня подожди сокола!
Я не бить то тебя буду,
Я спросить тебя хочу:
Еще ты *на* гдѣ орель
На гдѣ летываль?
Еще ты гдѣ тѣло бралъ?»
— «Еще у ключика я былъ у текучаго,
У колодца я орель былъ!»

* * *

* * *

Не травушка, не ковылушка въ полѣ шатается,
Какъ шатался волочился удалъ добрый молодець
Въ одной тоненькой полотнянинькой рубашечкѣ,
Что въ той ли кармазиновой черкесочкѣ.
У черкесочки рукавчики назадъ закинуты,
Камчаты полочки назадъ застегнуты,
Басурманскою ли кровью они забрызганы.
Онъ идетъ добрый молодець самъ шатается,
Да горючей слезой обливается,
Тугимъ лукомъ своимъ самъ опирается;
Позолотушка съ его золота лука долой летить.
Какъ никто то съ добрымъ молодцемъ не встрѣчается,
Повстрѣчалася съ нимъ родна матушка:
— «Ужъ ты чадо мое, чадо милое мое!
Ты зачѣмъ же, мое чадо, такъ наливаешься,
До сырой до земли ты все преклоняешься,
За травушку-ковылушку все хватаешься?»
Тутъ возговорилъ добрый молодець родной матушкѣ:
— «Я не самъ-то добрый молодець напивался,
Напоилъ меня турецкій царь тремя пойлами;
Что тремя то пойлами, тремя разными:
Какъ и первое его пойло — сабля острая,
Другое его пойло — копьё мѣткое,
Третье его пойло — пуличка свинчатая».

* * *

Какъ у насъ то было на тихомъ Дону,
Что у насъ то было въ зеленомъ саду,
Что подъ грушею было, грушею зеленою,
Подъ яблонью было, яблонью кудрявою,

На цвѣточкахъ было на лазоревыхъ,
На травушкѣ было на шелковенькой,
На кроватушкѣ было на тесовенькой,
На перинушкѣ было на пуховенькой—
Что мать сына воспроиздила,
Что бѣлою грудью мать сына вскормила,
Пеленала мать сына въ пеленочку камчату,
Что качала мать сына въ зыбочкѣ *) кипарисовой,
Берегла то мать сына онъ вѣтра отъ вихоря,
Берегла то мать сына отъ солнышка отъ краснаго,
Берегла мать сына отъ сильныхъ дождииковъ,
Не уберегла мать сына отъ службицы государевой.

* * *

Говорила родимая матушка сыну завсегда **):
Почему, сыночекъ, ни бѣлъ, ни румянъ ходишь?
Отвѣтъ держать раздобрый молодець матушкѣ родимой:
— «Какъ я былъ то служилъ, раздобрый молодець,
На чужой дальней сторонѣ, во Крымской землѣ;
Полюбила меня красная дѣвица раздобраго молодца;
Какъ велѣла прійти вечеромъ позднымъ поздно;
Не дождавшись добрый молодець поры-время, самъ мла-
дець пошелъ.
Какъ увидѣлъ меня добра молодца Крымчанинъ изъ
окна,
Какъ погналъ меня добра молодца вдоль по улицѣ;
Какъ поймалъ меня добра молодца среди своѣ двора,
Что поднялъ то меня добраго молодца выше буйной головы,

*) Зыбка — колыбель, люлька.

***) Всегда.

Какъ ударилъ меня добра молодца о сырую землю серд-
цемъ-животомъ,
Отъ того-то я добрый молодецъ ни бѣлъ, ни румянь хожу».

* * *

Что по край было моря синяго,
Моря Каспицкаго —
Тамъ стояло древечушко оно кипарисовое;
Корешочки у него крѣпкіе булатные;
Кожича у дерева лимонная;
Вѣточки у дерева хрустальныя;
На вершинушкѣ младъ ясенъ соколъ теплое гнѣздышко
совиваль,
Перекладушки клалъ хрустальныя;
А усыпаль теплое гнѣздышко мелкимъ жемчугомъ,
Выводилъ себѣ малыхъ дѣтушекъ,
Онъ на волюшку распускалъ ихъ.

* * *

Ахъ ты, батюшка, славный тихій Донъ,
Ты кормилецъ Донъ Ивановичъ!
Про тебя лежитъ слава добрая,
Слава добрая, рѣчь хорошая:
Какъ бывало ты все быстеръ течешь,
Ты быстеръ течешь, все чистешенекъ,
А теперь же Донъ все мутенъ течешь.
Помутился Донъ сверху до низу,
Рѣчь возговорилъ славный тихій Донъ:
-- «Ужъ и какъ то мнѣ все мутну не быть?
Распустилъ я своихъ ясныхъ соколовъ,
Ясныхъ соколовъ, Донскихъ казаковъ!»

Разрываются круты бережки,
Разсыпаются косы желтыя.

* * *

Какъ при буйной то было при дороженькѣ,
Тамъ стоялъ выросталъ сыр матеровый дубъ.
Корешочки у дуба чистые, они хрустальные,
Листочки у дуба тонки, они булатные;
Вершина у дуба она позлащенная,
На вершинѣ на дубу гнѣздо соколиное,
Что подъ дубомъ стояло коня добраго,
Коня добраго богатырскаго;
Какъ ни соколъ съ фонемъ они позаспорили,
Ни о ста рубляхъ, они ни о тысячѣ,
Позаспорили они о своихъ головушкахъ.
Вотъ соколъ летить по поднебесью,
Какъ и конь то бѣжить — вся земля дрожить.

* * *

Ужъ ты служба ли наша, наша службица,
Служба наша государева.
Надоѣла намъ служба намъ бѣднымъ казаченькамъ,
Служба ты намъ надоучила,
Добрыхъ коней, коней лошадушекъ ты призамучила;
Что и день то мы ходимъ бѣдные казаченьки,
Ходимъ то мы на пикетушкахъ;
Что и ночь то ходимъ бѣдные казаченьки,
Ходимъ по секретушкамъ.
Что ни змѣя то ли змѣя изъ подъ кустика просопѣла,
Не свинцовая пуля она изъ подъ камешка
Изъ подъ камешка она прозвенчѣла.

* * *

* * *

Въ горахъ было въ горахъ высокихъ,
Во ущельяхъ было во ущельяхъ глубокихъ,
Лежить молодець—онъ все убитый,
Онъ молодець то—молодой урядничекъ.
Какъ съ родной со сторонюшки пташка прилетала,
Жалобно пѣсенку ему она пропѣла:
—«Ты возстань, возстань, добрый молодець!
Вотъ зима проходитъ, весна наступаетъ,
Твоя молода жена по саду гуляетъ,
По саду гуляетъ, мужа выбираетъ!»
Лежить молодець не даетъ отвѣта.
Со родимой со сторонюшки пташка прилетѣла,
Она жалобно пѣсенку ему пропѣла:
Ты встань, возстань, добрый молодець,
Прошло лѣто, осень наступила,
Твоя молода жена весной по саду гуляла,
По саду гуляла, себѣ мужа выбирала,
А теперь глазами разводить—замужъ выходить,
Родимая твоя маменька слезно плачетъ,

* * *

Всю ночь то не спалъ Степанъ Даниловичъ....
Съ москалемъ то онъ въ карты проигралъ;
Проигралъ-то онъ славный тихій Донъ;
Проигравши то онъ крѣпко призадумался,
Да онъ прикручинился;
Выходить то онъ на крашеный крылець,
Кричитъ то онъ зычитъ своимъ голосомъ:
—«Ужъ вы слуги мои, вы мои служители,
Вы Донскіе ли мои казаченьки!

Вы подайте мнѣ, мои казаченьки, вражьего сына,
Какъ то ли сына молодого полковника;
Ужъ мы сядемъ съ нимъ въ легку лодочку,
Ужъ мы нустримся съ нимъ во сине море,
Да заѣдемъ мы съ нимъ во Сибирскій край!» *).

* * *

Ни одна во полѣ дороженька пролегала;
Что никто по этой дороженькѣ,
Никто по ней не ходилъ, не ѣзживаль.
Тутъ шли они прошли молодые казаченьки;
Ничегохонько ничего молодые казаченьки
Ничего то они въ полѣ не видали;
Только видѣли они, молодые казаченьки,
Дубровушку ее зеленую:
— «Еще ты позволъ-ка, позволъ, зелена дубровушка,
Позволъ коней разсѣдлати!
Еще ты позволъ-ка, зелена дубровушка,
Коней наповати;
Еще ты позволъ-ка, позволъ, зелена дубровушка,
Коней выпасати.

*) Записана со словъ казака ст. Новоградковской Финогей Мальчушкина.

ОТДѢЛЪ II-й.

ВОЕННО-БЫТОВЫЯ.
ВОЕННО-БЫТОВЫЯ.

ОТДѢЛЪ II.

Дѣло Гребенцовъ 24-го Мая 1846 года при деревнѣ Акъ-Булатъ-Юртъ.

Темной ночью зазвонили
Сильно въ колоколь большой;
Встрепенулася станица,
Нарушивъ ночной покой.

Жены бросились въ конюшни
Осѣдлатъ борзыхъ коней,
Чтобы дать мужьямъ возможность
Быть на мѣстѣ всѣхъ скорѣй.

И всѣ мчатся къ колокольнѣ.....

Молодые, старики.

А на Терекѣ далеко

Слышны отзвуки стрѣльбы.

Не успѣли всѣ собраться,
Уже Сусловъ прискакалъ,
И безъ строя понеслися,
Кто и какъ куда попалъ.

Двадцать верстъ ужъ проскакали

Длинной лентою живою;

Каждый хочетъ отличиться,

Чтобъ попасть въ передній строй.

Живо Терекъ переплыли
За станицей Щедриномъ,
И совсѣмъ вѣдь позабыли,
Что тутъ близко есть паромъ.

Акь-Булатъ-Юртъ миновали,
Видимъ всадниковъ вдали,
Перестрѣлку завязали,
Они были таковы.

Тутъ-то мы, кто удалѣе,
Бьетъ ногойкой лошадей,
Отставай чья отстала,
Догоняй чей конь сильнѣй.

И всѣ кучей налетѣли
На засаду подлецовъ,
Пули вслѣдъ засвистѣли,
Огорошивъ молодцовъ.

Дѣлать нечего ужъ было,
Стали строиться въ карѣ,
Все замолкло и застыло,
Каждый думалъ о себѣ.

Но Камковъ нашъ зычно крикнулъ:

— «Положите лошадей!»

Точно всѣ отъ сна очнулись,
Какъ-то стало веселѣй.

Полегли между конями,
Ружья вынувъ наголю,
И удачно отражали
Мы злодѣя своего.

Такъ мы бились три часочка
Подъ напоромъ тысячъ двухъ,
Не отдавши ни кусочка
Нами занятой земли.

Камковъ, стоя и безъ шапки,
По серединѣ молодцовъ,
Всѣмъ кричалъ: «не бойтесь, братцы!
Не сломить имъ Гребенцовъ!»

Насъ же было меньше сотни,
Но дралися точно львы;
Сталь патроновъ недостатокъ,
Пашки вынули ужъ мы.

Славный Сусловъ приказалъ намъ
Зарядить въ послѣдній разъ,
И въ упоръ стрѣлять злодѣевъ,
Чтобы знали они насъ.

Притаивъ мы всѣ дыханье,
Ждемъ отчаянный налетъ.....
Что же видимъ?... Отступленье.....
Оттолкнулся вражій сбродъ.

Оказалось, злые горцы
Услыхали дальній гулъ;
То спѣшили кабардинцы —
На подмогу Майдель шелъ.

Онъ ракетой вѣстовою
Намъ подалъ ужъ свой сигналъ,
И чеченцы всѣ толпою
Отодвинулись назадъ.

И мы всѣ перекрестились,
Дружно сдѣлавъ залпъ по нимъ,
Горцы въ бѣгство обратились,
Насъ оставили однихъ.

Много нашихъ тамъ побито,
Раны-жъ нечего считать,
Слава древняя добыта,
Горцы будутъ ее знать.

Вспомнимъ храбраго Камкова,
Вспомнимъ Сулова отца;
Мы у Гребня всѣ готовы
Служить правдой до конца. (12).

* * *

Полнымъ сердцемъ торжествуя,
Богу славу воздаютъ;
Предъ Отцомъ-Царемъ ликуя,
Терцы весело поютъ.

Говорятъ всё, слава Богу,
Нынѣ также, какъ и встарь,
Нашу бранную тревогу
Не забылъ нашъ Государь.

Онъ своимъ Державнымъ словомъ
Самъ напомнилъ намъ Кавказъ,
Гдѣ съ пеленъ въ бою суровомъ
Жизнь воспитывалъ онъ въ насъ.

Гдѣ издревле наши дѣды
Прорубалися въ горахъ;
Съ громомъ битвы и побѣды
Шли впередъ за шагомъ шагъ.

Гдѣ въ скалахъ, въ лѣсахъ дремучихъ
Горцы съ нами споръ вели,
Но у насъ въ рядахъ могучихъ
Отступленья не нашли.

Смерть и раны презирая,
И въ свой смертный часъ и намъ
Свой завѣтъ передавали,
Чтобъ итти по ихъ слѣдамъ.

И въ Чечнѣ и Дагестанѣ,
Гдѣ лилася кровь отцовъ,
Доставалось по ранѣ
И на братьевъ удальцовъ.

Вѣдь Кавказъ добыть не шутка,
Храбрый тамъ тѣснился врагъ;

Приходилось часто жутко,
Крови стоилъ каждый шагъ.

Но забыты кровь и пламя,
Царь насъ милостью почтилъ,
И вотъ вѣрнымъ Терцамъ знамя
Изъ руки своей вручилъ.

Знамя Царское святое
Мы подыдемъ высоко,
И завѣтъ нашъ въ ретивое
Врѣжемъ, братцы, глубоко.

Вѣрой, правдой достославно
Царскій тронъ оберегать,
Крестъ высоко православный
Надъ луною воздвигать.

Да склоняя взоръ свой къ Терцамъ,
Какъ отецъ къ своимъ сынамъ,
Царь возрадуется сердцемъ,
Сынъ спасибо скажетъ намъ. (13).

* * *

Съ Богомъ Терцы! не робѣя,
Смѣло въ бой поидемъ, друзья;
Бейте, рѣжьте, не жалѣя
Басурманина врага.

Тамъ далеко за Балканы
Русскій много разъ шагаль;
Покоряя вражьи станы,
Гордыхъ турокъ побѣждалъ.

Такъ идемъ путемъ прадѣдовъ
Лавры славы добывать,
Смерть за вѣру, за Россію
Можно съ радостью принять.

День двѣнадцатый апрѣля
Будемъ помнить мы всегда —
Какъ нашъ Царь отецъ Державный
Брата къ намъ подвелъ тогда.

Ужъ онъ полонъ царской мочи
Съ отуманеннымъ челомъ:
— «Берегите, сказалъ, брата,
Будьте каждый молодцомъ.

«Если нужно будетъ въ дѣло
Николаю васъ пустить,
То идите въ дѣло смѣло,
Дѣдовъ славы не срамить!»

Съ Богомъ же, Терцы, не робѣя,
Смѣло въ бой пойдемъ друзья;
Бейте, рѣжьте, не жалѣя,
Басурманина врага. (14).

* * *

Свѣтила заря поздно вечеромъ;
Посвѣти-ка ты, заря, пока взойдетъ
Батюшка свѣтель мѣсяць,
Чтобы видно было мнѣ молодцу
Итти мнѣ изъ неволюшки;
Изъ неволюшки итти,
Съ чужой дальней сторонушки —
Съ большой Чечни, съ большой Атаги.
Атагинцы-собаки собиралися съ Халкалинцами,
Халкалинцы-собаки собиралися съ Алдадинцами;
Не лучшее мѣстечко выбирали;
Порыли себѣ шанцы глубокіе,
Подѣлали себѣ завалушки высокіе,
Не хотѣли пустить силу армеюшку.

Ужъ я самъ то маіоръ Зачетовъ
Напередъ пойду, братцы;
Свою острую шашечку наголо понесу,
И разобьемъ мы силу невѣрную,
Ту силу чеченскую. (15).

* * *

Пыль клубится по дорогѣ
Темной длинной полосой,
Тамъ въ Червленной по тревогѣ
Скачетъ полкъ нашъ Гребенской.

Скачетъ мчится, точно буря,
Къ Гудермесу подскакаль,
Гдѣ Казы-Мулла съ ордою
Въ десять тысячъ его ждалъ.

Полкъ не дрогнулъ, увидавши
Эту силу предъ собой;
Шашки вынулъ и помчался
На бой смертный съ той ордой.

Храбрый Волженскій полковникъ
Первымъ врѣзался въ орду,
И съ полкомъ онъ въ ней метался,
Точно будто бы въ чаду.

Всѣ рубились, на смерть бились
Удалые Гребенцы;
Храбрый Волженскій полковникъ
Кричалъ: «браво, молодцы!»

Орда дрогнула, бѣжала,
Мы помчались за ней,
Но ждала насъ тамъ засада
Изъ отважныхъ всѣхъ людей.

Мы засаду ту разбили

И шли дальше все впередъ,
Но не знали что въ оврагѣ
Насъ другая бѣда ждетъ.

Вмигъ собралися чеченцы,
Все отважные бойцы,
Вотъ отъ нихъ то пострадали
Тогда наши молодцы.

Залпъ раздался... . отвѣчали

Двумя пушками ему;

Бой отважный тутъ начался,

Гдѣ забыли мы жену,

Гдѣ забыли матерей,

Сестеръ, братьевъ и отцовъ,

Только помнили одно—

Вславу дѣдовъ Гребенцовъ.

Справа, слѣва, обходили

Храбрый полкъ нашъ Гребенской,

Тутъ Волженскаго убили,

Тутъ то кровь лилась рѣкой.

Враги думали, что можно

Всехъ въ могилу насъ сложить,

И что больше беспокоить

Мы не будемъ уже ихъ.

Но не такъ свершилось дѣло

Въ ту минуту съ Гребенцами:

Полкъ не дрогнулъ, пошелъ смѣло,

Искать путь себѣ началъ.

Полкъ рубился, на смерть бился

Съ тѣмъ безчисленнымъ врагомъ;

Врагъ отъ страху разступился,

Путь открылъ передъ полкомъ.

Полкъ примчался къ переправѣ,

Что за Терекѡмъ была,
Тамъ кричали намъ солдаты:
— «Честь и слава вамъ, ура!»

Переправясь черезъ Терекъ,
По станицамъ разбрелись—
Кто веселый, кто съ слезами,
Тамъ мать съ сыномъ обнялись.

Въ Червленной верѣтивъ убитыхъ,
Такъ сказали матерья:

— Мы привыкли видѣть жертвы
За любимаго Царя.

* * *

Что не пыль кура курой

Все по весенѡй порой.....

Вотъ вторая батарея

Во походъ скоро идетъ.

Черезъ Терекъ переправлялись

На правую сторону;

Въ Маханъ-Юртѣ ночевали—

Генераль Свистуновъ былъ;

Генераль нашъ Свистуновъ,

Есаулъ нашъ Ебуновъ,

Онъ по пушкамъ разѣзжалъ

Три словечка намъ сказалъ:

— «У насъ пушки нарѣзныя,

Шашки остры, какъ булаты;

Мы пойдемъ туда сражаться,

Полетимъ на смертный бой!»

Къ Маіуртуну подступали,

Показались значки—

Тамъ гуляли казачки.

* * *

Изъ подь бугрика было, изъ подь курганчика,
Бугра высока;
Тамъ пролеживала шляхъ-дороженька.
Не широкая была—всего три ступни;
Длиной то была шляхъ-дороженька—конца края нѣтъ.
Никто по этой дороженькѣ не прохаживаль;
Тамъ шель прошелъ казачій полкъ;
За полкомъ то идетъ раздушечка, душа добрый конь;
Сѣдельце на немъ черкесское на боку висить;
Подпругеньки его тесьмянныя въ спину врѣзались;
Стременница его по копытцамъ бьютъ,
А поводьца его шелковые ноги спутали.

* * *

Служба явлена въ походъ.....
Какъ со вечера добрый молодецъ коня своего ловить,
Ко полуночи сѣдельцемъ сѣдлаетъ,
Ко бѣлой зарѣ съ широка двора сѣзжаетъ.
Никто то добра молодца не проводитъ:
Ни батюшка, ни матушка, ни родъ его, ни племень;
Провожала его добра молодца молодая жена;
Провожала его, слезно плакала она,
Во слезахъ ему словечушко молвила:
— «Возвернись, воротись, родимый ты мой,
Воротись, мой соколикъ, родимый назадъ!»

* * *

Славный, пышный, быстрый Терекъ,
Ты природныхъ здѣшнихъ мѣсть;
Скоро выйду я на твой на берегъ,

Обращу свой печальный взоръ.

Сколько лѣтъ и зимъ проходить,
На тебя я, Терекъ, не гляжу,
Время, молодость моя уходитъ,
Во неволѣ я младенецъ сижу.

Я сидѣлъ подъ клеветою
Молилъ Всевышняго Творца,
Чтобы правдою святою
Защитилъ бы меня молодца.

Я служилъ Царю душою
И свой берегъ охранялъ,
А теперь я очень смѣло
Помереть въ бою съ врагомъ готовъ.

Гдѣ жизнь моя была отрада,
Гдѣ я былъ въ младыхъ лѣтахъ,
Гдѣ душа моя была прохлада—
Увивалась на берегахъ.

Славный, пышный, большой Терекъ,
Прорви горы и лѣса;
Прорви горы, прорви этотъ берегъ,
Унеси меня, Терекъ, съ собой.

* * *

Какъ вечеръ мы, братцы, были пьяны,
А на утро нечѣмъ похмѣлиться.
Да мы сложимся, братцы, по денежкѣ, по копеечкѣ,
Да кушимъ зелена вина полтора ведра.
Мы выйдемъ за станицу, разгуляемся,
За ту стѣну выйдемъ, за плетневую,
На ту гору выйдемъ на Покровскую;
Ужъ мы сядемъ, братцы, на большой курганъ,
Ужъ мы сядемъ во единый кругъ,

Мы выпьемъ, братцы, по чарочкѣ,
По чарочкѣ выпьемъ, по серебряной;
Мы вспомнимъ то, братцы, про домашнее бытѣе,
Мы вспомнимъ, братцы, про казачью службу.

* * *

Ночи темныя онѣ непроглядныя.....
Надоѣло мнѣ надокучило
На часахъ стоять караулъ держать.
Вы, друзья мои, товарищи,
Вы, орлы мои, сизокрылые,
Вы, соколики мои, поднебесные,
Кто изъ васъ, ребята, на Кумѣ бываль?
Кто изъ васъ, братцы, про Кубань слыхаль?
Вызывался тутъ парень махонькій,
Казакъ лихой, парень малоденькій:
Ужъ я, братцы, на Кумѣ бываль,
И я, братцы, про Кубань слыхаль,
Про верхи ея чистые;
Кубань рѣчушка — что нашъ Терекъ,
Да нашъ Терекъ почище будетъ!

* * *

Что не травушка не ковылушка
Ко сырой землѣ она клонится;
Царя Бѣлаго наша армеюшка
Стоить Богу она молится.
Помолившись наша армеюшка,
На ударъ она пошла
На ту силу на невѣрную,
На невѣрную на Турецкую.
Вдругъ несчастьеце въ нашей армеюшкѣ случилось:

Поранили въ нашей армеюшкѣ
На младого его полковничка,
Полковника его Камкова,
Что поранили его во правую руку.

* * *

Ты подымись, взайди солнце красное,
Ты взайди поутру раненько;
Обогрѣй меня добра молодца,
Стоя меня на бикетѣ;
На бикетѣ добра молодца,
На главномъ меня секретѣ.
Простоялъ я свои рѣзвы ноженъки,
Стоя на бикетѣ;
Просмотрѣлъ я свои очи ясные
За Сулакъ быстру рѣку

* * *

Не по стежечкѣ по дорожечкѣ,
По тропиночкѣ Государевой,
Туть шли прошли *на* три полка,
На три разныхъ.
Они знаменушки несутъ распущенныя,
А въ одномъ полку знаменушки во чахлахъ несутъ.
Напередъ то идетъ Салтыковъ князь;
Онъ идетъ то князь спотыкается,
На острую саблю опирается.
Встрѣчаетъ его родимая матушка:
«Да зачѣмъ же ты, родимое чадушко,
Напился ты пойла пьянаго?»
Наноили меня, родимая маменька,
Что двумя то меня пойлами:

На первое пойлице—пуля быстрая,
На второе—сабля острая!» (*)

* * *

Ужъ ты поле мое, поле чистое,
Ты раздолье мое, степь широкая!
Ничего то, поле, ты не уродило;
Уродило ты, поле, чисть-ракитовый кустъ.
Подъ этимъ кустомъ лежить добрый молодець;
Да не такъ то онъ лежить—крѣпко раненый;
Въ головахъ у него бѣль-горючъ камень,
Во рукахъ у него—сабля острая,
Во ногахъ то его ужъ онъ добрый конь:
—Ужъ ты, конь то конь, ты товарищъ мой.
Ты бѣжи, мой конь, въ землю Русскую,
Не давайся, мой конь, врагу Прусскому,
Понеси поклонъ моему батюшкѣ,
Ты родимой моей матушкѣ,
Молодой женѣ на словахъ сказки,
Что женила меня пуля быстрая,
Обручила меня сабля острая!

* * *

Ужъ ты, поле мое, поле чистое,
Ты раздолье мое, степь широкая!
Породило ты, поле, чисть-ракитовый кустъ.
Подъ кустомъ то лежить добрый молодець;
Въ головахъ у него сбруя ратная;
На грудяхъ у него ружье чистое;
Во бѣлыхъ то рукахъ шашка острая,
Во рѣзвыхъ то во ногахъ добрый конь стоять.

(*) Записана со словъ казака Ст. Новогладковской Евѣѣя Смирнова,

* * *

Межъ Тереконъ и Сулакомъ поле распахано,
Не плугами—конскими копытами,
Не всхожими сѣменами поле засѣяно,
Засѣяно оно казачьими головами;
Заволочено оно конскими хвостами.
Никто по этому полю не проѣзживаль,
Тамъ шель то прошелъ Волконскій князь.

* * *

Тамъ за рѣчкой за быстрой казакъ то гуляль;
Коня спасаль, ковыль-травушку рваль,
Огонь раскладываль, свои стрѣлы ломаль,
На огонь ихъ бросаль;
Свои ранушки развязываль,
Друзьямъ-товарищамъ показываль:
Вы, друзья, братья, товарищи,
Посмотрите-ка мои ранушки:
Боевыя онѣ, кровавыя;
Онѣ кровью запли, къ моему сердцу пришли;
Когда я былъ малешенець и глупешенець,
Отець мать меня любили, на рукахъ меня носили.
А теперь я сталъ на возрастѣ,
На чужой сторонѣ горемыка служу.

* * *

Не далече было, было во чистомъ полѣ,
Тамъ стояло древечушко тонко высоко,
Корнемъ глубоко, листомъ широко.
Подъ этимъ древучкомъ выросла трава,

На этой на травушкѣ разцвѣли цвѣты,
Разцвѣли цвѣты лазоревые;

На этихъ на цвѣтикахъ разбить шатеръ шелковый,
Во этомъ во шетричкѣ (*) разостланъ коверъ,
Коверъ моховой;

На этомъ на коврикѣ два стула стоятъ,
Два стула стоятъ, братцы, два точеные;
Два точеные, позлаченные;

На этихъ на стуликахъ два брата сидятъ,
Два родимые;

На младшій старшему рѣчи говорить:

— «Что же ты, мой братецъ, не весель сидишь, не радошень?
Или тебѣ, братецъ, служба не мила?

Или надоѣла тебѣ, братецъ, чужа сторона?»

— «На чужой сторонущкѣ, умѣючи жить,
Покорному быть, поклончивому;

Моя головушка не покорливая, и не поклончивая!»

(*) Шетричекъ—шатеръ. Записана со словъ казака Ст. Червлен-
ной Матвѣя Казакина.

ОТДѢЛЪ III

ЛЮБОВНЫЯ и ОБРЯДОВЫЯ.

ОТДѢЛЪ III.

На что у насъ есть въ полѣ за травушка,
Во чистомъ полѣ за муравушка?
На этой то травушкѣ разцвѣли цвѣты,
Они все лазоревые;
Они день-ать цвѣтуть, а ночью алы стоятъ.
Въ терему я младешенька спать ложилаь,
Никого я младешенька я не боялась;
Нехорошій то сонъ мнѣ привидѣлся:
Будто мой теремъ растворень стоитъ,
Будто мой милый предо мной стоитъ,
Онъ цѣдуетъ мои руки нѣжныя,
Обнимаетъ мои груди бѣлыя,
А я младешенька крѣпко испугалася.

* * *

Что ни два кома въ полѣ забѣлѣлися,
Забѣлѣлися на синемъ морѣ
Вмѣстѣ лебедь со лебедушкой.
Тутъ отколь взялся младъ ясенъ соколъ,
Соколъ онъ по поднебесью;
Онъ ушибъ убилъ лебедь бѣлую;
Онъ перышки пустилъ по чистому полю;
Онъ пухъ пустилъ *на* молодой соколъ по поднебесью;
Кровь то бросалъ во сине море;
Ужъ онъ косточки бросалъ во темные лѣса.
Тутъ расплакалась бѣлая лебедушка

По бѣлому она по лебедю;
Жалобно голосила бѣлая лебедушка
По бѣлому она по лебедю.

* * *

Улица улица моя, травушка муравушка зелена.
Хожу я по травушкѣ не нахожуся,
На своего ли на милого не нагляжуся;
Почто вышла выходила коня выводила;
Сѣдломъ его засѣдлала, своего дружка милого
На коня его сажала, ему рѣчи говорила:
— «Ночуй ночуй, мой миленькій, хоть одну ночку со мной!»
— «Я бы радъ, душа, ночевать, да служба за мной!» (16)

* * *

Я вечеръ то млада по рыночку гуляла,
Во ясныхъ то очахъ я своего любезнаго дружка
Въ глаза его не видала.
Знатно у мово любезнаго дружка
Въ домъ его нездоровье:
Призаперты у мово дружка
Широкія его ворота;
Призатворены у мово любезнаго дружка
Косящатыя окошки;
Призадернуты у мово любезнаго дружка
Хрустальныя его стекольца
На чернымъ то сукномъ у мово дружка,
Чернымъ сукномъ погребцовымъ.

* * *

Еще ни двѣ ласточки онѣ только двѣ касаточки

Вмѣстѣ въ полѣ солеталися;

Двѣ кумушки онѣ только подруженьки

Вмѣстѣ соходилися.

—Ужъ ты кумушка, ты моя подруженька,

Сестрица моя родимая;

Еще я хочу у тебя спросить

Одно тайное словечушко:

Еше что быто (*) у мово любезнаго дружка

Въ домѣ его нездоровье—

Призаперты у мово любезнаго дружка

Широкія его ворота;

Призатворены у мово любезнаго дружка

Косящатыя его окошки;

Еще призавѣшены эти окошечки

Чернымъ сукномъ погребцовымъ.

* * *

Скучно грустно сидѣть пташкѣ въ клѣткѣ—

Злая скука ее одолѣла;

Ради скуки она бѣдная свищетъ,

Всю свою неволюшку видитъ;

Видитъ волю она сквозь клѣтки,

Какъ рыбаца, ходитъ она въ сѣткѣ,

Освободиться бѣдная не можетъ—

Она видитъ сѣтку, сѣтку крѣпку.

Сизыя крылышки свои приложила,

Знать по клѣточкѣ она летала,

Знать по щелочкамъ клевала.

Вспомни, бѣдный соловейко, гдѣ ты родился?

Приведи себѣ на память,

(*) Быто—будто бы. Записана со словъ казака Ст. Новогладковской Трофима Иванова.

Съ кѣмъ гулялъ ты, веселился?
Имѣлъ пищу всяку сотворенну,
Сладкій медъ съ сытой; (*)
А теперь ты, бѣдный соловейко—
Ржаной сухарь съ водой;
Имѣлъ прежде мягкія перины,
А теперь спишь на голой рогожѣ.

* * *

Ужъ ты сердце мое, ты мое сердечушко,
Сердце мое крѣпкое,
Не изъ камешка сердце сдѣлано,
Изъ булата сердце сковано.
Никто мое сердечушко не провѣдуетъ;
Провѣдалъ его, мое сердечушко,
Раздушечка, душа добрый конь.
—Еще ты хозяинъ мой, ты мой хозяйошекъ,
Хозяинъ ты мой ласковый!
Не кидайся ты, не бросайся
Во больши чины, во знаменчики—
Во большихъ то чинахъ—служба тяжелешенька;
При кампаніи тебѣ—первая чарочка,
При сраженіи тебѣ—первая пуличка. (17)

* * *

Что не сизый голубь по воздуху летаетъ,
Не сизу свою голубушку онъ шукаетъ.
Добрый молодецъ по улицѣ гуляетъ,
Онъ во гусельки звончаты играетъ,
Онъ чужу жену хорошую разбуждаетъ.

(*) Сыта—жидко разведенный медъ (арбузный, виноградный или пчелиный). Ъдятъ ее на поминкахъ съ пшеничнымъ киселемъ.

— «Ужъ ты спишь ли, моя милая, спишь не слышишь?»

— «Я спать не сплю, любезный другъ, все слышу;

Какъ нелюбый мужъ лежитъ на правой рукѣ!»

— «Отвернись, моя любезная, отъ нелюба,

Я убью твоего мужа изъ лука туга!»

«Хоть убьешь, разлюбезный другъ, никакой корысти не
получишь;

Хоть получишь, любезный другъ, злой напасти вѣкъ про-
пасти.»

* * *

Что ни по лугу было лужечку,

По зеленому было садочку;

Ходила млада гуляла тамъ вдовушка молодая;

Глядѣла смотрѣла на свои высокія хоромы:

— «Хоромы мои, хоромушки,

Развеселыя мои теремы;

Почто долго, мои хоромушки, непокрытыя стоите?

Или у васъ, мои хоромушки,

Хозяина у васъ въ домѣ нѣтъ?»

Отколь взялся мальчишечка,

Удалъ бравый молодець:

— «Скоро ли у васъ, мои хоромушки,

Хозяиномъ у васъ буду?»

* * *

Не туманъ то съ моря подымается,

Подымаются съ моря гуси лебеди.

Какъ одинъ то лебедь съ моря не подыметъ,

Онъ кричитъ то голоситъ ко своей лебедушкѣ:

— «Отзовись, откликнись, бѣлая лебедушка!

Гдѣ твое теплое гнѣздышко?

Еще гдѣ твои малы дѣтушки?»
-- «Какъ мое то гнѣздо на синемъ морѣ,
На синемъ морѣ, на островѣ;
Никто туда не залетываль,
Залетѣль то туда сизокрылый орель;
Онъ разбилъ разгромилъ мое теплое гнѣздышко,
Онъ разбилъ разорилъ моихъ малыхъ дѣтушекъ;
Онъ пушекъ то пустилъ по надъ небесью,
А перышки по синю морю;
Кровь то пила бѣла рыбаца,
Пушекъ то брала красная дѣвица!»

* * *

Какъ у сѣраго селезня косичушки завивалися.
Не сами косичушки завивалися,
Завивала то ихъ сѣрая утица.
Завивши, сѣрая утица въ море уплыла;
Плывучи, сѣрая утица на камешкѣ сидѣла;
Сидючи, сѣрая утица громко воскликнула:
— Не сами у молодца кудри завивалися,
Завивала кудерцы красная дѣвица;
Не дивуйтесь, добрые люди, на мово сѣраго се-
лезня;
Растошнешенько мнѣ молоденькой, мнѣ груст-
нешенько.

* * *

Со родимой со сторонущи вѣтерочки подувають.
Какъ не ласточка къ доброму молодцу прилетѣла,
Нерадостныя вѣсти молодцу приносила:
Родимой твоей матушки въ живыхъ нѣтъ,
Твой родимый батюшка во гробу лежитъ,

Молодая твоя жена сидитъ у сосѣдей,
У сосѣдей сидитъ во пиру-бесѣдѣ,
Малыя дѣтушки твои сидятъ какъ сиротушки.

* * *

Ужъ вы кудерцы мои, кудри молодецкія!
Съ радости то кудри завиваются,
Со печали черныя развиваются.
Не далече то было, было воздалече,
Тамъ стоялъ то онъ высокій теремъ,
Съ окошечками теремъ со косящатыми,
Со стеколышками со хрустальными;
Въ терему то дѣвка Богу молилась;
Помолившись Богу, спать ложилась;
Нехорошій сонъ дѣвушка привидѣла:
Будто мой теремъ растворенъ стоитъ,
Будто мой милый у кроватушки стоитъ,
У кроватушки стоитъ, со мной рѣчи говорить.

* * *

Сколь далече, мой милый, убираешься?
Во которую во сторонушку отправляешься?
Какъ со всѣми дѣвушками ты распростился,
Лишь со мной одной ты не простился;
Мимоѣздомъ ѣхалъ, ко мнѣ не заѣхалъ;
Или ты родимаго моего батюшку побоялся?
Или ты родимой матушки моей торонился? (*)
Или дѣвичьяго моего личика ты устыдился?
Какъ велѣлъ то велѣлъ мой милый пріубратся,
Надѣтъ свѣтлый бешметъ выйти за ворота,
Стать подъ бѣлую березу.

(*) Стѣснялся.

* * *

Свѣтъ ты, моя волюшка,
Свѣтъ ты, моя нѣгушка.
Свѣтъ ты моя дѣвичья красота!
Воля ты моя батюшкина,
Нѣгушка—родимой матушки,
А красота то ты моя дѣвичья;
Пойди ка ты, моя воля, во чистое поле,
А нѣга моя во темные лѣса,
А красота по красныѣ дѣвушкамъ.
Ты ходи, воля, не захаживайся,
Ты гуляй, нѣга, не загуливайся,
А красота моя долго не красуйся.

* * *

Ну да что-жъ это за садикъ, за зелененкѣй такой?
Ну что жъ это за милый за хорошенькѣй такой?
Вложилъ мысли въ мое сердце, не могу его забыть,
Полюбила казаченька, начала о немъ тужить.
Прочи люди всѣ узнали и сосѣди говорятъ,
Меня дѣвицу ругаютъ, во глаза меня бранятъ:
Стыдно стыдно дѣвченочкѣ, стыдно по ночамъ ходить,
А еще того стыднѣе—стыдно молодца любить.
Дѣвченочка застыдилась, стала плакать и рыдать,
А молодцу жалко стало, сталъ ее онъ унимать:
«Не плачь, не плачь, дѣвченочка, не плачь, душечка моя,
Разгорится мое сердце, возьму замужъ за себя,
Разгорится ретивое, первѣнчаюсь я съ тобой!»
—»Я умру, жива не буду, на гробу я напишу,
Всѣмъ подружкамъ расскажу: подруженьки-сестрицы,
Не дѣлайте того, не любите никого:

Ни армяновъ, ни купцовъ, ни офицеровъ подлецовъ,
Полюбите вы, подружки, Гребенскихъ казаковъ:
Гребенскіе казачки во всемъ войскѣ молодцы!

* * *

Ты кручинушка, кручинушка моя,
Кручинушка несносная тоска!
Никому свою кручину не скажу,
На ретивомъ на сердечкѣ схороню;
Подъ окошкомъ сиротинушкой сижу,
Сквозь стеколышко на милого гляжу:
— «Ужъ ты миленькій, пригоженькій ты мой,
Ужъ ты миленькій, лазоревый цвѣтокъ;
Ты когда то хаживаль ко мнѣ,
Ты хаживаль и любиваль меня,
А теперъ не сталь ко мнѣ ходить,
Пересталь меня любить!»

* * *

Горѣла горѣлочка воску яраго свѣча;
Ждала ждала дѣвица удалого къ себѣ молодца;
Не дождавшись молодца, ложилася спать одна
Безъ милого безъ дружка.
Какъ на утренней зоринкѣ
Вдоль по улицѣ милый прошель,
Да любимую пѣсенку на свисточекъ просвисталь:
«Да ты спишь-ли, дѣвица, на умѣ кого держишь?»
— «Я спать не сплю, молодець,
На умѣ тебя молодца держу;
Зачѣмъ, зачѣмъ, молодець,
Ты не во время ко мнѣ пришолъ?»
— «Зачѣмъ, зачѣмъ, дѣвица,

Я съ угрюмой женушкой на побраньицѣ былъ!>
— «Убей, убей, молодецъ, ты угрюмую свою жену!»
— «Глупая ты дѣвица, неразумны твои слова:
Мнѣ съ тобою, дѣвица, одну ночь почевать,
А съ угрюмой женушкой весь вѣкъ вѣковать!»

* * *

Ретивое мое сердце все во мнѣ изныло;
Ноетъ сердце изнываетъ къ тоскѣ прибываетъ.
Прибывай мое сердечко ко милу дружечку.
Зачѣмъ было говорить, что миль ко мнѣ ласковъ,
Какъ соколикъ ясный.
Высоко соколъ летаетъ, меня покидаетъ.
Покидаетъ во кручинѣ, какъ корабль въ пучинѣ;
Покидаетъ меня въ горѣ, какъ корабль на морѣ.
Корабличекъ на дно тонетъ, мое сердце ноетъ.
Подуй подуй, вѣтерочекъ, ко мнѣ во садочекъ:
У меня ли во садочкѣ дубчикъ кучерявый,
Мальчишечка бѣлъ кудрявый. (18)

* * *

Просвѣти-ка ты, заря, до вечеру;
Ты до тѣхъ поръ свѣти,
Поколь батюшка свѣтель мѣсяцъ взайдетъ;
Чтобы лъзя то ли можно молодцу
Итти вдоль по улицѣ,
Зайти ко сударушкѣ, ко красной ко дѣвушкѣ.

* * *

Ужь ты голубъ мой, голубочекъ,
Сизокрылый ты мой, воркуночекъ;

По тебѣ то я хожу, по славной по улицѣ,
Хожу младаецъ прохлаждаюся;
Что чужой то женой похваляюся;
Что чужа то жена лебедь бѣлая;
Безъ бѣлилицъ у ней лицо бѣлое,
Безъ румянецъ у ней щечки алы,
Безъ шурмилицъ (*) у ней брови черны,
А моя то жена полынь горькая трава. (19)

* * *

Дѣвка по саду шла, по зеленому ходила млада гуляла,
Изъ правой руки, рукавчика, песочекъ она точила;
Источивши этотъ желтый песокъ, рѣчи говорила:
Еще ты когда, желтый песокъ, въ землю взойдешь,
Вотъ тогда то, разлюбезный другъ, ко мнѣ въ гости прійдешь;
Ужъ ты подь-поди, разлюбезный другъ,
Ты ко мнѣ на праву руку.

* * *

Ужъ ты ноченька, моя темная!
Ты дѣвченокка моя, дѣвонюшка размилая,
Ты скажи, дѣвонюша, съ кѣмъ ночку гуляла?
Съ кѣмъ долгую, ее темную, дѣвонюшка, коротала?
Я ждала своего разлюбезнаго дружка,
Я ждала его поджидала,
Я косячатое окошко затворить забыла.

* * *

Ходила дѣвонюшка она по песочку,
Искала дѣвонюшка всякаго слѣдочку,
Наколела ноженку на былинку,

(*) Шурмила—фиксатуарь.

Болить моя ноженька да не больно;
Любилъ меня миленькій да не долго;
Бросилъ кинулъ миленькій
На малое времечко, на одинъ часочекъ,
А часочекъ показался мнѣ за денечекъ,
А денечекъ показался мнѣ за недѣлку,
А недѣлка показала за годочекъ;
Поѣхалъ мой миленькій въ иной городочекъ,
Прислалъ мнѣ миленькій шелковый платочекъ.

* * *

Протекайте рѣчки быстрыя да вы ручьемъ,
Проходи-ка, время скучное, да ты поскорѣй.
Пришло время, дѣвица начала сердцемъ болѣть.
Гуляла красная дѣвица въ зеленомъ саду;
Заблуждалась дѣвица во темномъ лѣсу,
Выблуждалась дѣвица къ крутому бережку,
Становилась дѣвица на желтомъ песку,
Разстилала дѣвица шелковый платокъ,
Становила она сладкой водки полуштофъ,
На закусочку—французскій бѣлый пирогъ,
На забавочку—яблочковъ пятокъ.

* * *

Что-же ты, селезень, не весель сидишь?
Какъ-же мнѣ селезню веселому быть?
Вечеръ поздно вечеромъ со мной утица была,
А нонче рано поутру подстрѣлена она.
Не жалко-бы подстрѣлена, если—это на водѣ,
А жалко подстрѣлена на шелковой на травѣ.
Что-же ты, молодецъ, не весель сидишь?

Какъ же мнѣ молодцу веселому быть?
Вечеръ поздно вечеромъ со мной дѣвица была,
А нонче рано поутру просватана она.
Не жалко-бы просватана если-бъ за меня,
А жалко просватана за злодѣя моего.

* *
*

При городѣ было при долинѣ туманъ разстилается;
Между тѣмъ то туманомъ сизъ голубь летаетъ;
Онъ летаетъ да харкаетъ, голубку шукаетъ.
Раскушу я этотъ орѣшекъ, выну я сердечко—
Ретивое сердце ничего не знаетъ.
Не видало-ль, не слыхало-ль про мою голубку?
— Не видало, не слыхало, не знаю кака она!

* *
*

Ужъ вы сѣни, мои сѣни, сѣни новыя мои!
По вамъ то я хожу, сѣнямъ, красуюсь;
На правой рукѣ яснаго сокола держу:
— «Полети, ясный соколикъ, куда я тебя пошлю;
Полети, мой соколикъ, въ Тифлисъ городъ;
Да ты сядь, мой соколикъ, на княжескій кабакъ;
Ты узнай, признай мово́ дружка милаго;
У него то есть двѣ примѣтушки:
На первая примѣтушка—лицо бѣлое,
На вторая примѣтушка—кудри черныя!»

* *
*

Еще не туманъ по полю, туманъ по чистому полю,
Туманъ устилается;
Сквозь туманушка краснаго солнышка не видно;

Только видна была на сыромъ дубу его вершина,
Подъ которой со любезнымъ дружкой,
Съ миленькимъ мы стояли;
Про все то, про все, мы со любезнымъ дружкой,
Про все съ милымъ говорили;
Одно тайненькое, задушевное словечушко
Сказать его позабыли.

— «Не женись, любезный другъ,
На вдовой вдовушкѣ—она постелюшку мягку
стелеть,

Сама слезно плачетъ.

Жинись-ка ты, раздобрый молодець,

На красной на дѣвицѣ—

Она постелюшку мягку стелеть,

Сама пѣсенки пѣть, тебя молодца вспоминаетъ.

* * *

Ты соколикъ, мой соколикъ, соколъ ясный!

Онъ влетѣлъ соколъ во бесѣдушку,

Онъ схватилъ-то соколъ бѣлу лебедушку;

Что лебедушку, лебедь бѣлую, Домну Михѣевну.

Цвѣты мои, цвѣтешеньки, цвѣты мои подруженьки;

Провожайте меня, красную дѣвицу, послѣдній разъ.

Разлука моя, разлукушка, разлучила ты меня, разлукушка,

Ты съ отцомъ моимъ-со матерью,

Со красой моей со дѣвичьей, со косою моею со русою;

Раздѣлилась краса моя дѣвичья на двѣ сторонушки,

Растрепалась краса моя дѣвичья на сырой землѣ. (20)

* * *

Не люблю я, матушка, не люблю, сударушка,
Своего мужа его дурака.

Полюблю я, матушка, полюблю, сударушка,
Гребенского казака.

Казачекъ малоденькій, казачекъ хорошенькій,
Разудалый молодець, ходитъ по бережку,
Ходитъ по крутому, по желтому по песочеку;
Чешетъ свои кудерцы, чешетъ свои русые
Бѣлымъ рыбьимъ гребешкомъ;

Причесавши кудерцы, причесавши русые,
Вдоль по улицѣ молодець да онъ прошелъ.

Прошелъ милый улинку, прошелъ милый широку,
Ко сударушкѣ въ гости зашелъ.

—Сударушка-дѣвушка, лебедушка бѣлая,
Ты неправдою, шельма, живешь!

* * *

Не во славномъ городѣ Тифлисѣ дѣвка по саду шла,

По зеленому ходила млада гуляла;

Съ камешка на камешекъ дѣвка переступала;

Свои рѣзвы ноженъки она колола;

Она плакала красная дѣвица, плакала рыдала;

Свою буйную головушку она чесала,

Она русую косыньку свою заплетала,

Все шелковую кисточку она вплетала;

Она плакала красная дѣвушка, плакала рыдала;

Гнѣвъ то клала на родного батюшку, на него пеняла:

Отдаетъ меня батюшка, даетъ не за ровнюшку;

Не за ровнюшку, на чужу сторонушку,

За того ли сына, сына казачьяго,

За того ли князя, князя Волконскаго.

* * *

Ужъ вы, ноченьки мои, ночи темныя;
Вы темныя ноченьки, будьте свѣтлыя,
Чтобы лъзя то было можно молодцу
Пройти вдоль по улицѣ, пройти вдоль по широкой,
Зайти ко сударушкѣ, ко красной ко дѣвушкѣ.
Ужъ я часъ-то стоялъ, ужъ я и другой стоялъ;
На третьемъ часу ужъ я сталъ посвистывать,
Изъ ума то красную дѣвушку сталъ вывѣдывать:
Ужъ ты спишь ли, милая, спишь не слышешь,
Ничегошенько, моя милая, ничего мнѣ неговоришь!
Пристыли мои ноженъки ко матушкѣ сырой землѣ,
Застала то меня заря утренняя!

* * *

Мнѣ, матушка, тошенько, сударушка, грустненько;
Пить и ѣсть мнѣ не хочется, игра-гульбы на умъ не идутъ;
Сердечный другъ съ ума не идетъ, со крѣпкаго мово разума;
Я выйду на красенъ крылецъ,
Посмотрю вдоль по улицѣ въ конецъ:
Всѣ друзья, братья, товарищи изъ похода идутъ,
А моего дружка коня ведутъ.
Въ торокахъ везутъ его рубашечку кровавую.
Велѣлъ миленькѣй, наказывалъ, честью-лестью уговаривалъ,
Велѣлъ выбанить рубашку ни на рѣчкѣ на Терекѣ,
Во горячихъ слезахъ сиротскѣихъ.
Велѣлъ милый высушить рубашку не на вѣтрѣ на солнышкѣ,
На своихъ грудяхъ сиротскѣихъ.

* * *

Тутъ шли прошли у насъ со любезнымъ дружкоймъ
Веселые наши денечки;
Миновали у насъ всѣ гульбы—прохлады;

Еще что любовь то дружба у насъ помрачилась;
Призасохъ то призывалъ у мовѣ любезнаго дружка
Садочекъ его зеленый;

Въ саду вишенки, *на* сладкія яблоньки,

Всѣ въ саду вишни посохли;

Еще тамъ соловьюшки, *на* мелкія пташечки,

Всѣ врозь они разлетѣлись;

Одинъ соловьюшекъ, *на* мелкая пташечка,

Одинъ въ саду оставался; (21)

Тонко звонко бѣдный соловьюшекъ пѣсно пѣеть.

* *
*

Я сегодняшнюю темную ноченьку мало сыпывала;
Подъ косящатымъ окошкомъ всю ночь просиживала;
Я шила вышивала тоненьку рубашку панѣчку своему;
Я по вороту вышивала двухъ сизыхъ орловъ;
По плечикамъ вышивала двухъ ясныхъ соколовъ;
По всей тоненькой рубашкѣ — *на* мелкихъ пташечекъ.
Ужъ я буживала побуживала панѣчка своего:
— «Ужъ ты встань, проснись, мой возлюбленный,
Еще ты, паночекъ, мой дорогой!»

* *
*

Сударушка ты моя, отдалилась ты отъ меня,
Скучнешенько да мнѣ жить безъ тебя;
Тосковалъ то я цѣлу ночь,
Полюбилъ я казачію, шельму, дочь;
Я любить то ее не любилъ,
Зачастешенько въ гости къ ней ходилъ,
Я подарочки ей носилъ — сладки пряники на меду;
Безъ милой подружки жить не могу.

* *
*

Ужъ вы, кумушки, голубушки, подруженьки мои,
Вы прійдите посидите, побесѣдуйте у меня;
Попросите меня у батюшки въ зеленъ садъ погулять.
У батюшки во садикѣ черносливы, вишни разцвѣли;
У матушки—сладка ягода въ саду, виноградъ;
У мово мила дружка сладка яблонька въ саду растеть;
На той яблонькѣ соловей громко поеть.

—Ты не пой, соловьюшекъ, не пой, варваръ молодой;
Не давай тоски-назолушки сердечушку моему—
Ужъ и такъ мое сердечушко безъ огня во мнѣ горить;
Ужъ и такъ мое ретивое безъ полымя во мнѣ шумить;
Зазнобилъ мое сердечушко офицеръ бравый, молодой;
Зазнобилъ мое ретивое, самъ въ походъ скоро пошелъ.

* * *
*

Вы повѣйте, вѣтры буйные,
Собиритесь тучи грозныя,
Прогремите вы, громы громкіе,
Вы прожгите молніи жаркія;
Упади ты, упади, бѣль-горючъ камень,
Ты пробей мать-сыру землю, гробову доску;
Подыми ты бѣлый саванъ:
—Ты встань, возстань, родимая маменька,
Прилети на широкій дворъ, во высокій теремъ;
Ты сядь на окошко, послушай своей чады пѣсенъ;
Какъ твоя то сирота она убивается,
Горючей то слезой она обливается.
Не для поры, матушка, бесѣдушка,
Для великаго благословеньца:
Провожать то меня есть кому,

А благословлять то меня будетъ не кому;
Провожать будутъ все чужіе люди,
А встрѣчать будутъ все незнамые. (22)

* * *

Купчинушка молодой, купчинушка бѣль-кудрявый.
По городу купчинушка ѣздитъ-разъѣзжаетъ,
Дорогіе покупочки закупаетъ.
Какъ никто молодого купчинушку не признаетъ;
Признавала его добра молодца дѣвка-нѣмка.
Изъ косяцатаго было окошка, изъ хрустальнаго стеклышка
Выходила его встрѣчать молодца дѣвушка:
— «Ты зачѣмъ, добрый молодець, зачѣмъ сюда заѣхалъ?»
— «Занесла меня добраго молодца
Нужда крайняя, она государева!»

* * *

Какъ упалъ туманъ на сине море,
А злодѣйка-печаль въ ретивое сердце.
Не подняться туману съ синя моря долой,
Не выйти тоскѣ-кручинѣ изъ сердца вонъ.
Не звѣзда блеститъ на небеси,
Во чистомъ полѣ огонекъ горитъ;
У огонька посланъ коверъ шелковый;
На коврѣ то лежитъ добрый молодець,
Будто хочетъ онъ молвить словечушко.
— Ты вставай, вставай, добрый молодець,
Ты сѣдай коня своего добраго,
Ты ступай, ступай въ нашу сторону,
Къ роду племени, къ отцу, къ матери,
Къ молодой женѣ, къ малымъ дѣтушкамъ;
Да скажи, что женился ты на другой женѣ
И женила тебя пуля быстрая.

Полно, милая моя, крушиться
Тайнымъ сердцемъ обо мнѣ,
Намъ пора съ тобой ясно открыться,
Сказать, милая, все тебѣ.
Время важное наше приходитъ,
Протекаютъ дорогіе дни,
Еще какъ пройдутъ они только минуютъ,
Да настанутъ горечны часы.
Еще разовьется она расплетется
У дѣвушки русая коса.
Красоты въ лицѣ моемъ не станетъ
Въ самый жаркій лѣтній день;
Безъ бѣлилъ мое лицо бѣло,
Безъ румянь щеки алы.

* * *

Ни сестра то брата вотъ братца встрѣчала,
Еще за два повода коня принимала,
За дубовые солики молодца сажала,
Зелено вино братцу подносила:
— «Еще ты здоровъ-ли, мой братецъ родимый,
Еше ты сродничекъ мой приближенный?
Еше какъ хочю то у тебя спросить,
Какова-то тебѣ служба, служба государева?»
Какъ отвѣтъ-то держаль мой братецъ родимый:
— «Зимова то служба — коню корму нѣту,
А мнѣ молодцу — кручина;
Веснова то служба — коню корму много. (23).
А мнѣ молодцу веселье.

* * *

* * *

Да не свѣтлая, вотъ темная ноченька все свѣтитъ безъ
мѣсяца;
Не веселая наша пирь-бесѣдушка безъ моего дружка ми-
лаго,
Какъ безъ миленькаго, безъ моего надежиньки,
Безъ моего-ли мила дружка.
Что стругаль миленькій стружечки
Все изъ моего-то лѣсу крѣпкаго;
Еще стругаль—сопалилъ мою душечку, ретивое сердце;
Еще вынималь миленькій во мнѣ кручинушку,
Еще заставилъ меня миленькій горе мыкати.

* * *

Гуляй, гуляй, дѣвушка, у батюшки во зеленомъ саду;
Еще къ тебѣ, дѣвица, соловьюшекъ прилеталь,
Добрый молодець къ тебѣ въ гости приходилъ:
—«Пойдемъ, пойдемъ, дѣвица, въ чисто поле со мной
гулять,
Разобьемъ мы, дѣвица, полотняный бѣлый шатерь
Мы возьмемъ, дѣвица, тесовую твою кровать!»
—«Ложись, молодець, въ головушекъ тебѣ поищу!»
Уснулъ молодець у дѣвчонки на правой рукѣ,
На миткалевомъ бѣломъ рукавѣ.
Проснулся молодець — нѣтъ ни дѣвицы. ни коня;
Заставила меня дѣвица по чистому полю пѣшкомъ ходить,
Шелковую плеточку въ рукахъ носить.

* * *

Вы не дуйте, не бушуйте. сильные вѣтерочки;
Не носите-ка вы на мою подворинку снѣгу бѣлаго.

Такъ-то моя широкая подворинка ранешенько она запу-
стѣла;

Зарастаетъ она, моя широкая подворинка,

Травушкой она да все муравушкой;

Зацвѣтаетъ моя широкая подворинка

Цвѣточками все лазоревыми.

Не ясенъ то соколь ужъ онъ только со тепла гнѣзда,

Соколь да онъ солетаетъ;

Съ широка двора удалъ добрый молодецъ

Да онъ соѣзжаетъ;

Никто-то добраго молодца, никто его провожать не идетъ:

Ни батюшка его, ни родная матушка,

Ни родъ его, ни племень.

Провожала то его добраго молодца его только молодая жена;

Еще у стременица у булатнаго

Всю ноченьку она простояла;

За два повода еще тесменные

Добра коня она продержала. (24).

* * *

Со полуночи мой мужъ гулять ходить,

Ко бѣлой зарѣ домой онъ приходитъ.

Онъ стучить то гремитъ мой мужъ въ ворота:

— «Отворяй-ли млада, шельма, широкия,

Принимай-ка, жена, меня со добычею,

Со добычей-ли мужа отъ красной отъ дѣвицы!»

Отворяла-ли жена своему мужу ворота,

Принимала своего мужа его не съ пріятствомъ:

— «Ужъ ты сядь-ка, мой мужъ, муженечекъ,

Ужъ ты сядь-ка, мой мужъ, тебя я раздѣну,

Я раздѣну-ли мужа, я его разую!»

Разувала-ли мужа жена, ноги рѣзвыя его слезами обли-
вала:

— «Ужъ вѣрно-ли, мой мужъ, муженечекъ, ты меня бро-
силъ?»

* * *

Ужъ вы куры мои, мои кочеточки.
Золотые ли вы мои гребешечки;
Вы не пойте куры утромъ рано на зарѣ,
Не будите моего гостя дорогого.
У меня молодой мужишка гуляка, забіяка.
Онъ со вечеру кудри чешеть,
Какъ съ полуночи ходить гуляетъ,
Ко бѣлой зарѣ ужъ онъ приходитъ,
Онъ стучитъ гремитъ въ окошко:
-- «Ты встань, проснись, моя немилая,
Вся родня твоя постылая;
Ты разуй меня, раздѣнь помаленьку,
Положи ты меня на перинку,
Ты одѣнь меня одѣяльцемъ!»

* * *

Я не самъ то ко своей сударушкѣ ходилъ,
Я любезнаго къ ней дружка брата засылалъ.
Она вотъ моя сударушка ко мнѣ идетъ;
Мимо садика шла, въ окошечко стукнула,
Сквозь нѣмецкое хрустальное стекло
Она милому дружку ручку подала;
Безъ допросу, безъ доклада въ его горенку пошла,
Садилась-то она на тесовую его кровать,
Она стала дружка цѣловать-миловать,
Она стала его раздушечкой называть.

* * *

Ужъ вы вздохи мои, вздохи тяжкіе, очень тяжелые!...
Ты вздохни, вздохни, моя сударушка, обо мнѣ.
Ужъ я самъ же, мой другъ, по тебѣ буду вздыхать.
Слышу-вижу — ты скоро уѣдешь, другъ мой отъ меня.
Хоть уѣду, моя сударушка, — во вѣкъ не забуду!
Въ Грузіи буду стоять, частыя письмеца буду писать.
Я частыя письмеца буду получать да мелкія строчки
слезами заливать,
Даренымъ платкомъ твоимъ буду утирать.
Утирай моя надежа, моего платка не жалѣй,
Когда Господь меня лучить, лучшей подарокъ привезу *).

* * *

Ужъ ты молодость, моя молодость, ты дѣвичья красота;
Не чаяла, молодость, измыкать я тебя;
Чужа дальняя сторона — отецъ, мать не своя.
Я у батюшки, у матушки едина дочь была,
У родимаго у братца воспомѣжилась;
Я безъ пива, безъ вина одинъ часокъ не была,
Безъ рыбушки ѣсть не сяду, безъ мила дружка не ѣмъ,
Безъ милаго дружка не лягу, безъ надежи не усну,
Хоть уснется мнѣ молодой, во снѣ видится милой,
Будто это мой милой съ дальней службы пришелъ,
Вдоль по улицѣ онъ прошелъ.

* * *

*) Записана со словъ казака станицы Новоградковской Евтѣя Смирнова.

* * *

Весь денечекъ въ саду я дѣвица пробѣла,
Весь денечекъ дѣвица дружка мила прождала;
Не дождавшись дружочка, я изъ садика пошла,
Бѣлое личико свое я слезами облила;
Во слезахъ я дѣвица пути-дорожки не нашла.
Вотъ навстрѣчу мнѣ дѣвицѣ идетъ миленькій дружокъ,
Не дошелъ онъ до меня, низко кланялся:
— «Ты здорова-ли дѣвица, моя красавица, радость моя?»
— «Здорова миленькій, безсовѣстны твои глаза;
Слышу я дѣвица, ты смѣешься надо мной.
Я сама-то дѣвица тебѣ насмѣшку эту отсмѣю:
Я не лучшаго твоего товарища полюблю,
А тебя-ли, мой милый, на вѣки погублю!»

* * *

Ужъ вы кудри мои, кудри русые, молодецкіе!
Съ радости то кудри завиваются,
По могучимъ плечамъ разщепляются;
Со кручинушки мои кудри развиваются.
Ты коса, моя косынька, коса моя русая!
Немножечко еще косѣ красоваться:
Хочетъ меня родимый батюшка замужъ отдать,
А я, красная дѣвица, стала плакать и рыдать;
Родимая матушка стала тѣшить меня:
— «Не плачь, не плачь, красная дѣвица —
Отдамъ я тебя со приданнымъ большимъ —
Золотую коробочку со всякимъ добромъ,
Старую старушечку во ключницы,
А красную дѣвушку во постельницы». (26).

* * *

* * *

Березонька ты моя, березонька, береза кудрявая.
А со корня, березонька, еще шеллеватая *),
А со вершинушки все кудреватая.
Любила березонька при холодѣ стояти,
Съ буйными вѣтерочками изволила бушевати.
Дѣвица красавица у матушки любила посидѣти,
И во садикѣ любила погуляти;
Садовые яблочки изволила сорывати,
Ко своему ко милому во корпусъ посылати.
Онъ то лѣтомъ ходитъ по походушкамъ,
А зимою то стоитъ по квартирушкамъ.
Ты квартирушка моя зимовая, а хозяйушка вдова молодая.
Становится на квартиру ко вдовушкѣ.
Становится молодой полковничекъ,
И просить ли у вдовушки того овса-сѣна;
— «Овесъ то сѣно я не косила, а тебя полковника
На квартиру то я все не просила!»
— «Дай мнѣ, вдовушка, постель бѣлую, пуховую!»
— «Я тридцать лѣтъ вдовушка сиротою
И этой напасти у себя не видѣла!»
— «Ни въ одной ли церкви мы съ тобой вѣнчались,
Золотымъ колечушкомъ съ тобой обручались?»

* * *

Вспомнимъ, вспомнимъ, моя любезная,
Нашу прежнюю любовь;
Какъ мы съ тобой, милая, погуливали,
Осеннія ночи мы не сыпывали,
Мы тайныя съ тобой секретныя рѣчи говаривали —

*) Шеллеватая — хорошо подчищенная снизу.

Тебѣ, мой другъ, не жениться, а мнѣ замужъ не итти.
Въ чистомъ полѣ, широкомъ раздольѣ разбитъ бѣль шатеръ.

Въ томъ шатрѣ бѣломъ полотняномъ въ цимбалушки бьютъ —
Знатно, знатно, мою любезную сговариваютъ.

Сговоривши мою любезную, къ вѣнчанью ведутъ.

Женихъ беретъ за рученьку, дружкó беретъ за другую,
Третій стоитъ — его сердце болитъ.

Любилъ, любилъ, а самъ не взялъ,

Кормилъ всякимъ вкусомъ *).

Прочилъ, берегъ для себя, но досталась моя любезная

Иному шельмѣ, не мнѣ, все злодѣю моему.

* * *

Говорила я своему милому, отецкому сыну:

Не ходи, милый, къ окошку, не тори стезьку-дорожку,

Не прокладывай слѣдочку къ зеленому садочку.

Въ саду батюшка родной гуляетъ — слѣды разбираетъ.

Примилого дружка слѣды доведутъ меня до бѣды,

До обидушки все большія, до славушки все худыя.

Худа славушка обуяла, да любовь съ милымъ большая,

Кроватушка нова тесовая построена она на разлучномъ

мѣстѣ;

Построена была эта кроватушка изъ безсчастнаго дерева,

Что изъ горькой тополи она была, изъ осины,

Что изъ самой то изъ ея вершины,

Никогда эта кроватушка пуста не стояла,

Миткалевое одѣяльце въ ногахъ не лежало.

* * *

*) Всякимъ вкусомъ — всякимъ кушаньемъ.

* * *

Еще пріятель ты мой, пріятелюшка, миленькій дружочекъ.
Еще позабылъ ты, мой милый, сердечный другъ,
Всю любовь нашу, пріятство.

Что шутя то любя, своему дружку миленькому,
Шутя, ему говорила;

Еще на гнѣвъ то его, своего дружка миленькаго,
На гнѣвъ его наводила;

—«Ты не ѣздій-ка ты, мой милый, сердечный другъ,
На низъ по Кубани.

Не доѣзживай ты, мой милый, сердечный другъ,
До мелкаго броду;

Что до мелкаго броду, мой милый, сердечный другъ,
До каменнаго мосту;

Какъ у каменнаго мосту, мой милый, сердечный другъ,
Лежить грудь побитѣ;

Еще пропадетъ твоя, мой милый, сердечный другъ,
Головушка она понапрасну;

Навалается оно твое тѣло бѣлое

Оно по чистому полю;

Расклюютъ то твою буйную головушку

Черные вороны;

Еще растерзаютъ то твое тѣло бѣлое

Они звѣри лютые;

Еще разнесутъ то твои черные волосы

Вѣтры буйные по чистому полю.

* * *

Какъ у сыра-то дуба нѣтъ отростьевъ у него,
А у милого дружка нѣтъ друзей пріятелей.
Собиваетъ меня миленькій еще со кровати,

Еще со пуховинькой милый со перинушки,
Со высокихъ ли меня съ изголовьиць.
Ужъ пойду я млада во зеленый садъ,
Я нарву-ли, нащиплю хмѣлю яраго,
Наварю-ли я, настою пива пьянаго,
Собиру-ли я, созову ее пиръ бесѣдушку;
Я за батюшкой, за нимъ посла пошлю,
А за матушкою слугу вѣрнаго,
За милымъ дружкомъ дѣвица сама пойду;
Я возьму его за правую руку и поведу
Во высокъ свой теремъ; посажу
Его за дубовый столъ; напою, угощу
Его пивомъ пьянымъ.

* * *

Еще ты тоска, злая кручина, грусть великая, тоска-печаль;

Еще я со той тоски кручины въ зеленой пойду я садъ гулять:

Не увижу-ли своего милого, сердечнаго дружка своего.
Увидавши своего милого, касатушка, къ нему бросилась;
На шеюшку дружку бросилась, грудь слезами залила.
Во слезахъ-то дружку говорила, говорила ему въ глаза:
— «Почто, миленькій, ко мнѣ не ходишь и слѣдочка не
кладешь.

Или нашель лучше, или нашель краше ты меня?»
Ты, судьба моя, судьба презлая, до чего, судьба, ты довела?
Еще ты во гробъ меня, судьба, ссылаешь,
Ни въ чемъ радости мнѣ не даешь.

* * *

* * *

Ужъ ты, душечка, душа добрый конь;
Не ходи-ка, душа, да ты на Дунай рѣку,
Изъ которонькой она красная дѣвица умывалася,
Еще что *на* бѣлыми бѣлилами она бѣлилася,
Что *на* алыми румянами она румянилася,
Что *на* черными шурмилами она шурмилася,
Еще во свѣтленькое зеркальце она смотрѣлася,
На свою-то красу красная дѣвица она дивовалася:
-- «Еще ты краса, моя красоточка, краса моя дѣвичья!»
Доставалася она краса красной дѣвушки мужу старому.

* * *

Дорогое наше пиво ньяное, дорогая наша пирь-бесѣдушке,
Что бесѣда она смиренная.
Во бесѣдѣ то сидятъ все люди добрые, они все хорошіе;
Какъ у нихъ то рѣчь зашла про матушку каменну Москву:
Отчего это каменна Москва загоралася?
Ни отъ вѣтровъ ни отъ буйныхъ,
Загоралась каменна Москва отъ молодой вдовушки,
Пороховыми выходами;
Уронила она молодая вдовушка свѣчу она воску яраго;
Вотъ отъ того-то каменна Москва, отъ того она загоралася.

* * *

Черезъ садикъ дороженька лежала,
Черезъ новый широкая лежала.
Мимо ѣхалъ Федоръ сударь на конѣ,
Мимо ѣхалъ Михайловичъ на добрымъ.
Привязалъ коня къ сырому дубу яровому,
А самъ пошелъ къ окошечку слушати.

Ему слышалось — кукушечка кукуетъ,
Ему слышалось — горюшечка горюетъ.
Молодая сваха цвѣты алы рвала,
Поля косу плела, плакала,
Прокофьевна заплетала, рыдала:
— «Какъ мнѣ жаль то, жаль родимаго батюшку,
А еще того жалчѣе родимую матушку!»

* * *

Когда то было русско поле, а теперь стала неволя —
Сушить-крушить молодчика молодого, неженатаго холостого.
Было у братца три сестрицы, три сестрицы желанницы *).
Самая старшая идетъ — коня ведетъ,
А средняя идетъ — сѣдло несетъ,
Сама меньшая идетъ — слезно плачетъ;
Слезно плачетъ, причитываетъ:
— «Ужъ ты, братецъ нашъ, ты одинъ у насъ,
Почто-же, братецъ, покидаешь насъ?»
— «Пойди, сестра, до Дунаю,
Набери, сестра, песку съ краю,
Да посѣй, сестра, на камешкѣ;
Вставай, сестра, ранешенько, поливай, сестра, частешенько.
Нѣту дождю, нѣту всходу, нѣту братца изъ походу;
Нѣту грома, нѣту града, нѣту брата изъ отряда;
Нѣту листьевъ, нѣту цвѣту, нѣту брата во всемъ свѣтѣ!»

* * *

Сколько мнѣ было досадно на улицу не итти;
Снялась бы съ горя полетѣла, кого вѣрно я люблю.
Люблю своего дружка милого, какъ мать свое дитя;
А онъ, шельма, не вѣрить, что я такъ его люблю.

*) Желанницы — жалѣвшія.

Катитесь, горячія слезы, катитесь изъ глазъ!
Прелестная была дѣвченка, прелестная хороша!
Никто такъ въ полѣ не страдаетъ, какъ милый на войнѣ;
Пули быстрой не боится, а самъ-то весь онъ въ крови.
Не черна туча пронеслася, то военный громъ гремѣлъ.

* * *

Я то сегодняшній младъ этотъ денечекъ
Въ тоскѣ, горѣ пробывалъ.
Моя любезная сударушка письмецо ко мнѣ писала:
— «Полно, миленькій, намъ съ тобой браниться,
Время со мной помириться!»
— «Я браниться съ тобой не бранюся,
Мириться съ тобой не буду;
Я тогда съ тобой примирюсь, когда жизни своей лишусь;
Какъ закроются мои очи ясные черными бровями,
Какъ положить меня младого младенька въ дубовую гроб-
ницу,
Какъ закроютъ меня младого младенька бѣлою меня кисеею;
Какъ засыпятъ меня младого младенька черною меня
землею.

* * *

Денечекъ милый проходить, вѣчеръ милый вечерѣть;
Посла милый присылаеть, и самъ за нимъ приѣзжаетъ:
— «Дома-ль дома, моя милая, радость дорогая?»
Ужъ не я ли млада младенька на ножку легенька?
Я на ноженьку легенька, съ постели вставала,
Дружку двери отворяла:
— «Ты, дружочекъ мой милый, орелъ сизокрылый!
Ты далеке-ль, милый, ѣдешь, куда отъѣзжаешь?»
— «Ужъ я ѣду, отъѣзжаю въ иной славный городочекъ,
На единый на часочекъ!»

* * *

Еще сегодняшнюю темную ноченьку младшенька она
проходила.

На правѣй то рукѣ красного сокола проносила;

Еще я младенька всю ночь мало спала;

Ко бѣлой зарѣ, младшенька, чудокъ призаснула;

Спальное окошечко свое запереть забыла;

Упустивши яснаго сокола, его не поймаю;

Я кричала ему голосомъ—мой миленькій не слышитъ,

Я махала ему рученькой—мой миленькій не видитъ,

Тяжело я младшенька вздохнула—мой миленькій огля-
нулся.

—«Ты постой еще, разлюбезный другъ, еще на часочекъ,

Мы пойдемъ съ тобой во Торжечекъ;

Да мы купимъ съ тобой листъ бумаги,

Я тебя сниму на портретикъ,

Прибью тебя, любезный другъ, въ спальнѣ на стѣнѣ:

Когда взгрузнется *) моему сердечку, сниму поцѣлую».

* * *

Долина моя, долинушка, долина моя широкая.

По этой по долинѣ туманъ разстилается,

Изъ подъ этого туманига заря занимается,

Изъ подъ этой ясной зориньки солнце выкатается

На зеленые луга; на этихъ на лугахъ—трава-рощица,

На травѣ-рощицѣ цвѣты расцвѣтали;

По тѣмъ цвѣтикамъ дѣвушки гуляли,

Цвѣты сорывали, вѣнки завивали.

*) Взгрузнется — грустно станеть.

ОТДѢЛЪ IV

ОТДѢЛЪ IV-й.

СКОМОРОШНЫЯ.

ОТДѢЛЪ IV.

Ты подуй, подуй, верховая погода,
Чтобы наши похожи *) воротились,
Старогладковской станицѣ поклонились,
Въ Кордюковской станицѣ погуляти,
Молодыхъ музыкантовъ собирать;
Молодые музыканты музыкушку играютъ,
Не меня ли красну дѣвку ублажаютъ.
Перельстился **) мой батюшка на богатства —
Что на тѣ было высокія хоромы,
Что на тѣ было хрустальныя стеколки.
Что ни пання по сѣничкамъ гуляла,
Что ни пання по пану воздыхала,
Ни свекорка невѣстку утѣшала:
— «Ты не плачь, моя пання дорогая,
Не тужи, моя любимая невѣстка!»

* * *

Нельзя, нельзя дѣвчонкѣ по саду гулять,
Во зеленомъ саду гулять, алы цвѣты рвать.
Аленькій цвѣточекъ ясный мой милый прекрасный.
Прилетѣлъ ко мнѣ голубчикъ изъ полка хорунжій;
Онъ садился, опускался надъ моимъ окошкомъ;
Надъ моимъ яснымъ окошкомъ противъ моей снальни;
Онъ сизуетъ, голубуетъ ***) дѣвчоночку будить.

*) Похожи—казаки, ушедшіе въ походъ.

**) Перельстился—прельстился.

***) Голубуетъ—воркуетъ.

Дѣвченокка услыхала, къ окну подбѣжала;
Къ окошечку подбѣгала, голубя пугала.
Я думала голубочекъ, мой милый дружочекъ;
Окошечко отпирала, милаго впускала,
За бѣлы руки принимала, за столикъ сажала,
Я за столичекъ сажала, чайкомъ угощала;
Я чаечкомъ угостила, про любовь спросила;
Похвалялся мой миленькій черными бровями,
А я ему дѣвченокка мягкими грудями;
Мягкими грудями, прежними друзьями.
На то милый осердился, пошелъ не простился;
Ногой топнулъ, дверью хлопнулъ, зеркальце упало,
Оно чистаго хрусталика громко зазвенѣло.
Услыхала моя мать въ особой комнаткѣ;
Присылаетъ ко мнѣ мать вѣрную служанку,
Свою вѣрную служанку, мою грубіянку.
Грубіянка приходила она рѣчи говорила:
— «Что у тебя, дѣвченокка, громко зазвенѣло?»
— «Кошка, шельма, наблудила — съ подловки вскочила,
Она съ подловки вскочила, зеркальце уронила.
Зеркало чистаго хрусталика громко зазвенѣло!»
— «Что у тебя, дѣвчонка, на столѣ мокренько?»
— «Дѣвки были, чай пили — онѣ намочили!»
— «Что у тебя, дѣвченокка, постель не убрата?»
— «Дѣвки были, ночевали, постель не убрали!»
— «Что у тебя, дѣвченокка, на стѣнѣ за шапка?»
— «Шапка черная пуховая мово размилого,
Мово, мово размилого, дружка дорогого!»

* * *

Долина долинушка, раздолье широкое.
По той по долинушкѣ ходилъ гулялъ молодець —

Не радошень, не весель, сударушку не нашель;
Сударушку не нашель, самъ заплакаль и пошелъ.
Повѣсилъ головушку на правую сторонушку,
Потупилъ очи ясные въ мать-сыру землю,
Въ мать-сырую землю, во мать матерую.
— «Дитя мое, дитяtko, чадо мое милое,
Почто, мое дитяtko, не радошень ходишь?»
— «Ты мать моя, маменька, мать моя, судариня,
Да какъ же мнѣ, молодцу, веселому быть,
Веселому быть, чему радоваться?
Сушить-крушить молодца чужая сторонка,
Чужая сторонушка, за рѣчкой слободушка.
Въ той слободушкѣ жила-была вдовушка,
У вдовушки дѣвушка, зовутъ Фенюшкой —
Она меня засушила, она меня сокрушила,
Она мнѣ говорила, она мнѣ отвѣчала,
На мое сердечушко печали давала;
Выньте душу, выньте сердце, изъ несчастной изъ меня,
Положите душу-сердце на серебряный подносъ,
Понесите душу-сердце ко милому дружку впередъ:
Пускай миленькій потужить. погорюеть обо мнѣ,
Пусть потужить, погорюеть, разбезсовѣстный такой. (27).

* * *

Да не по горамъ, горамъ, горамъ высокимъ,
Распускались цвѣты алы, лазеревые.
Я пойду ли во садочекъ, сорву аленькій цвѣточекъ;
Правой рученькой сорву, алой лентой перевью,
Съ поцѣлуемъ обойму, крѣпко къ сердцу прижму;
Крѣпко къ сердцу прижму, надежой назову:
— Надежинька ты моя, вѣрно-ль любишь ты меня?
Кабы тебя не любилъ, гулять съ тобой не ходилъ;

Алы цвѣтки не рвали-бы и вѣночки не плели.
Подумаю, погадаю, за что меня милый любить,
За что меня милый любить, за что почитаетъ.
Не я дѣвка, не я красна, не я черноброва,
Только я красна дѣвица съ личика бѣленька,
Я со личика бѣленька, съ очей веселенька;
Съ очей веселенька, хожу шипитленько;
Хожу шипитленько, хожу щеголенько.
У моего ли у милого три сада зелены:
Во первомъ во садочкѣ расла трава-мята,
За то меня милый любить, что я не богата.
Во другімъ во садочкѣ расла трава-просо,
За то меня милый любить, что я сердцемъ проста.
Во третімъ во садочкѣ расла трава-лебеда,
За то меня милый любить, что я дѣвка молода.
У богатой, у проклятой двѣ ноченьки ночевать,
У бѣдненькой, у скудненькой одну ночь ночевать, на
ручкѣ пролежать.

* * *

Я разсѣю свое горе по чистому полю,
Уродися мое горе — ни рожь, ни пшеница,
Что ни рожь, ни пшеница, трава мурава;
Ни травушка-муравушка, алыя цвѣточки,
Да всѣ цвѣты алы, одинъ всѣхъ алѣе да онъ розовѣе;
Какъ всѣ друзья милы, одинъ всѣхъ милѣе.
Онъ не долго гость гостюеть, одну ночь ночуетъ;
Одну ноченьку ночуетъ и ту протоскуеть.
Подъ окошкомъ спать ложился, свѣту дожидался:
—Почто долго свѣту нѣту, бѣлаго разсвѣту?
Онъ другое отворяетъ, онъ коня сѣдлаетъ;
Онъ третіе отворяетъ, со двора съѣзжаетъ;

--Ты прощай, моя милая, радость дорогая!
Я не скоро къ тебѣ буду — тебя позабуду!
Запрягай, милый, карету, сяду я поѣду;
Запрягай, милый, другую — сяду я въ любую, (28).
Запрягай, милый, третью — сядетъ кучеръ съ плетью.

* * *

Что ни пання по сѣнюшкамъ ходила,
Что ни пання по пану воздыхала;
Ни свекорка невѣстку утѣшала:
Ты не плачь моя пання дорогая,
Не тужи моя любимая невѣстка.
Какъ и Богъ то дастъ пану здоровья,
Привезетъ тебѣ *на* дорогой подарокъ —
Свѣтъ шитровскую дѣвку полонянку,
Во зеленой во дараивой фуфайкѣ,
Въ полушелковомъ платочкѣ съ каймами,
Что съ монистами со тѣми со хрустальными.
Ужъ я выйду младешенька на крылечекъ,
Посмотрю я младешенька вдоль по Волгѣ.
Завиднѣлись есаульскіе лужочки;
На первымъ есаульскимъ лужочкѣ
Какъ везутъ мово пана убитого;
На другимъ есаульскимъ лужочкѣ
Везутъ его платье кровавое;
Какъ на третьемъ есаульскимъ лужочкѣ
Ведутъ ли его коня вороного.
Въ торокахъ везутъ *на* дорогой подарокъ —
Свѣтъ шитровскую дѣвку полонянку,
Во тоненькой во бѣленькой рубашечкѣ,
Во зеленой во дараивой фуфайкѣ,
Въ полушелковомъ платочкѣ съ кистями,

Во серебряныхъ монистахъ, во хрустальныхъ,
Ты примешь мой подарокъ со слезами. (29).

* * *

Да изъ поля, да изъ поля, изъ поля изъ чистаго,
Да изъ моря, да изъ моря, изъ моря изъ синяго;
Да тутъ течеть, тутъ течеть рѣчка быстрая.
Да и чѣмъ будемъ, братцы, рѣчку затынять?
Кто-же, кто-же его, душа сударушка?
Красна дѣвушка душа, любезна Аришечка.

* * *

Ты грушица, грушица моя,
Грушица зелена садова.
Какъ подъ грушей свѣтлица стоитъ,
Во свѣтлицѣ дѣвушка сидитъ,
Да разумны рѣчи говоритъ:
— «Нонче вѣдь такія времена —
Сушать женъ хорошіе мужья,
А дѣвушекъ дальніе друзья;
Ближній другъ — свиданье завсегда.
Гдѣ-бъ его мнѣ, шельму, увидать,
Да въ глаза ему злодѣю поненять;
Обѣщаль меня онъ до вѣку любить,
До вѣку, до смертнаго часа,
А теперь покинулъ онъ меня.
Съ горя да съ кручины молода
Я пойду въ зеленые луга,
Я сорву со травушки цвѣтовъ,
На головушку совью себѣ вѣнокъ.
Выйду-ль я на Терекъ на песокъ,
Я спущу съ головушки вѣнокъ.

Тонетъ-ли не тонетъ мой вѣнокъ?
Тужить-ли не тужить мой дружокъ
На чужой на дальней сторонѣ,
Во матушкѣ въ каменной Москвѣ,
Во матушкѣ во Россіюшкѣ?
Сталь по Тереку вѣночекъ мой всплывать,
Сталь меня милый вспоминать
Во матушкѣ въ каменной Москвѣ,
Во матушкѣ во Россіюшкѣ.

* * *

Какъ у насъ на столѣ, на дубовомъ столѣ
Налитой купель зеленѣго вина,
Да плавала чара серебряная.
Кто же за чару примется?
Примется, не примется Попиль господинъ,
Пониль господинъ душа Трифиличъ;
Подносилъ чару сударушкѣ своей,
Подносилъ чару Савельевнѣ:
— «Ты вышей-ка, вышей-ка, сударушка моя,
Ты выкушай, выкушай Савельевна!»
— «Попиль господинъ, пить не хочется,
Трифиличъ родной мнѣ не можется!
Еще кто бы мой сонъ разсудилъ,
Кто бы еще на словахъ его сказалъ?»

* * *

Какъ у насъ на дворѣ, на широкомъ дворѣ,
Да выросла травушка шелковая,
Шелковая да полушелковая.
Ходить по травушкѣ сизый павлинь,
Сизый павлинь онъ со павушкою.

Сизый павлинь—Евтѣй господинъ,
Сизый павлинь—Анисьевичъ;
Сизая павушка—Аришечка,
Сизая павушка—Ананьевна;
Сизыя косицы, что дѣти у нихъ,
Шелкова травушка—дѣти при нихъ.

* * *

Я пойду млада по солнышку,
Набиру хмѣлю по зернышку,
Наварю я пива пьянаго,
Напою я мужа стараго,
Положу его среди двора,
Прикрою его соломкою,
Придавлю его дубинкою,
Что дубинною тяжелою.
Ужъ я выйду на улицу,
Закричу я громкимъ голосомъ:
—Ужъ вы люди, мои люди, люди вольные,
Вы сосѣдушки приближенные!
—Не видали-ль вы, отколь туча шла?
Не слыхали—отколь громъ-атъ гремѣль?
Убилъ мужа мово стараго, ревниваго,
Ревниваго мужа, хлопотливаго.

* * *

Прошло лѣто, прошла осень, прошла красная весна;
Наступаетъ злое время, мать холодная зима.
Да всѣ рѣчушки застыли и протоки не текутъ;
Да всѣ пташечки замолкли, соловьюшки не поютъ;
Одна пташечка запѣла, полетѣла въ темный лѣсъ;
Она сѣла на кусточекъ, стала рѣчи говорить:

— Не женитесь, ребята, холостому лучше жить —
Холостой ходить гуляетъ, какъ соколъ въ полѣ летаетъ;
Женатому триклятому ни въ чемъ воли ему нѣтъ:
Куда хочешь проходитеся, туда и жена съ дѣтьми тащится.

* * *

Въ саду дѣвушки гуляли, со травы цвѣточки рвали,
Вѣночки плели всякая себѣ.
На вѣнкахъ онѣ гадали, вѣнки въ воду побрасали,
Чей вѣночекъ всплыветъ, ту и милый вспоманетъ.
Дѣвка росту небольшого громкимъ голосомъ кричить:
— Мой вѣночекъ тонетъ, тонетъ, мое сердце болитъ, ноетъ,
Мой вѣночекъ потонулъ, меня милый обманулъ.
Вокругъ дѣвушки сбѣжались, Полю утѣшать старались:
— Перестань, Поля, тужить, можно лучшаго нажать,
Полюбить можно другого, казака молодого,
Съ черными бровями, со ясными очами.

* * *

Калину съ малиной вода поняла,
Во ту пору маменька меня родила;
Не выучи разуму, замужъ отдала.
Не жди меня, матушка, черезъ три годочка,
На четвертомъ годикѣ прилечу я пташкой,
Сяду я у батюшки въ зеленомъ саду
На сладкую яблоньку, на отхожую вѣточку,
Горькою кукушечкой буду куковати,
Слезами горячими садикъ затопляти.
Не матушка по сѣнюшкамъ похаживала,
Всѣхъ нянюшекъ-мамушекъ побуживала:
— Невѣстухи, голубушки, вставайте рано!
Что это за пташка у насъ въ саду?

Что это за вольная во зеленыимъ?
Не мое ли чадушко съ чужой стороны,
Не мое ли дитятко отъ чужихъ людей?
Чужая сторонушка прискучливая,
Горькою горчичкою усѣянная;
Чужа родна матушка не жалостливая,
Чужой родной батюшка онъ журма журить. (30).

* * *

Да стелется вьется
По лужкамъ трава зеленая.
Цѣлуетъ-милуетъ Федоръ Аксинью
Цѣлуетъ-милуетъ Степановичъ;
Не тебя ли я люблю, мою Аксиньюшку,
Не тебя ли я перельщаю красотой своей моло-
децкой,
Не глазами ли черными, не бровями получер-
ными?

* * *

По двору, двору, по широкому двору,
Ходить онъ гуляетъ сударь Евтѣй господинъ,
Сударь Евтѣй господинъ, душа Анисьевичъ;
Кличетъ выкликаетъ онъ сударушку свою,
Онъ сударушку свою, душу Аринушку:
— «Ты пойди, пойди, душа Аринушка сюда,
Ужъ пойди сюда, душа Ананьевна:
Я тебя то люблю за походочку твою,
За походочку твою, за полеточку,
За ласковый разговоръ, твой веселый поцѣлуй.
Слово молодца утѣшить, поцѣлуемъ веселить;
Ужъ ты рѣчи говоришь, какъ лебедушка кричишь,

Ты по двору идешь, ровно павушка плывешь,
Ровно павушка плывешь, ровно сизенькая!»

* * *

Люблю я казаченька, люблю молодого,
Люблю молодого изъ полка своего.
Приѣхаль урядничекъ ко Степочкѣ въ гости;
Недавно приѣхаль, опять уѣзжаетъ.
Его разлюбезная все плачетъ рыдаетъ,
Молодого урядника на ночь оставляетъ:
— «Заночуй, урядничекъ, хоть ночку со мною!»
— «Я-бъ радъ ночевати, боюся проспати;
Будутъ меня урядника товарищи ждати;
Когда заночую, буди меня рано, чтобъ не разсвѣтало,
Чтобы мои товарищи коней не сѣдлали,
Чтобы музыканты музыку не играли!»
Проспаль я урядничекъ до бѣлаго свѣту,
Проспаль я молоденькій до краснаго солнца;
Проспаль я урядничекъ коня вороного,
Коня вороного и сѣдельце ново;
На сѣдельцѣ попона зеленаго шелку,
А самъ я урядничекъ Гребенского полку,
Гребенского полка, Червленной станицы. (31).

* * *

Да мы сядемте, ребята, да мы сядемъ, господа.
Споемъ пѣсню про себя, про Прусского короля.
У Прусского короля чужа сила не своя,
Половина нанята, золотой казной дана,
Сороктысячная, полутысячная.
Въ чистомъ полѣ при долинѣ, во зеленымъ лугу
Стоитъ армія въ кругу, полковничекъ при полку,

Курить трубку табаку.

Онъ не для того курить, чтобы пьяному не быть,
Чтобы смѣло поступать.

—Поступай, моя дѣвица, все со праваго крыла,
Все со праваго крыла, со восточной стороны.

* * *

Продаль братъ сестрицу,
Ни за рубль, ни за два,
За серебрянаго коня,
Душу сестру промѣняль.

* * *

Посажу я калинушку на круть бережочекъ.
Ты стой, расти, калинушка, расти не шатайся,
Живи, моя сударушка, живи не печалься;
Придетъ тоска-кручинушка, поиди разгуляйся;
Пойди, поиди, разгуляйся, съ милымъ повидайся!
Почто рѣчка мутно бѣжишь, иль погоду чуешь?
Почто, Маша, слезно плачешь, иль маменька била?
—Меня маменька не била—сами слезы льются,
Сами, сами слезы льются, никакъ не уймутся;
Отъ мово ли отъ милого долго вѣстей нѣту;
Прислалъ милый поклонъ вѣрный—коня вороного,
Коня, коня вороного, сѣдельце ново,
На сѣдельцѣ понона зеленаго шелку.
—Ты дѣвица, красавица, душа мое сердце,
Загадаю я загадку, изволь отгадати:
Ты напой коня мово середь синя моря,
Что середь синя моря на камешкѣ стоя.
Загадаю я другую, отгадай любую:
Чтобы коникъ мой напился, коверъ не мочился.

Загадаю я загадку, изволь отгадати:

—Сострой, милы, мнѣ хоромы, бѣлы снѣговья,
Еще бѣлы снѣговья, тонки высокія,
Чтобъ зимою были теплы, а лѣтомъ холодны;
Загадаю я другую, отгадай любую:

—Сшей ты, милый, черевички съ кленоваго листу,
А дратву-то сдѣлай, милый, съ дождевой капли,
Чтобы дратва не рвалася, башмакъ не поролся!

* * *

Гуляй, гуляй, дѣвушка, поколь у батюшки, у родимой
матушки —

Ой люли, ой люли, у родимой матушки.

Въ чужи люди отдадутъ, такой воли не дадутъ —

Ой люли, ой люли, и т. д.

Такой воли не дадутъ, такой нѣги не будетъ —

Ой люли, ой люли, и т. д.

Долина, долинушка, раздолье широкое—

Ой люли, ой люли, и т. д.

По этой долинушкѣ ходилъ гулялъ молодець —

Ой люли, ой люли, и т. д.

Не радошень, не весель, сударушку не нашель—

Ой люли, ой люли, и т. д.

Повѣсилъ головушку на правую сторонушку —

Ой люли, ой люли, и т. д.

Потупилъ очи ясныя въ мать сырую землю —

Ой люли, ой люли, и т. д.

Повернулся онъ къ востоку, увидалъ сударушку —

Ой люли. ой люли, и т. д.

Сударушка перевернулась, ему руку подала —

Ой люли, ой люли, ему руку подала. (32).

* * *

* * *

Пора, пора гостю съ двора, время убираться;
Пора-время убираться, къ двору подвигаться.
Тутъ несчастный гость ѣдетъ — не долго гостюеть;
Онъ не долго гость гостюеть, одну ночь ночуетъ;
Одну ноченьку ночуетъ и ту протоскуеть.
Подъ окошкомъ спать ложится, свѣту дожидаетъ —
Почто долго свѣту нѣту, бѣлаго разсвѣту? (33).

* * *

Ужъ вы мысли, мои мысли, мысли молодецкія!
Вы скажите, мои мысли, про мое несчастье!
Еще долго-ли, сударушка, за тобой ходить,
За тобой мнѣ ходить, милости просить?
Изобилъ я черевички за дѣвушкой ходючи,
Износилъ я зеленъ гафтанъ по заборамъ лазючи,
Износилъ я черну шапку подъ капелью стоячи.
Капелюшка какъ-капъ, сердечушко токъ-токъ,
Капелюшка истекаетъ, сердечушко изнываетъ;
Сердечушко изнываетъ, сердечный другъ покидаетъ;
За бѣлы руки принимаетъ, въ горницу провожаетъ,
За дубовый столъ сажаетъ, скатерть бранну разстилатъ,
Съ малиной пирогъ ставитъ, чару чаю наливаетъ,
Красну дѣвку приглашаетъ:
— Ужъ ты пей, дѣвка, чай, забывай тоску-печаль!
Дѣвка чаю испила, тоску-печаль забыла.

* * *

Я по цвѣтикамъ ходила, я по аленькимъ;
Я по аленькимъ, по лазоревенькимъ.

Не нашла цвѣта алѳго супротивъ милѳго.
Мой милый душа хорошъ, чернобровый душа пригожь,
Чернобровъ душа пригожь, мнѣ подарочекъ принесь;
Подарочекъ дорогой — съ руки перстень золотой;
Мнѣ не дорогъ твой подарокъ, дорога твоя любовь;
Не хочу перстень носить. лучше скинуть положить.
Буду такъ дружка любить, на кроватушку ходитъ,
На кроватушку тесовую, на перинушку пуховую.
Какъ во этотъ во часокъ мой миленькій выѣзжалъ:
— Сколь далече, мой милый, убираешься,
Во которую сторонку снаряжаешься?
Ты козловые сапожки обуваешь,
Меня красну дѣвку покидаешь.

* * *

Меня вся семья не любитъ, свекоръ журбою журить.
Одинъ миленькій любилъ, онъ не долго со мной жилъ,
Самъ на линію *) вступилъ, бѣлилъ, румянь купилъ,
Набѣлится мнѣ велѣлъ:
— «Набѣлись-ка, мой свѣтъ, ровно алый цвѣтъ,
Набѣлись, жавроночекъ, ровно аленькій цвѣточекъ;
Походи-ка ты въ красѣ, поколь я живу въ Москвѣ!»

* * *

Разбесчастный добрый молодецъ душа,
Безталанная головушка твоя.
Ни въ чемъ молодцу счастья нѣту-ка,
Ни во лодочкахъ, ни въ корабличкахъ,
Ни въ торговлѣ, ни въ товарищахъ.

*) На линію — на службу.

Сосылають молодца съ корабля долой:
—Ты сойди, сойди, молодець, долой,
Изъ тебя-ли изъ безсчастнаго сине море взволновалось;
Въ рѣкѣ волны разыгрались,
Кораблички разбѣжались!
Мы причалимъ кораблики къ тому кусту ракитову,
Ко тому-ли ко песку, ко песку разсыпчатому;
Ужъ мы вырѣжемъ по жребію,
Кинемъ, бросимъ во сине море,
Что счастливому поверхъ воды,
Разбездсчастному на ключъ, на дно.

*
* * *

Протекли рѣчки проточины, горючія мои слезы;
Горючія мои слезы покатилися изъ глазъ.
—Отойдите прочъ, злодѣи, мнѣ теперъ не до васъ!
Пришелъ милый, пригрозилъ, несчастьемъ наградилъ.
—Ты стой, милый, не грози, полюбовницу не жди!
Когда я была твоя, тогда слушалась тебя,
А теперъ я не твоя и не слушаюсь тебя;
Не твоя, воля моя, воля батюшкина,
Нѣга матушкина.
Я у батюшки жила, дочь единая была,
Куда иду не спрошусь, отколь приду не скажусь;
У чужого батюшки, куда идешь просишься,
Отколь придешь, сфажешься!

*
* * *

На горущкѣ ковылушка стелется шлетется,
У насъ съ тобой, любезный другъ, житье не ведется.
Во лѣсочкахъ комарочки сильно уродились,

Да мы всѣ удивились, что сильно уродились;
Со вечера ко дѣвушкѣ прилеталъ голубчикъ,
Да онъ сизенькій голубчикъ, мой милый дружочекъ;
Онъ жалкуеть и воркуеть надъ моимъ окошкомъ:
—Встань дѣвица, встань красная, встань моя радость!
Да я дѣвица вставала, двери отворяла,
Еще двери отворяла, милаго впускала.
Вошелъ милый въ горинку, сталъ онъ плясати,
Махнулъ милый черной шапкой, зеркальце упало;
Несчастьеце мое стало — маменька узнала.
Присылаетъ ко мнѣ мать вѣрную служанку:
—Судариня-бариня, что тутъ солучилось?
—И нянюшка, и мамушка, вѣрная служанка,
Скажи кошка блудливая на стѣну пригнула,
Она на стѣну пригнула, зеркальце разбила.

* * *

Какъ у насъ на улицѣ, какъ у насъ на широкой;
Ой люли, ой люли, какъ у насъ на широкой.
Тамъ гуляли дѣвушки, шутили молодухи;
Ой люли, ой люли, и т. д.
Промежду молодухекъ удалъ добрый молодець;
Ой люли, ой люли, и т. д.
Да онъ пишетъ грамату по бѣлому бархату;
Ой люли, ой люли, и т. д.
Отсылаетъ грамату къ родимому батюшкѣ;
Ой люли, ой люли, и т. д.
Родимый мой батюшка жениться мнѣ хочется;
Ой люли, ой люли, и т. д.
Женись, женись, дитятко, женись мое милое,
Возьми себѣ невѣстухку на красную дѣвухку;
Ой люли, ой люли, и т. д.

Возьми себѣ невѣстужку ближнюю сосѣдужку, Арину;
Будетъ мнѣ пособница, она и работница;

Ой люли, ой люли, и т. д.

* * *

Что не въ саду садочкѣ, въ зеленомъ саду виноградничкѣ,
Хорошо во садочкѣ, въ саду соловей поеть.
Что поеть ли онъ поеть, громко посвистываетъ,
Къ моему то горю ко несчастью;
Не въ зеленомъ саду теремъ растворенъ;
Что во новенькомъ, во новенькомъ во теремѣ
Подъ косящатымъ было подъ окошечкомъ,
Подъ хрустальнымъ было подъ стеклышкомъ,
Тамъ сидѣла душечка *на* красная дѣвушка,
Что купеческая родная сестрица,
Молодеческая прежняя любовница.

* * *

Какъ вечеръ я на почтовый дворъ ходилъ,
Получилъ письмо отъ сударушки своей.
Пишетъ, пишетъ раскрасавица письмо:
— Приди, миленькій, я очень больна,
Я трудно больна въ постелюшку слегла;
Три недѣли во постели лежала,
На четвертой во зеленый садъ пошла,
Гдѣ мы съ миленькимъ гуляли во саду,
Во зеленомъ саду, подъ вишневымъ кустомъ.
На томъ мѣстѣ и травушка не растеть,
На травушкѣ алы цвѣты не цвѣтуть,
На цвѣтикахъ мелки пташки не поють,
Пташка птичка перелетывала,
Частешенько перепархивала. (34).

* * *

Полно Полюшкѣ по улицѣ ходить,
Перестань, Поля, хорунжаго любить.
Ты хорунжій голубчикъ, свѣтикъ мой,
Молодой парень, зазнобушка моя!
По тебѣ мнѣ мало можется и въ станицѣ жить не хо-
чется.

Я станицу заложу, заложу, тебя, моя сударушка, снаряжу;
Я пойду младець въ Моздокъ городъ гулять,
Своей Полюшкѣ товару закупать;
Куплю Полѣ платьє лазоревое;
Платьє лазоревое отъ солнышка бѣжить,
Голубой-атъ цвѣтъ марается.
Я куплю тебѣ зеленую парчу!
Не хочу парчу, въ ногахъ ее стопчу!
Я по золоту, по серебру хожу, одного тебя молодчика
люблю,
Молоденькаго, кудреватаго, хорошаго.

* * *

Я весь день, весь день по садичку гуляла,
Я вялу, вялу капусту поливала.
Между грядочекъ колечко потеряла,
За колечко меня маменька ругала,
За серебряно судариня журила.
Я, маменька, виновата, виновата,
Судариня, виновата, виновата.
Нелюбимая подружка находила
Своему милу дружочку подарила.
Невозможно моему сердцу безъ печали быть,
А кто кого вѣрно любить, нельзя не тужить.

Полюбила я своего дружка — лучше его нѣтъ,
Стала разставаться, не милъ бѣлый свѣтъ.
Съ горя, со кручины пойду млада въ лѣсъ;
Пойду млада въ лѣсъ разгуляюсь,
Съ милымъ дружкомъ повидаюсь.
Во лѣсу то пользы нѣтъ, листочки шумять,
Всяки деревечушки печальны стоятъ,
Печальны стоятъ, печаль говорятъ.
Ужъ мнѣ красной дѣвицѣ всю ночь не спать,
Федора Михайловича въ походъ провожать,
Ему молодцу чапракъ вышивать.

* * *

Дубчикъ, дубчикъ, мой дубочекъ, дубчикъ кучерявый,
Дѣтинушка бѣлъ-кудрявый, словами пріятный;
Слова твои ласковыя, хорошія думки;
Любилъ парень дѣвчоночку, какъ голубъ голубку;
Полетѣла голубица во чистое поле,
Летаючи говорила — «вотъ горе мнѣ, горе!»
Я не знаю молоденька съ чего сердце бьется,
Я слыхала черезъ людей, что сукинъ сынъ смѣется:
— Смѣйся, смѣйся, злодѣй-варваръ, за смѣхъ тебѣ будетъ;
За смѣхъ тебѣ шельмѣ будетъ, а смерти не будетъ.
Будешь лежать на кровати водицы просити —
Не угодно-ль душѣ твоей кваскомъ похмѣлиться?
Во саду-ли, въ огородѣ дѣвушки гуляли,
Они ростомъ не велички, лицомъ круглолички;
У дѣвушекъ на личикахъ румянцы играютъ,
Женатому проклятому сердце разжигаютъ,
Холостому молодчику назола *) даютъ.

*) Назолы — печаль, досада.

Расколился сырой дубъ на четыре грани,
А кто любить чужихъ женъ, того душа въ раѣ.
Кто дѣвушку полюбитъ, грѣхамъ избавленье,
Кто вдовушку полюбитъ, душѣ на спасенье,
Кто старушку обойметъ, лихорадка затрясетъ

* * *

Что на свѣтѣ люди, люди живутъ,
На люди люди угаживаютъ *),
На свекоровъ унравливаютъ.
У меня у молодой свекорунка люта,
Что люта, шельма, несносная;
Посылаетъ и туда меня, сюда,
Что туда, сюда, невѣдомо куда.
Посылаетъ въ темный погребъ за питьемъ,
Что за тѣмъ питьемъ за зеленымъ виномъ;
Во погребѣ много пива и вина, сладка водочка ани-
совая,
Тесова кровать расписаная,
Расписана, распечатана, на картинкѣ нарисована.
На кровати перина пуховая,
На перинушкѣ изголовье высоко,
На изголовьѣ удалъ добрый молодецъ,
Что Попиль Трифиличъ душа.
Противъ молодца красна дѣвица стоитъ,
Разумныя ему рѣчи говоритъ:
— Не слушая мать-отца, распотѣшу молодца,
Я за то его потѣшу, что одинъ сынъ у отца.

* * *

*) На людей люди угождаютъ.

* * *

Ты заря моя, зоринька, заря утренняя, вечерняя!
Высоко заря восхаживала—выше лѣсу, выше темнаго,
выше садика зеленаго.
Не по улицѣ по улицѣ, вдоль по улицѣ широкой,
Тутъ бѣжитъ, бѣжитъ дѣтинушка,
Что дѣтинушка да онъ казачій сынъ;
Что казачій сынъ — Попиль Трифиличъ душа.
Онъ бѣжитъ то не встряхнется, черны кудри не шелох-
нутса;
Увидала его матушка, увидала его родная съ высокаго
терема.

—Ты куда, куда, казачій сынъ, бѣжишь?

Я бѣгу, бѣгу ко дѣвицѣ къ Аринкѣ.

Не видишь-ли, мое дитятко, отвязался твой добрый конь,
Отъ столба, столба дубоваго, отъ колечушка серебрянаго,
Отъ другого ли злаченаго;
Побѣжалъ ли онъ на зеленый лугъ.

* * *

Я не думала сегодня угорѣть,
Пришелъ вечеръ голова стала болѣть.
Закипѣли самовары на столѣ,
Зашумѣли все угары въ головѣ.
Что ранѣнько, ранѣнько на дворѣ;
Чикотала ласточка на дворѣ,
На бѣлымъ на камешкѣ сидючи,
Во сине море глядючи.
Мой батюшка по бережку ходить,
Мой родимый по крутому ходить.
У батюшки жалости не стало,

Не снялъ меня со бѣлаго камешка,
Со бѣлаго еще со горячаго,
Со горячаго со разсыпчатаго.
Какъ скажу я про рѣчушку, про быструю воду;
Въ этой рѣчкѣ зеленый садикъ растетъ,
Въ этомъ садикѣ немножечко людей —
Что *на* восемь полковничковъ,
На девятый — добрый молодецъ,
На десятый — красна дѣвица душа,
Супроть милаго на стулѣ сидѣла,
Холостому стаканъ меду подносила,
Что женатому зеленаго вина.
Мой миленькій не пьетъ — нѣжится,
Со стаканомъ меду пляшетъ;
Изъ стакана медъ плескается,
По подносу разливается.

* *
* *

Отдаетъ меня батюшка замужъ,
Что за малаго ребенка недоростка.
Я не знаю съ недоросткомъ какъ и быть,
Я не знаю недоростка куда дѣтъ:
Съ краю положити — уронити,
Въ середочку положити — ушибити,
А къ стѣночкѣ положити — удавити.
Повезу я недоростка въ чисто поле,
Какъ сниму я съ недоростка шелковый поясъ,
Сниму я съ подростка черну шапку,
Повѣшу черну шапку на березу,
Завяжу я подросточку очи ясны,
Распрощусь я съ подросточкомъ и уѣду.

* * *

Какъ у нашей Дунюшки *ни* три думушки:
Какъ первая думушка—изъ подъ камешка,
Вторая думушка—изъ подъ бѣленькаго,
Что третья думушка—течетъ рѣчушка;
Какъ на этой рѣчушкѣ Дуня мылася,
Дуня мылася, она и бѣдилася.
Набѣлившись, Дуня на гору пошла;
Со горы то Дуня его видѣла:
Молодой-атъ казакъ коня поилъ;
Нанюивши коня у бѣлаго камешка,
Привязавши коня, сталъ кинжалъ точить.
Наточивши кинжалъ, ко двору пошелъ;
Вошелъ милый въ горинку, сталъ жену губить.
Не жена предъ мужемъ извинялась,
Во рѣзвья ноги поклонялась:
—Ужъ ты мужъ-ли мой, молодой ты мой мужъ!
Не губи-ка ты меня все со вечеру,
Погуби ты меня со полуночи,
Когда малыя дѣтки спать улягутся,
Когда ближніе сосѣди угомонятся.
Не послушалъ мужъ жену, сталъ со вечеру губить—
Всѣ малыя дѣтушки всплакались,
Всѣ ближніе сосѣди сбѣгались.

* * *

Что въ Червленной жила-была вдовушка;
У вдовушки дочь хорошая росла:
Лицо бѣло, подъ румяной, какъ заря,
У этой Дуни только русая коса.
Къ этой Дунѣ офицерикъ сталъ ходить,

Сталь Дуняшѣ таки рѣчи говорить:
Возьми, Дуня, рублей двѣсти отъ меня,
Если мало, куплю дрожки и коня,
Когда мало, куплю домикъ для тебя,
Только, Дуня, согласишься любить меня.
Дуня роза, Дуня умная была,
Она ему такой отвѣтъ отдала:
Я казачка, я простая для тебя,
Честь велика дорогая для меня. (35).

* * *

У воротъ дѣвка со молодцемъ стоитъ,
Въ фуфайчкѣ пережимается, дрожитьъ,
А молодцу таки рѣчи говорить,
Таки рѣчи, не напрасны словеса.
Разсердился сердечный другъ на меня,
Онъ хватаетъ своѣ добраго коня,
Соѣзжаетъ со широкаго двора:
—Прости, мапушка, сударушка моя,
По тебѣ мнѣ мало можется,
Въ Каргалинкѣ жить не хочется;
Кордюковскіе ребята хороши,
Подѣлали за рѣчушкой шалашъ;
Они манятъ съ собой дѣвку въ шалашъ,
Они манятъ Аришу поманиваютъ,
Замужъ ее уговариваютъ.
—Вы маните, не маните вы меня,
Придетъ время, я сама замужъ пойду,
За чистѣго, за чистѣго за Понишу,
Кудреватаго, за холостого неженатаго. (36).

* * *

* * *

Весна воздухомъ прелестна, гуляй съ дѣвками чудесно
Въ особыхъ мѣстахъ, въ зеленыхъ лугахъ,
Гдѣ цвѣты цвѣли лазоревы.

Одна дѣвка рветъ цвѣточки,

А другая вьетъ вѣночки, смотреть во лѣсокъ.

— «Пойдемъ милый во лѣсокъ на единый на часокъ,
Сядемъ посидимъ;

Ужъ мы сядемъ посидимъ, другъ на друга поглядимъ,
До самой ночи.

Темна ноченька настанеть, на насъ платье сухо станеть,
Мы пойдемъ домой ни дорожкой, стороной съ дѣвкой
молодой!»

— «Ты дѣвица хороша, за тобой моихъ два гроша,
Пожалуйста дай;

Не отдашь ты этихъ денегъ, буду любить другихъ дѣвокъ,
Ты будешь скучать;

Буду любить другихъ дѣвокъ, ты будешь тужить, горе-
вать!»

— «Я тужила, горевала, спотыкнулась и упала,
Упала, ляжу до самой ночи!»

— «Лежи, моя милая, лежи въ грязи — мѣсто доброе,
Очень хорошо;

Скоро ноченька настанеть, на насъ платье сухо станеть,
Мы пойдемъ домой ни дорогой, стороной съ дѣвкой мо-
лодой!»

* * *

При рѣчущкѣ хороводы, при потоцкѣ быстромъ,
Тамъ дѣвушки ходили, души красныя гуляли.

Изъ всѣхъ дѣвушекъ гуляла, свѣтъ Ариша хороша,
Чистотою, добротою превосходнѣй, лучше всѣхъ.

При гульбицѣ на кровати почиваетъ паренекъ;
Какъ слышалъ голосъ дѣвичій, самъ скорешенько вста-
валъ,

Рѣзвы ноги обувалъ;

Онъ умылся, убрался, ко дѣвушкѣ собрался.

Не дошедши близко къ дѣвѣ, сталъ счастливой поздра-
влять,

Праву руку цѣловать;

— За какую ты услугу, миль, цѣлуешь праву руку?

Контора, конторушка, контора государева!

Конторушка растворилась, красна дѣвица вошла;

Она низко поклонилась на всѣ стороны чела,

Писаречку молодому поклонъ низкій отдала,

Черной бровью повела, изъ конторы вонъ пошла.

Прочернило сквозь бумаги мои нужныя дѣла,

Мнѣ сударушка мила;

Дѣтинушка догадался, самъ за дѣвушкой пошелъ;

Онъ догналъ красну дѣвицу среди ея пути,

Среди ея пути, на дорожкѣ столовой;

Онъ сталъ дѣвицу выспрашивать, изъ ума сталъ увѣды-
вать:

— Ты скажи, скажи, дѣвица, съ кой поры любишь меня?

Я съ той поры тебя люблю, какъ гуляли во саду;

Я яблочекъ сорвала, тебя, милый, поняла,

Я сахарный раскусила, тебя, мой другъ, полюбила.

* * *

Ты горинка, горинка новая,

Да тутъ дѣвка дворянка молодая.

Да полно по горинкѣ ходити,

Полно по милому тужити,

Какъ же мнѣ по немъ не тужити?

Во вѣки такого не нажити,

Во вѣки до смертнаго часочка,

А теперь покинулъ другъ меня.

На чужой онъ на дальней сторонѣ,

Во матушкѣ въ каменной Москвѣ.

* * *

Парень холостъ, не женатъ, по саду гуляетъ,
Всю травушку примялъ, муравушку притопталъ.
Замѣчаетъ миль сердечный, гдѣ окошки низки,
Переулки узки; гдѣ было бы постоять, сударушку цѣло-
вать.

Стоялъ бы я подолѣ, самъ живу не воленъ;
Вошелъ бы я во горинку, дѣвушекъ не смѣю *),
Промолвилъ бы словечушко, вѣрно не умѣю.
Съ тоски съ грусти дѣвчоночка пала грудью на кровать,
Стала плакать и рыдать;
Дѣвка ходить по горницѣ, тужить, плачетъ по молодцу:
Я желаю тебя любить, но не смѣю говорить.

* * *

Въ селѣ было Саксонскомъ, при деревнѣ на лугу,
Разыгрались, расплясались красны дѣвицы въ кругу.
Разыгравшись, расплясавшись, подруженьки стали слу-
шать.

Вы не знаете, подружки, разговору моего:
Пріѣзжалъ ко мнѣ дѣтинушка изъ Питера гулять,
Меня дѣвку облицать **).

Серебра много дарилъ, больше золота сулилъ.

*) Стѣсняюсъ.

***) Обольщать.

— «Мы поѣдемъ, душа Маша, во пирь пировать!»
Я тутъ живу крестьянка, а тамъ стану госпожа,
Тамъ я стану привыкать, по деревнѣ тосковать!»

* * *

Я весь день, весь день капусту поливала,
Между грядочекъ колечко потеряла.
За колечко меня маменька ругала,
За серебряно судариня журила.
Не милая подружка находила,
Своему милому дружку подарила.
— Я, маменька, виновата, виновата,
Судариня, виновата, виновата.
Вы не дуйте-ка, низовыя погоды,
Вы подуйте-ка, верховыя погоды,
Чтобы наши похожи воротились,
Чтобъ Щедринской станицѣ поклонились!

* * *

Давайте веселиться, давайте вино пить,
Не грѣхъ его напиться, на то оно дано.
Я душечку имѣю и въ горести терплю,
Сказать того не смѣю, и все я терплю.
Вечеръ на рынкѣ веселу пѣсню пѣлъ,
Встрѣчается моя душечка даетъ кольцо она:
— Носи мое колечко, носи и не теряй,
Считай мое колечко пока своимъ, считай!

* * *

Мнѣ не можется, гулять хочется;
Я украдуся, нагуляюся;
Я сапожки—на ножки, синь кафтанчикъ на плечи.

Заиграемъ мы въ струну, струну серебряную;
Вы послушайте, ребята, что струна то говоритъ:
Намъ жениться, развратиться,
Красну дѣвицу взять, на ручкахъ ее держать;
Чаемъ, кофеемъ поить, калачемъ ее кормить.
За рѣчкой за рѣкой, за быстрой слободой,
Жила-была вдовушка; у вдовушки дѣвушка по имени
Фенюшка —

Она меня засушила, она меня изкрушила.
Тутъ играли дѣвушки, шутили молодушки;
Между этихъ дѣвушекъ гулялъ добрый молодець,
Попилъ Трифиличъ душа.

Онъ пишетъ грамагу по черному бархату,
Съ чужой сторонушки ко родному батюшкѣ.

Родимая моя матушка, жениться хочу;

Возму себѣ школьницу-полковницу.

—Школьница-полковница тебѣ не помошница, а мнѣ не
пособница;

Возьми, мое дитятко, ближнюю сосѣдушку,
Арина Савельевна съ большимъ со приданнымъ.

* * *

Все бы я по горинкѣ ходила,
Не въ трубу-бы, не въ трубу-бы я трубила;
Все бы я съ милымъ рѣчь говорила.
—Ты молодчикъ, ты молодчикъ чернобровый,
Не садись ты супроть меня, люди скажутъ любишь меня.
Если любишь меня, другъ откажися —
Ужъ я роду, ужъ я роду не простого,
Не простого я, княжескаго.
Княжескій сынъ во гусельки играетъ,

Самъ въ своей горницѣ распѣваетъ,
Распѣваетъ, поздравляетъ красну дѣвицу:
—Будь же ты, дѣвица, за мной!

* * *

Посылаетъ Ваню мать зеленое жнитво жать.
Не въ охоту Ванѣ жать... Онъ со этой Ваня скуки
Всѣ порѣзалъ себѣ руки, и тотчасъ кровь полила.
Сударушка увидала, платкомъ руки обвязала,
И тотчасъ кровь уняла.
Работнички усмѣхнулись, отецъ съ матерью огляну-
лись:

—Ты стунай, Ваня, домой!

Ваня скоро торопился, за дубовый столъ садился,
И началъ перо чинить;
Чинить Ваня перо остро, пишетъ Ваня письмо просто,
И селенье проклинаятъ:
—Распроклятое селенье, Каргалинковска деревня *),
Сибирѣмъ можно назвать.
Они ночью мало спать, другъ за дружкой торопятся,
Поскорѣй хотятъ убраться, поколь тучка не явилась.

* * *

Да мнѣ скучно такого, я не знаю отчего.
Далеко моя сударушка отсюда живетъ.
Ужъ мнѣ не кого послать, мнѣ сударушку прислать;
Малаго послать, малъ не знаетъ что сказать,
Мнѣ стараго послать, не дойдетъ онъ до нея,
Если ровнюшку послать, ровня самъ ее любить.

*) Каргалиновская станица — въ 7 вер. отъ ст. Кордюковской,
а отъ Дубовской въ 8 вер.

Наглядѣться на нее, насмотрѣться на нее.
Ужъ я выйду молодець на красенъ свой на крылецъ,
Посмотрю я молодець вдоль по улицѣ въ конецъ —
Вотъ моя сударушка сама ко мнѣ идетъ;
Подъ полою долевою сладку водочку несетъ.
Я самъ водочку не пью, сударушкѣ поднесу,
Поцѣлую, обойму и во весь народъ объявлю,
Что хорошую люблю, въ зеленъ садикъ поведу, подъ
грушею посажу.
Подъ грушею, грушею, грушею зеленою
Стоить младенецъ со дѣвицей, держитъ гусли подъ полой.
Заиграйте мои гусли, я вамъ пѣсенку спою
Про женитьбу про свою. (37).

* * *

Что не по сѣнямъ по сѣнюшкамъ,
По новымъ сѣнямъ рѣшетчатымъ;
Ходила похаживала, гуляла погуливала
Молода душа боярыня; будила она побуживала
Своего ли она дружка милаго:
—Ты встань, проснись, мой милый другъ,
Пробудись, душа, отецкій сынъ!
Отвязался твой добрый конь отъ столба дубоваго,
Отъ колечушка серебрянаго, отъ другого позлаченаго.
Какъ вечеръ у насъ бѣда стряслась —
Сѣрая утица со двора сошла
Со малыми со дѣтушками;
Со малыми со глупыми;
Очутилася моя утушка во Питерѣ,
У боярина сына казачьяго. (38).

* * *

*
* *

Не при полѣ калинушка —
На калинѣ соловей бѣдный сидить,
Горьку ягоду калинушку клюетъ,
Онъ малиною закусываетъ.
Прилетали къ соловью соколы,
Они взяли соловья съ собой.
Полетѣли во зеленый садъ гулять;
Какъ заставили его пѣсни пѣть:
— При кручинѣ утѣшай молодца,
При печали — красну дѣвицу душу,
Чтобы дѣвица любила молодца,
При людяхъ его надеждою звала,
Безъ людей сердцемъ-душечкою!
Ужъ ты душечка, разлапушка моя,
Идешь-ли ты, радость, замужъ за меня?
Я иду, иду, не думаю итти,
Слышу, радость, дурну славу про тебя,
Про тебя-ли удалого молодца.
Онъ по бережку похаживаетъ,
Тугой лукъ онъ натягиваетъ,
Калену стрѣлу накладываетъ:
— Полети, моя каленая стрѣла,
За рѣку, рѣку, на ту сторону;
Убей, моя каленая стрѣла,
Сѣру утку на крутомъ бережку,
Красну дѣвицу въ высокомъ терему!

*
* *

Воля, воля, воля, волюшка!
Кому воля, кому воли нѣтъ гулять.

Воля, воля краснымъ дѣвушкамъ гулять,
А молодушкамъ нѣтъ волюшки,
Нѣтъ волюшки, мужья не велятъ,
Не велятъ и не приказываютъ.
Наша воля миновалася гулять;
Красота съ лица скатилася,
Черной грязью помаралася.
Да что это за милый другъ,
Еще что это за душечка моя?
Часто ходишь мимо моего двора,
Мимо моего высокаго терема.
Милый ходишь, не навѣдаешь меня,
Ты не спросишь про здоровье про мое,
Ты не скажешь про несчастье про свое,
Ты здорова-ли, сударушка, живешь?
Сударушка живешь, можешь-ли,
Любезная, гулять хочешь-ли?
Сударушка, я не смѣю подойти,
Къ твоему двору слѣдочка проложить.
Къ вечеру прійти — отецъ-мать не спить,
Во полночь прійти — жалѣю разбудить,
На зарѣ прійти — худыхъ людей боюсь;
Худы люди замѣчаютъ и глядятъ,
Меня молодца ругаютъ и бранятъ.
— Ты ругальницевъ не слушай никогда,
Полюби-ка любезнаго своего!
Я при миломъ весела и бодра,
Безъ мила дружка печальна я всегда. (39).

* * *

Тутъ шли прошли ребята молодые,
А за ними идутъ матушки родныя.

Во слезахъ пути-дороженьки не вижутъ (видятъ),
Со рыданица словечка не промолвятъ.

Говорили ребята молодые:

Вы не плачьте, наши матушки родныя,

Не топите мать-сыру землю слезами.

Что никто-то маіора не проводитъ;

Провожала маіора красна дѣвка,

Говорила маіору таки рѣчи:

—Коли-бъ я была младенька, лебеденька,

Коли-бъ были у младешеньки сизы крылья,

Взвилась-бы я младешенька, полетѣла,

Всѣ казачіи-бъ отряды посмотрѣла,

Молодого-бы маіора поглядѣла.

Молой маіоръ въ палатушкѣ гуляетъ,

Музыкантушекъ своихъ собираетъ.

Музыкантушки музыкушку играютъ,

Молодого маіора забавляютъ;

Не меня-ли красну дѣвку перельшаютъ.

Перельстился мой батюшка на богатства—

Что на тѣ было высокія хоромы,

Что на тѣ было косящатыя окошки,

Что на тѣ было хрустальныя стеклаки.

* * *

Цѣлуются милуются въ одинъ часъ,

У меня ли слезы катятся изъ глазъ;

Слезы катятся по бѣлому лицу,

По моей ли по румянной по щекѣ,

По моей ли по серебряной сергѣ.

Хороводы не утѣшатъ моихъ слезъ,

Я со тѣхъ со слезъ пойду я въ темный лѣсъ,

Гдѣ мы съ милымъ гуляли во саду,

Во зеленомъ саду подъ вишневымъ кустомъ.
На томъ мѣстѣ и травушка не растеть,
На травушкѣ алы цвѣты не цвѣтуть,
На цвѣтикахъ мелки пташки не поютъ.

* * *

Ужъ ты пташечка, вольна пташка,
Перепелочка, сине море перелетывала;
Частешенько перепархивала;
Да садилася пташечка среди моря
Она все на камешкѣ;
Она слушала пѣсенки.
По красѣ дѣвушка плакала,
По зарѣ пташечка слушала,
Да стараго мужа чаяла.
Старый мужъ не пускаеть ни куда;
Хоть пустить, самъ въ окошечко глядять:
Не идетъ ли моя милая домой,
Не несетъ ли мнѣ подарокъ дорогой,
Подарочекъ — сладкій пряничекъ. (40).

* * *

Соходить Катюшка со двора,
Соходить Андреевна съ широка.
Сломила у грушиньки вершинку:
Ты стой расти, грушица, безъ верха,
Живи, моя маменька, безъ меня,
Безъ моей ли безъ буйной головы,
Безъ моей ли безъ дѣвичьей красоты,
Безъ моей безъ русой безъ косы. (41).

* * *

ИСПОВѢДЬ КАЗАКА СТАНИЦЫ ЧЕРВЛЕННОЙ ФРОЛОВА.

Я знаю самъ, что умираю
Позорной смертію надняхъ....
О! други, сжальтесь, умоляю,
Простите преступника въ грѣхахъ.
Вотъ необдуманность какая
Меня заставила страдать!
Я долженъ съ горестію вздыхать,
Теперь вамъ правду всю сказать:
Давно въ груди моей пылала
Къ злодѣйству огненная страсть,
Къ тому-жъ съ младенчества напасть
Великая меня встрѣчала.
Я, заблужденъ руководимый,
Безъ цѣли слѣдовалъ ему,
Во мнѣ былъ духъ неукротимый,
Онъ противодѣйствовалъ всему.
Съ рѣшимостью моей враждебной
Я алкалъ вольности искать,
Надеждой въ томъ предубѣжденный —
Бѣжать въ Чечню и проживать.
Меня чеченцы тамъ приняли
Въ наѣзды всадникомъ лихимъ,
И потому съ собою брали
На воровство къ моимъ роднымъ.

Я былъ въ довѣренности полной,
Старался извергамъ служить;
При ихъ привѣтливости скромной
Не сталъ я одинъ тужить.

Тогда съ моими кунаками
Я самъ ужъ бѣгалъ воровать,
И перестрѣлку съ казаками
Началъ на Терекѣ давать.

Мое желанье тутъ свершилось,
Я бралъ и скоть и лошадей,
А гдѣ оказія случалась,
Тамъ билъ, и рѣзалъ и людей.

Хоть совѣсть мучила порою
На нашихъ руки подымать,
Но я былъ между ордою,
Нельзя пощады оказать
Кто попадался, тотъ несчастный
Отъ рукъ злодѣйскихъ пострадалъ,
Ему былъ рокъ тогда ужасный,
И онъ напрасно умолялъ.

Ни жалости, ни сожалѣнья,
Никто въ душѣ не ощущалъ,
Былъ каждый внѣ умиленья,
Себя убійствомъ утѣшалъ.

Сидимъ бывало надъ рѣкою
И вечера съ заботой ждемъ;
Чуть освѣтится брегъ луною,
Тотчасъ мы въ Терекъ и плывемъ.

Когда удачно переплыли,
То въ степь къ ногаямъ въ табуны,
По парѣ лошадей хватаемъ,
Назадъ мы на день въ буруны.

О насъ вся линія узнала;
Куда бросались мы, вездѣ
Предосторожно насъ встрѣчали,
Нельзя было перейти нигдѣ.

Одинъ тогда я не утрашился
Черезъ Терекъ смѣло переплыть,
Было въ садахъ уже укрылся,
Но вдругъ въ набатъ начали бить.
Я въ степь съ отважностью пустился,
И на пути поймалъ коня,
Потомъ отъ глазъ я всѣхъ скрылся,
Догнать нельзя было меня.

Потомъ ужъ, чувствуя усталость,
Хотѣлъ немного отдохнуть,
Но наказалъ Творецъ за шалость,
Я долженъ былъ крѣпко заснуть.
Затѣмъ, куда мой духъ дѣвался?
Очнулся, былъ уже въ рукахъ,
Тогда я съ вольностью разстался
И вотъ сижу теперь въ цѣняхъ.

Вчера мнѣ поздно вечеромъ
Объявленъ смертный приговоръ,
А завтра надъ моей главой
Свершится роковой позоръ.
Мой трупъ съ насмѣшками зарюютъ,
Съ презрѣньемъ въ землю, снявъ съ столба,
Какъ буря надъ главой завоюетъ,
Въ народѣ зашумитъ молва.

Какъ жилъ, какъ умеръ,
И какъ достойно за дѣло казнъ онъ получилъ,
Его законъ благопристойно
И не напрасно осудилъ.

Увы, никто не пожалѣть,
Никто слезы не уронить,
Ни отецъ, ни мать, а жена не смѣетъ
Ко мнѣ при смерти подойти.

Прощай, страдалецъ одинокій,
Казакъ удалый Гребенской,
Молись, ужъ близокъ рокъ жестокій
Позорной казни надъ тобой.

О, Боже, Боже! какъ ночь темна,
По каземату холодъ вѣетъ,
Тускнѣетъ на небѣ луна,
И ночь часъ отъ часу темнѣетъ.

Скорѣй бы свѣтъ — недаромъ страхъ
Меня таинственный смущаетъ,
То слезы градомъ на глазахъ,
То сердце бьется, замираетъ.

Иди Фроловъ! въ послѣдній разъ
Ты долженъ съ жизнію проститься,
Насталъ ужъ твой смертельный часъ —
Сегодня казнь твоя свершится.

Прощайся, узникъ, поскорѣй,
Ужъ вотъ готово воздаянье,
Взгляни на плачущихъ людей,
Всѣ ждуть увидѣть наказанье.

И бѣдный узникъ вотъ идетъ;
Завидѣвъ столбъ, вблизи стоящій,
Онъ сталъ къ нему.....
Удара ждетъ.....

Вотъ сдѣлали одинъ ужъ залпъ,
Паль трупъ безжизненный, дрожащій,
Народъ стоитъ въ слезахъ лишь стонетъ
Надъ свѣжей узника могилой. (42)

* * *

ГРЕБЕНИЧКА и ТЕРЕКЪ ГОРЫНЬЕВИЧЪ.

Затужилась дѣвица, что дружокъ не идетъ
Изъ походу дальняго, онъ вѣсти не шлетъ.

Ужъ разцвѣлъ и садикъ и на розѣ цвѣтъ,
А милого друга изъ походу нѣтъ.

Ходить тужить дѣвица въ садочкѣ одна;
Плачетъ все и смотритъ на трону она.

Заросла и тропка, что дружокъ пробилъ

Черезъ садъ зеленый, когда къ ней ходилъ.

Пыль взвивалась за Терекомъ, то казаки идутъ
Изъ походу дальняго и гѣсни поютъ.

Побѣжала дѣвица навстрѣчу дружку,

Ищетъ его, ищетъ во всему полку.

Зарыдала дѣвица горькою слезой,

Когда ей сказали, убить милый твой.

Съ той минуты дѣвицы никто не видалъ,

И куда дѣвалась, никто и не зналъ.

Говорили только люди межъ собой,

Что ея одежду нашли надъ рѣкой.

По бережку Терека Червленочка идетъ

И горючи слезыньки она тихо льетъ.

Льетъ и молитъ Бога искренней слезой,

Чтобы милый живъ-здоровъ пришелъ къ ней домой.

Долго, долго тамъ Червленочка ходила,

И объ миломъ о своемъ Бога все молила.

Потомъ сѣла на высокій бережокъ

И плела тамъ бѣло-розовый вѣнокъ.

И пустивши тамъ вѣночекъ по водѣ,

Она встала поклонилася рѣкѣ,

И сказала: прими, Терекъ, мой вѣнокъ,
И скажи, живъ ли милый мой дружокъ.

Живъ ли, живъ ли и какъ любить онъ меня,
Такъ ли точно, какъ любилъ меня всегда.
—Твой дружокъ, Терекъ дѣвицѣ сказалъ,
—Нынѣ годикъ, какъ любить тебя не сталъ.

Онъ женился на красавицѣ другой,
И нашель въ ней себѣ вѣчный онъ покой.
Съ ней онъ друженъ и ей вѣренъ навсегда,
И разстаться съ ней не можетъ никогда.

Если хочешь видѣть друга своего,
То послушай ты совѣта моего.
Чѣмъ напрасно слезы лить теперь свои.
Лучше броситься въ объятія мои.

Ты найдешь тамъ жизнь другую и покой,
Точно также нашель ихъ милый твой.
Тамъ увидишь друга милаго своего,
И обнимешь разцѣлуешь въ уста сахарны его.
Слезой горькой Червленочка залилась
И въ объятія Горынича отдалась. (43).

* * *

Я во садикъ собиралась головку чесала,
Въ косу длинную свою ленту заплетала.
Я холодною водой личико умывала,
Спускомъ матушки своей щеки притирала.
Я шириночку свою въ загибѣ расправляла,
И атласный мой кафтанъ млада надѣвала.
Я съ подчерньою петли цѣпью застегала,
Широкіе рукава длиннѣй выпускала.
Я кораллы съ жемчугомъ на шею вдѣвала,
И припоички на нихъ ручкой расправляла.

Чулки стрѣльчаты свои да я надѣвала,
И въ чевяки дороги ножки обувала.

Я рабочее бѣлье сама собирала,
Старо платьеце свое въ узелокъ вязала.

Я мотыженьку свою сама наточила,
Никого то я объ томъ млада не просила.

Во садочекъ я пошла скорою ходою,
Я не чуяла млада земли подъ собою.

Я рабочій узелокъ въ подмышкѣ держала,
Отъ мотыженьки своей устали не знала.

Во садочекъ я пришла, платьеце скорѣй сняла,
И рабочій свой нарядъ млада надѣвала.

Я батистовымъ платочкомъ личко закрывала,
Виноградные листки къ щечкамъ прилѣпляла.

Я мотыженьку брала травушку полола,—
Все сударика ждала, дружочка милого.

Сердце чуяло мое, вѣщунья злодѣйка,
Не увидить онъ меня, моя соловейка.

Слышу выстрѣлы вдали, сердце такъ заныло,—
—Боже, живъ ли дорогой? въ глазахъ зарябило.

Я вернулася домой поздною порою.....

Поплатился дорогой своей головою. (44).

* * *

Ну, потрагивай, понукай гнѣдка,
Пока солнышко стоитъ на небѣ,

Чтобъ доѣхать намъ домой засвѣтло,
Гнѣдка выкупать, дворъ метлой смахнуть;

Чтобы завтра встать раньше утречкомъ

И, умывшись, итти въ Божій храмъ.

Не люблю на смерть, кто въ воскресный день
Работать начнетъ, точно въ будничный.

Вѣдь же сказано въ книгахъ Божіихъ:

Работай шесть дней, седьмой Богови.

Ну, потрагивай, понукай гнѣдка,

Пока солнышко стоитъ на небѣ.

Отдохнемъ завтра, пустимъ на волю,

Чтобы цѣлый день въ лугу бражничалъ.

Ухъ! съ трудомъ я нонче выдулся,

Пилъ воды столько, что сказать нельзя!

Эко жаръ то былъ, день деньской пекло,

Будто варомъ все обдало кругомъ.

Хоть бы вѣтеръ чуть нахнулъ по полю,

Освѣжилъ бы онъ степь застывшую.

А то мертво все, не шелохнется,

И кузнецъ даже не чирикаетъ.

Нонче врядъ ли я скосилъ два конца:

Нѣтъ возможности одинъ разъ пройти.

Ну да самъ суди, тутъ кака косьба,

Когда льется потъ проливнымъ дождемъ.

Коли-бъ намъ сюда ночи сѣверны,

То косилъ тогда-бъ день и ночь себѣ.

А тутъ днемъ жара, ночи темныя,

Да спѣши домой съѣхать засвѣтло,

А не то абрекъ ружьемъ крымскимъ

Угостить дружка по пріятельски.

Да когда же мы вольной пташкою

Ночевать будемъ тамъ, гдѣ слюбится.

Надоѣла жизнь, жизнь тревожная,

Для хозяйствушки непригожая.

Ну, потрагивай, понукай гнѣдка,

Пока солнышко стоитъ на небѣ.

Скинь папахъ то свой, освѣжи лицо —

Вѣтерокъ подулъ — не надынешься.

Стой! не слышешь ты? кажись, выстрѣлы
Отдають будто въ Арнаутскомъ.

Посмотри впередъ: вьется пыль столбомъ,
Да и слышется колоколь гудить.

Кто скачетъ къ намъ на гнѣдомъ конѣ,
Видно вѣсть везеть про тревогушку.

Эй, батюшка, подѣзжай-ка къ намъ!

Что ты скачешь такъ, не тревога-ли?

Даю міру знать: горцевъ партія
Переправилась черезъ Терекъ рѣку,

Возлѣ самага Арнаутскаго.

Да забылъ сказать, нашъ Татаринцевъ
Долго жить велѣлъ, вспоминать его;

Сложилъ буйную добрый молодець;

Самъ троихъ убилъ да и кончился;

Да и что сказать, дай Богъ каждому

Умереть какъ онъ, съ честью славою;

Даже бороду, Тайну Божию,

Умираючи, закусилъ въ зубахъ;

Чай ужъ душечку его на небо

Взяли Ангелы златокрылые;

Ну, простите-же, поскачу скорѣй,

Разнесу вездѣ вѣсть нерадостну.

Вотъ и знай живи, и загадывай

Завтра что съ тобой къ утру станется!

Хорошо-бы если умереть также,

Какъ Татаринцевъ, удалецъ Гребня!

А то, можетъ быть, схватятъ соннаго,

Аль одинъ будешь ѣхать по лѣсу,
И пройдетъ кинжалъ грудь казацкую.
Обберетъ тебя рука вражія! Ну, потрагивай,
Понукай гнѣдка, пока солнышко стоитъ на небѣ.

К О Н Е Ц Ъ .

Примѣчанія къ пѣснямъ.

Историчес-
кія.

Въ историческій отдѣлъ входятъ 96 пѣсенъ, которыя писаны въ хронологическомъ порядкѣ, за малымъ исключеніемъ. Старинныя пѣсни рѣдко кто уже знаетъ — все забывается; если и знаютъ нѣкоторые станичные пѣвцы-старики, то они ихъ хорошо вспоминаютъ при питьѣ чихиря въ «бесѣдѣ», въ остальное время онѣ, обыкновенно, забываются, а потому собраніе какъ старинныхъ, а такъ вообще всѣхъ пѣсенъ, сопряжено было для меня съ нѣкоторыми препятствіями. Записывать приходилось только во время «бесѣдъ», потому пѣсни тогда вспоминаются; кромѣ того казакъ или казачка не могутъ передать пѣсни на словахъ по порядку, а всегда поютъ. Такимъ образомъ, сборъ пѣсенъ съ моей стороны, обыкновенно, ограничивался 2 или 3 въ одинъ вечеръ; рѣдко когда цифра эта доходила до 5. При записываніи этихъ пѣсенъ много мнѣ помогъ отставной Есаулъ ст. Щедринской И. Д. Скороходовъ и урядникъ этой-же станицы Ѳ. П. Пономаревъ; станицы Червленой казакъ Гавріиль Рогожинъ, онъ же Чупчукъ и «бабука Акимовна» Багдашкина сообщили мнѣ 2 былины — про Александра Македонскаго и Илью Муромца (Муровича). Изъ дру-

гихъ лицъ, помогшихъ мнѣ, считаю нужнымъ припомнить «бабуку Вѣрку» Курносову и А. М. Филишпову ст. Червленной, «тетку Леонтьевну» Гаурову ст. Щедринской и молодого казака ст. Новогладковской Трофима Иванова.

- 1) Эта и слѣдующая былины записаны мною со словъ Гавріила Рогожина и «бабуки Акимовны» Багдашкиной. Частица «*на*», которую очень часто придется встрѣчать въ пѣсняхъ, употребляется Гребенцами для приданія большаго эффекта пѣснѣ. Строго опредѣленнаго значенія она не имѣетъ, а потому опущеніе ея нисколько не трогаетъ смысла пѣсни.
- 2) Эта и предыдущая былины продиктованы мнѣ И. Д. Скороходовымъ, пѣвшимъ вмѣстѣ со старикомъ, 85 л. пѣвцомъ Агѣемъ Рябовымъ, (въ ст. Щедринской).
- 3) Записана эта пѣсня со словъ «бабуки Вѣрки» Курносовой. Событіе это помнятъ многіе старики.
- 4) Эти двѣ пѣсни, одинаковыя по смыслу, но разныя по мотивамъ, характеризуютъ намъ Гребенскихъ казаковъ въ первое время послѣ водворенія на Кавказѣ, когда они въ первый разъ засылали пословъ къ Іоанну Грозному. Преданіе гласитъ, а пѣсня повторяетъ, что Іоаннъ Грозный не только простилъ побѣгъ Гребенцовъ съ Червленнаго Яра, но даже пожаловалъ ихъ Террекомъ со протоками. Первый варіантъ мною за-

писанъ со словъ Коллежскаго Рег. П. М. Канаткина ст. Червленной.

5) Эта и предыдущая пѣсни записаны мною со словъ «тетки Леонтьевны» Гауровой.

6) Эта пѣсня, прославляющая походъ Ермака въ Сибирь, записана мною со словъ хорунжаго Ф. М. Кирѣева ст. Кордюковской.

7) По бѣгствѣ изъ Червленнаго Яра, гласить преданіе, одна шайка казаковъ спустилась внизъ по Дону и завоевала «Азовый» городъ. Эта пѣсня соединяется съ воспоминаніемъ объ этомъ эпизодѣ.

8) Пѣсня относится къ покушенію захватить Стеньку Разина и отправить въ Москву осѣдлыми Донскими казаками.

☆) Эта пѣсня поется при пусканіи караблей по Тереку въ Духовъ день въ ст. Червленной, Щедринской; при пусканіи вѣнковъ въ Новогладковской и при пусканіи кораблей въ Старогладковской и Кордюкахъ. Въ двухъ послѣднихъ станицахъ поется другой вариантъ этой пѣсни, здѣсь же помѣщаемый. Записана со словъ Гавриила Рогожина.

9) Эта и двѣ предыдущія пѣсни записаны мною со словъ урядника ст. Щедринской Ѳ. П. Пономарева.

☆☆) Эта пѣсня, очень богатая мотивомъ, продиктована мнѣ станицы Новогладковской казакъ Т. Ивановымъ. Въ Червленной, Новогладковской, Старогладковской и Кордюковской станицахъ поется этотъ вариантъ, въ Щедринѣ же «Не косицами». Хотя оба варианта и одинако-

вы по смыслу, но по мотивамъ почти никакого нѣтъ сходства.

10) Пѣсенъ, подобныхъ этой, въ сборникѣ много, но ихъ не надо смѣшивать: онѣ все сильно разнятся одна отъ другой, какъ по мотивамъ, такъ по смысламъ и эпохамъ, къ которымъ онѣ относятся.

11) Эта пѣсня записана со словъ урядника *Θ. П. Пономарева*. Дѣйствующее лицо въ пѣснѣ *Мисостовъ* сынъ, прозваннымъ такъ чеченцами, есть никто иной какъ дѣдъ *И. Е. Фролова*, подполковника ст. Червленной.

Военно-Бы- товыея.

Военно-бытовыми пѣснями похвалиться не смѣю, ибо ихъ совсѣмъ Гребенцы мало имѣютъ, и то онѣ большею частью искусственныя. Большинство ихъ соединяется съ историческими. При составленіи этого отдѣла мнѣ помогъ тотъ же *И. Д. Скороходовъ*, *Θ. П. Пономаревъ*, *Т. Ивановъ* и *М. Казакинъ*.

12) Дѣло подь Акъ-Булатъ-Юртомъ или «Сусловское дѣло» памятно еще многимъ Гребенцамъ, которые съ увлеченіемъ рассказываютъ подробности этого по истинѣ геройскаго дѣла.

13) Эта пѣсня обязана своимъ происхожденіемъ Генераль-Лейтенанту *И. Ив. Сафонову*.

14) Авторъ этой пѣсни станицы Червленной *П. Т. полковникъ Кулебякинъ*.

15) Записана со словъ казака *С. Гогина*.

**Любовныя
и обрядо-
выя.**

Пѣсни этого отдѣла характеризуютъ въ одномъ случаѣ ухаживаніе парней за дѣвушками, а въ другомъ случаѣ представляютъ намъ характеристику обрядовъ, которые сопровождаются обыкновенно пѣніемъ. Много помогли мнѣ при записываніи этихъ пѣсенъ — жена Войскового Старшины Д. Ив. Тюшекова, затѣмъ казаки станицы Новогладковской—Т. Ивановъ, П. Лимановъ, П. Крутовъ, Е. Богдашкинъ и Е. Смирновъ; ст. Кордюковской—И. Любовь; Старогладковской—И. Ергушовъ; Червленной—Т. Багдашкинъ; Щедринской—А. Егоринъ.

- 16) Эта и предыдущая пѣсни записаны со словъ Е. Смирнова.
- 17) Эту пѣсню продиктоваль мнѣ А. Егоринъ.
- 18) Когда дѣвушка выходитъ замужъ за нелюба парня, то на вечеринкахъ поютъ эту пѣсню.
- 19) Эта пѣсня особенно любима Кордюковцами. Записана со словъ казака Т. Иванова.
- 20) Свадебная пѣсня—поется въ ст. Червленной, Новогладковской, Старогладковской въ то время, когда невѣсту везутъ вѣнчать въ часовню. Записана со словъ казака Т. Багдашкина.
- 21) Записана со словъ казака Т. Иванова.
- 22) Эта пѣсня поется на вечеринкахъ сиротѣ—невѣстѣ.
- 23) При приѣздѣ мужа, брата или, вообще, ближняго родственника молодья «бабочки» или дѣвушки поютъ эту пѣсню.
- 24) Поютъ при провожаніи. Диктоваль Хорунжий Ф. М. Кирѣевъ.
- 25) Поютъ подруги «молодой» послѣ вѣнчанія

на обратномъ пути. Записана со словъ казака ст. Червленной М. Казакина.

- 26) Въ «углу» (дѣвичникѣ), когда отдаваемая замужъ дѣвушка начинаетъ плакать, тогда подруги ея поютъ эту пѣсню. Изъ мужчинъ, кромѣ отца, никто не присутствуетъ на «углу». Всѣ подруги въ эту ночь ночуютъ съ невѣстой, дабы избавить ее отъ напасти дьявольской. Со словъ казака Т. Багдашкина.
-

**Скоморош-
нымъ.**

Подъ скоморошными пѣснями Гребенцы разумѣютъ всѣ веселыя пѣсни, которыя поются при ударахъ въ тазъ. Подъ пѣніе этихъ пѣсень пляшутъ, что гораздо легче и лучше, чѣмъ подъ гармонію. Въ Червленной станицѣ скоморошныя пѣсни мало поются, а ихъ замѣняетъ гармонія. Конечно въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ необходимо пѣть (на свадьбахъ) онѣ поются, но въ ст. Новогладковской и Кордюковской рѣдко вы услышите гармонію; обыкновенно пляшутъ подъ какую либо скоморошную пѣсню. Записывалъ со словъ казаковъ—Е. Смирнова, Т. Иванова, Е. Багдашкина, Ф. Мальчушкина, Т. Багдашкина, И. Любова, И. Ергушова и ст. Щедринской Н. Дюкина.

- 27) Эти первыя три пѣсни записаны мною со словъ казака И. Любова.
- 28) Поется въ ст. Червленной при «обыгрываніи».
- 29) Въ ст. Новогладковской на вечеринкахъ поютъ эту пѣсню. Продиктована казакомъ Т. Ивановымъ.
- 30) Эта и предыдущія пять пѣсень продикто-

ваны мнѣ казакомъ ст. Новогладковской П. Кру-
товымъ; причемъ «калину съ малиной вода по-
няла» поютъ дѣвушкѣ, которую выдаютъ замужъ
на чужую сторону, въ другую станицу во вре-
мя «угла».

31) Эта и двѣ предыдущія пѣсни записаны со
словъ казаковъ ст. Червленной—Т. Багдашкина
и М. Казакина.

32) Поется въ «углу», но большею частью
предъ отправленіемъ невѣсты къ вѣнцу. Запи-
сана со словъ казака Е. Смирнова.

33) Въ «бесѣдѣ», когда подходит время рас-
ходиться по домамъ, поютъ эту пѣсню.

34) Эту пѣсню поютъ во время пусканія вѣн-
ковъ въ ст. Червленной и Новогладковской. Кро-
мѣ того поютъ небольшіе стихи, въ которыхъ
дѣвушки верхней станицы просятъ принять вѣн-
ки дѣвушекъ слѣдующей нижней станицы. Въ
ст. Червленной поютъ:

Поплыви мой вѣнокъ
Во Щедринъ городокъ;
Вы Щедринскія *дѣвочки*,
Вы берите наши вѣночки.

Удареніе въ словѣ «*дѣвочки*» дѣлается всегда
надъ «О», какъ и при разговорѣ. Въ Новоглад-
ковской станицѣ поютъ:

Поплыви мой вѣнокъ,
Что во Старый городокъ;
Еы Старогладковски дѣвочки,
Вы берите наши вѣночки.

и т. д.

- 35) Эта пѣсня составлена отст. генер. Б. одной вдовушкѣ, за дочерью которой онъ ухаживаль безнадежно. Продиктована казакомъ Т. Ивановымъ.
- 36) Поется эта пѣсня на вечеринкахъ въ ст. Новогладковской. Слышалъ отъ казака Е. Багдашкина.
- 37) Эта пѣсня и 8 предыдущихъ записаны мною со словъ Щедринскихъ «бабочекъ» — С. Р.; Д. Д.; С. А.; Т. К.; В. П.
- 38) Предъ отправленіемъ къ вѣнцу невѣсты поютъ эту пѣсню въ ст. Новогладковской. Со словъ казака П. Лиманова.
- 39) Поется въ ст. Старогладковской во время «угла». Записана со словъ казака Е. Смирнова.
- 40) Въ ст. Новогладковской эту пѣсню поютъ предъ отправленіемъ невѣсты къ вѣнцу. Диктоваль П. Лимановъ.
- 41) Записана со словъ казака Е. Багдашкина.
- 42) Эта пѣсня не отличается художественною отдѣлкою, тробовать которой мы не въ правѣ, ибо она создана простымъ казакомъ ст. Червленной Фроловымъ, погибшимъ позорной смертью въ 50 г. на станичной площади за переходъ къ чеченцамъ.
- 43) Эта пѣсня принадлежитъ перу отс. ген. В.,
- 44) Эта пѣсня—характеристика Гребенички, отправляющейся убирать садъ во время волненія горцевъ.
- 45) Безпокойная жизнь Гребенцовъ во время борьбы съ горцами изображена въ этой пѣснѣ.

О п е ч а т к и .

На стр.	Напечатано.	Читатъ.
— 8	груди царскія	царскія.
— 11	паавославный	православный.
— 12	соколикъ на сѣдлѣ	сѣдлѣ.
— 21	вонъ пошемъ	пошелъ.
— 25	со волги	Волги,
— 28	губераю	губерню.
— 30	не измѣня	измѣняя.
— 52	мартиры	мортиры.
— 65	мѣсячъ	мѣсяць.
— 68	держатъ	держалъ.
— 72	съ ннмъ	нимъ.
— 82	вславу	славу.
— 96	кампаніи	компаніи.
— 108	малоденькій	молоденькій.
— 125	пиръ-бесѣдушке	бесѣдушка.
— 131	не плачъ	неплачь.
— 137	дальней	дальней.
— 144	какъ-капъ	капъ-капъ.
Примѣч. III стр.	спустилась	спустилась.

EESTI RAHVUSRAAMATUKOGU

2-03-09971

Цѣна 1 руб. 50 коп.

307.